Тайны русско-японской войны

Тайны русско-японской войны

Тайны русско-японской войны

Д.Б.Павлов, С.А.Петров

ЯПОНСКИЕ ДЕНЬГИ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

РУССКАЯ РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА В ВОЙНЕ 1904 — 1905 гг.

Документы

Составитель И.В.Деревянко

Москва
«Прогресс»
«Прогресс-Академия»
1993

ББК 63.3(2)521
П 12

Редактор *Т.В.Хордина*

Павлов Д., Петров С.

П 12 Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904 — 1905 гг.: Документы /Сост. И.В.Деревянко. — М.: Издательская группа «Прогресс»: «Прогресс-Академия», 1993. — 328 с. с илл. — Загл. обл.: Тайны русско-японской войны.

Издание включает в себя две работы, раскрывающие неизвестные страницы русско-японской войны 1904 — 1905 гг.

Историки Д.Павлов и С.Петров в своей работе «Японские деньги и русская революция» ведут рассказ о том, как японская разведка пыталась воздействовать на оппозиционные российскому самодержавию политические силы во время русско-японской войны.

Вторая часть — это сборник никогда ранее не публиковавшихся документов, рисующих картину деятельности служб разведки и контрразведки России на Дальнем Востоке в 1904 — 1905 гг. Составитель и автор предисловия — молодой историк-архивист И.В.Деревянко.

П $\frac{0503020300-001}{016\ (01)-93}$ без объявл. **ББК 63.3(2)521**

ISBN 5-01-003684-3

© Издательская группа«Прогресс», «Прогресс-Академия», 1993

Д.Б.Павлов, С.А.Петров

ЯПОНСКИЕ ДЕНЬГИ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7
Глава I. МОТОДЗИРО АКАСИ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С ОППОЗИЦИЕЙ 15
Глава II. ПОПЫТКИ КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ (ПАРИЖСКАЯ И ЖЕНЕВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИИ) 24
Глава III. «ДЖОН ГРАФТОН» И ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 48
Глава IV. «СИРИУС»: ВВОЗ ОРУЖИЯ НА КАВКАЗ 63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 67
ПРИМЕЧАНИЯ 70
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 87
ПРИЛОЖЕНИЕ 95

ВВЕДЕНИЕ

В июне 1906 г. в Петербурге в издательстве А.С.Суворина вышла в свет брошюра «Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства». В ней были воспроизведены фотокопии писем, которыми в первой половине 1905 г. обменивался бывший японский военный атташе в России полковник М.Акаси[1] с К.Циллиакусом и Г.Г. Деканозовым. Первый из них был организатором и руководителем Финляндской партии активного сопротивления, образованной в ноябре 1904 г., второй — одним из лидеров созданной в апреле того же года Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. Опубликованная переписка касалась главным образом закупки и нелегальной отправки в Россию большой партии оружия для революционных организаций. «И японцы, и русские революционеры, — указывалось в предисловии к брошюре, — в циничном безразличии в выборе средств борьбы оказались достойны друг друга. Одни славу своего оружия запятнали грязью подкупа, другие великое слово свободы осквернили продажей своей родины».

Это была не первая попытка обвинить участников освободительного движения в корыстных связях с противником России в недавно закончившейся русско-японской войне. Еще в начале 1905 г. неким А.Черепом-Спиридовичем был пущен подхваченный правыми газетами и черносотенцами, но при проверке оказавшийся вздорным слух об огромной денежной поддержке, которую японское правительство якобы оказало бастовавшим в России рабочим. Такого рода обвинения нередко использовались и местными российскими «держимордами» для организации погромов демократической интеллигенции, как, например, в

Курске в феврале 1905 г.[2] «...Как только русская армия стала терпеть неудачи в борьбе с Японией, — вспоминал один из лидеров партии кадетов И.И.Петрункевич, — прислужниками правительства тотчас был пущен слух о подкупе японцами русских общественных деятелей и печати в расчете перенести ответственность военной и гражданской власти за поражение на общество и его деятелей. Конечно, этому слуху никто не верил, и истинный смысл его был всем понятен»[3].

Вероятно поэтому опубликованные в 1906 г. документы, о которых мы говорили в начале, были встречены современниками с недоверием. «...Когда мы говорили, что деньги для русской революции получались из-за границы, — записал издатель брошюры в своем дневнике через год после ее публикации, — над этим смеялись»[4]. В отклике на выход «Изнанки революции», помещенном в газете «Наша жизнь», известный публицист В.В.Водовозов охарактеризовал ее как «попытку кого-то из истинно русских людей показать изнанку революции и вместе свой «патриотизм» с той стороны, с какой он только и показывался в последнее время, — как патриотизм клеветнический»[5]. При этом, однако, он признал, что опубликованные материалы «не оставили бы ни малейшего сомнения» в справедливости вышеприведенного обвинения в адрес «русских революционеров», если бы их достоверность была установлена. В ответной публикации суворинское «Новое время» предложило авторам обнародованных писем оспорить их подлинность[6], но на это предложение никто не отозвался. И не мудрено: в брошюру вошли фотокопии, сделанные заграничным агентом Департамента полиции с оригинальных документов, а отчасти и их подлинники. Эти и другие материалы образовали особое дело «О предосудительной против России деятельности японского полковника Акаши и его сотрудников Деканози, Зельякуса и др.», начатое Департаментом полиции еще в ноябре 1904 г.[7]

Дальнейшие события (разгон I Думы и последовавший за ним новый подъем революционного движения) отодвинули сенсационные разоблачения времен прошедшей войны на задний план. Побыстрее «забыть» их постарались не только противники самодержавия, но и само русское правительство, пошедшее по пути ско-

рейшего урегулирования отношений со своим недавним врагом, а затем и установившее союз с ним. Уже весной 1906 г. русский посланник в Японии Ю.П.Бахметев с санкции только что назначенного министром иностранных дел А.П.Извольского предложил токийскому правительству заключить конвенцию о выдаче преступников, включая и некоторых политических (то есть революционеров), и встретил сочувственный отклик. Секретное приложение к договору о выдаче уголовных преступников, заключенному Россией и Японией в мае 1911 г., предусматривало не только взаимную выдачу политических преступников, но и пресечение «агитационной и конспиративной деятельности» подданных каждой из сторон против «государственных установлений и органов» другой стороны[8]. Появление такого документа, не имевшего аналогов в дипломатической практике России, историк В.А.Маринов связывает с деятельностью в Японии группы русских революционеров во главе с Н.К.Судзиловским-Русселем (о котором речь впереди). Содержавшееся в документе указание на подданных противной стороны наводит на мысль, что Петербург пытался застраховаться в будущем от появления второго Акаси. Что касается японской стороны, то на ведение переговоров о заключении такой конвенции с Россией ее, вероятно, подтолкнула деятельность в Шанхае чиновника российского МИДа — действительного статского советника Павлова, с помощью китайской и японской агентуры занимавшегося в годы войны сбором «секретных сведений политического характера» о Японии, а также «руководительством прессой» на Дальнем Востоке «в благоприятном для России направлении»[9]. По отзыву российского посланника в Китае Покотилова, поддержанному и самим министром иностранных дел, эта деятельность имела «несомненный успех и отличные результаты»[10].

Итак, имя полковника Акаси надолго исчезло со страниц русской периодики[11]. Не находим мы его и в многочисленных дореволюционных исследованиях по истории русско-японской войны[12], включая и специально посвященные разведке[13]. Их авторы, как правило, ограничивались общими рассуждениями о беспрецедентно широких размерах японского «шпионства», о

«неуловимой и огромной сети» японских тайных агентов, опутавшей Россию накануне и в годы войны, и т.п. Относительно же связи японцев с освободительным движением в России здесь можно встретить лишь осторожные намеки[14].

В советской историографии и мемуарной литературе деятельность Акаси в 1904 —1905 гг. была затронута при освещении истории конференции революционных и оппозиционных партий, состоявшейся в Париже в 1904 г.[15], а также при описании перипетий экспедиции по доставке оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон» летом 1905 г.[16] Интересные сведения о контактах польских революционных и буржуазно-националистических организаций с японским правительством в годы русско-японской войны содержит коллективная монография сотрудников Института славяноведения и балканистики[17]. Эти сюжеты, однако, далеко не исчерпывают всей картины взаимоотношений японцев с представителями общественного движения в России в 1904 — 1905 гг. Не рассматривает этого вопроса и обширная советская литература, посвященная истории русско-японской войны и различным ее аспектам, отношению к ней большевиков и других революционных партий, деятельности боевых и военных формирований революционеров в годы первой революции и т.д. Аналогичным образом обстоят дела в советской историографии по истории Японии и ее внешней политики[18]. Лишь А.Л.Гальперин упомянул о «каких-то таинственных махинациях» японских военных атташе в Германии и Дании[19], а А.Вотинов говорил об активной «шпионско-разведывательной» работе, которую вели японцы против России в годы войны на территории Германии, Швеции и других европейских государств[20].

Значительно бóльшее внимание этому вопросу уделяет зарубежная историография. Авторы работ по истории русской революции, появившихся в 1918 — 1919 гг., комментируя бесспорный для них факт получения большевиками германских денег в 1917 г., историческую аналогию этому ищут в событиях 1904 — 1905 гг., когда, по словам американского историка Артура Булларда, «большинство российских революционных партий принимало японскую помощь»[21]. Эта поддержка, пи-

шет он, была, в частности, оказана эсерам (социалистам-революционерам) в организации отправки оружия морем в Финляндию (имеется в виду экспедиция «Джона Графтона») и в ведении «интенсивной пропаганды» среди русских военнопленных в Японии. Еще бóльшую результативность японской помощи российской революции приписывает другой американский автор этого периода — Эдвард Диллон, много лет проживший в России в качестве корреспондента газеты «Дейли Телеграф» и близко знавший графа С.Ю.Витте (которому он и посвятил свою работу). Именно благодаря японским деньгам, утверждает он, революционная пропаганда в России в период русско-японской войны получила столь «поразительный размах». В конечном счете, по его мнению, и стачки, и демонстрации, и распространение листовок революционных организаций, и «оживленные нелегальные транспортные связи» между Россией и Финляндией явились (правда, в разной степени) следствием «японской пропаганды»[22].

Первыми публикациями на эту тему в Финляндии явилось издание обширных (в двух томах) мемуаров Конни Циллиакуса (Гельсингфорс, 1919 — 1920), а также двух работ другого видного финского «активиста» — Германа Гуммеруса. Первая из них вышла в Гельсингфорсе в 1925 г. и была посвящена деятельности партии активного сопротивления; вторая — биография Циллиакуса — напечатана там же в 1933 г. В 1927 г. К.А.Вегелиусом были опубликованы воспоминания многих финнов — участников событий 1904 — 1905 гг. Из работ этого ряда особый интерес представляют воспоминания Циллиакуса, в которых он откровенно рассказал о своих контактах с Акаси и признал, что вышеупомянутая парижская (1904 г.) конференция была организована им с одобрения и за счет японского правительства[23]. Попытку ввоза оружия в Россию в 1905 г., к которой Циллиакус имел самое непосредственное отношение, мемуарист еще раньше (в 1912 г.) назвал «глупейшей и фантастичнейшей»[24].

Мемуарный материал, касающийся экспедиции «Джона Графтона», в 30-е годы собирал финский исследователь Эйно Парманен. Среди участников этого предприятия, воспоминания которых ему удалось записать, был и Джон Нюландер, моряк, член партии актив-

ного сопротивления, в ходе экспедиции бывший последовательно капитаном всех трех судов (включая и «Джона Графтона») «эскадры» Конни Циллиакуса. Собранные материалы Парманен опубликовал в 1937 и 1939 гг.

Поскольку все перечисленные работы вышли в свет на финском или шведском языках, долгое время содержащиеся в них сведения оставались известны лишь очень узкому кругу специалистов. В научный оборот они были введены лишь в 1963 г. благодаря книге английского исследователя Майкла Футрелла, посвященной связям скандинавского подполья с русскими революционными организациями во второй половине XIX — начале XX в. Опираясь на вышеперечисленные финские, а также иные (в том числе японские) материалы, Футрелл, в частности, сумел подробно проследить всю эпопею «Джона Графтона», начиная с ее предыстории — состоявшегося в феврале 1904 г. знакомства Циллиакуса с Акаси — и вплоть до взрыва судна в начале сентября следующего года в водах Балтики[25].

В вышедшей в 1964 г. фундаментальной работе профессора Принстонского университета Джона Уайта, посвященной дипломатической истории русско-японской войны, интересующая нас страница впервые освещается с использованием архивных материалов — документов МИДа Японии, — и в их числе одного из списков доклада Акаси о своей деятельности в Европе, известного под названием «Rakka ryusui»[26]. Уайт разделяет общепринятую в русской и советской, а также и в зарубежной историографии точку зрения о высокой эффективности и масштабности деятельности японской разведки в ходе русско-японской войны. Он отводит ей роль одного из трех основных факторов, обеспечивших победу Японии над могучим соседом, причем главной ее фигурой считает Акаси[27].

Привлечение архивных документов позволило Уайту более обстоятельно, чем его предшественникам, осветить разногласия в токийском правительстве по вопросу о соответствии японским интересам дальнейшего развития освободительного движения в России, а значит, и о характере действий Акаси и его коллег. Опираясь на ранее изданные работы польских историков[28], американский исследователь коснулся также ис-

тории взаимоотношений с японцами В.Иодко, Ю.Пилсудского и других представителей польского общественного движения. Кроме того, в работе Уайта заметно стремление отойти от примитивных и, главное, ни на чем, кроме собственных впечатлений, не основанных утверждений американца Диллона о прямой обусловленности революционного движения в России характером и масштабами японской помощи[29]. Позднее эта тенденция получила в историографии дальнейшее развитие.

В Японии во второй половине 60-х гг. исследователем М.Инаба был опубликован и прокомментирован один из трех известных вариантов «Rakka ryusui». В 1966 г. в Токио вышла в свет монография Т.Тани «Тайная история русско-японской войны». Таким образом, в японской историографии после длительного перерыва было продолжено изучение деятельности Акаси и даже начата серия документальных публикаций, посвященных его деятельности[30].

В 70 — 80-е гг. в Финляндии был опубликован еще ряд работ по истории революционного и оппозиционного движения, написанных с привлечением документов из финских архивов. Олави Фэлт посвятил свою статью, а затем и одноименную монографию контактам участников движения с японской разведкой[31], а Уильям Коупленд — их взаимоотношениям с русским освободительным движением[32]. В 1980 г. финский исследователь А.Куяла выступил с обстоятельной статьей, в которой проанализировал роль большевиков, с одной стороны, и партии пассивного сопротивления, с другой, в деле «Джона Графтона»[33]. В 1986 г. Ч.Инаба опубликовал другой вариант «Rakka ryusui», сопроводив публикацию текстовым анализом. Наконец, в 1988 г. в серии, издаваемой Финским историческим обществом, были опубликованы выдержки из наиболее полного, третьего списка доклада Акаси вместе с извлеченной из японских архивов его перепиской с руководителями военного ведомства и МИДа Японии за 1904 — 1905 гг. Кроме того, в сборник вошли основанные на широком привлечении документов из архивов Японии, Финляндии и США статьи наиболее видных на сегодняшний день зарубежных специалистов — Ч.Инаба, А.Куяла и О.Фэлта[34].

Таким образом, в научный оборот были введены многие документы, которые дают возможность проследить историю контактов Японии с представителями российского освободительного движения в годы русско-японской войны. До сих пор невостребованными, однако, оставались документы советских архивохранилищ, содержащие богатый материал по интересующим нас сюжетам. Восполнить этот пробел, уточнить, а в чем-то и дополнить картину, нарисованную нашими зарубежными коллегами, и призвана настоящая работа.

Наибольший интерес среди используемых нами архивных материалов представляет комплекс документов российской охранки, прямо или косвенно связанных с деятельностью Акаси и его агентов. Кроме вышеупомянутого специального дела Департамента полиции, в котором весьма полно отражены обстоятельства слежки за японским полковником с осени 1904 г. до лета 1905 г., сюда следует отнести разнообразную жандармскую переписку, посвященную деятельности в эти годы российских революционных и оппозиционных партий (межпартийным конференциям, переправке оружия в Россию и т.д.). Многократно перепроверенные еще в момент появления и отчасти подтверждаемые сообщениями других источников, эти сведения в основном заслуживают доверия. Некоторое исключение здесь составляют сообщения руководителей Финляндского жандармского управления, которые нередко пользовались недоброкачественными источниками информации.

При рассмотрении ряда частных сюжетов, главным образом по истории российской социал-демократии и партии социалистов-революционеров в интересующие нас годы, мы использовали материалы Архива Дома Плеханова (С.-Петербург), ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне Российский центр хранения и изучения современной документации), Международного института социальной истории (Амстердам) и Национального архива Финляндии (Хельсинки)[35]. Была также использована периодическая печать различной политической направленности, опубликованные и неопубликованные мемуары и дневники непосредственных участников описываемых событий и некоторые другие источники.

ГЛАВА I

МОТОДЗИРО АКАСИ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ С ОППОЗИЦИЕЙ

Для начала приведем основные вехи биографии главного героя.

Кадровый офицер, Мотодзиро Акаси (1864 — 1919) в 80-е годы окончил в Токио военные Академию и Колледж. После недолгого пребывания на Тайване и в Китае он с 1901 г. занимал пост японского военного атташе во Франции, а с 1902 по 1904 г. — в России. В 1906 г. продолжил военно-дипломатическую службу в Германии. Однако, скомпрометированный публикацией своей переписки с Деканозовым и Циллиакусом в уже известной нам брошюре, был вскоре отозван на родину. В течение семи последующих лет (с 1907 по 1914) Акаси возглавлял полицию Кореи, с 1905 г. находившейся под протекторатом Японии, а в годы первой мировой войны являлся заместителем начальника Генерального штаба. Последние годы жизни Акаси прошли на Тайване, где он был командующим японскими вооруженными силами и одновременно генерал-губернатором острова. Умер он, имея чин полного генерала и баронский титул.

Сведения о первых месяцах пребывания Акаси в России скудны. «Подполковник Акаши, — отмечалось в отчете Разведочного отделения российского Главного штаба, — работает усердно, собирая сведения, видимо, по мелочам и ничем не пренебрегая: его несколько раз видели забегавшим в английское посольство, расспрашивающим о чем-то на улице шведско-норвежского военного агента... и наблюдали в сношениях... с целым рядом различных японцев»[1]. Судя по его докладу начальству, в это время он был занят преимущественно ознакомлением с общественно-политическим положением в стране и поиском контактов с российской оппозицией[2]. Осложняло за-

дачу незнание русского языка и его полная оторванность от жизни русского общества. Дело шло туго, и, может быть, поэтому персона токийского военного атташе не привлекала к себе внимания российской охранки. В Департаменте полиции об Акаси заговорили много позднее — после его отъезда из России в связи с началом русско-японской войны, впервые заподозрив его в шпионской деятельности. Однако, поломав голову над тем, какие услуги своей горничной (вышедшей вскоре замуж за военного писаря) оплатил Акаси, оставив ей всю обстановку своей небедной петербургской квартиры[3], в Департаменте, вероятно, решили, что услуги эти были сугубо личного свойства. Как бы там ни было, об этой стороне своей петербургской жизни Акаси в докладе не говорит ничего, зато здесь есть прямые указания на сотрудничество с У.Сентаро и венгром Балогом-де-Галатна. Студент Петербургского университета Уедо Сентаро по просьбе Акаси пытался нащупать связи с оппозиционно настроенным студенчеством, но тщетно[4]. Иной была роль Балога.

«Австрийский подданный инженер Н.К.Балог-де-Галонт» попал в поле зрения Департамента полиции еще в 1901 г. в связи с подозрительными разговорами, которые он вел с одним из «интеллигентных» сотрудников охранки. Интерес полиции к этому венгру, однако, быстро угас, поскольку его утверждения о том, что он послан в Россию для пропаганды конституционных идей в среде интеллигенции, невозможно было принимать всерьез. Тогдашний начальник С.-Петербургского охранного отделения полковник Пирамидов в донесении директору Департамента полиции прямо назвал речи Балога «пустою болтовнею»[5]. Незадолго до начала русско-японской войны Балог явился с предложением своих услуг на прием прямо к японскому послу в России С.Курино и стал, по сути, первым более или менее серьезным «сотрудником» Акаси. Учитывая характер Балога, такое начало деятельности японца по вербовке агентуры нельзя было назвать многообещающим, однако именно благодаря этому агенту Акаси удалось в конце концов выйти из той своеобразной изоляции, в которой он пребывал в Петербурге, и войти в контакт с представителями оппозиции (финской). Сотрудничество Акаси с Балогом продолжалось, впро-

чем, недолго. Уже весной 1904 г. стало ясно, что Балог, взявшийся доставлять военно-разведывательные сведения о России, которыми Акаси также не пренебрегал, не годится для такой роли, и с ним пришлось расстаться[6].

В конце января 1904 г. в связи с началом русско-японской войны все японское дипломатическое представительство покинуло Петербург и через Берлин направилось в Стокгольм. Здесь-то и произошла встреча Акаси с лидерами финской оппозиции. Уже в ходе их первой беседы, состоявшейся в доме видного финского конституционалиста И.Кастрена, украшенном портретами японского императора и датского принца Фредерика, Циллиакус обещал снабжать Акаси общеполитической информацией о внутреннем положении России[7], но как член партии пассивного сопротивления наотрез отказался от роли японского агента. Взамен Кастрен познакомил японца с несколькими шведскими офицерами[8], в лице которых тот приобрел квалифицированных и надежных помощников по сбору военной информации о России. По агентурным сведениям начальника ФЖУ, в эти же дни Циллиакус посетил в Стокгольме Курино[9].

Переезд японского дипломатического представительства в Стокгольм и тамошняя деятельность Акаси не прошли незамеченными в России. «Серьезного внимания в настоящее время заслуживает то обстоятельство, — доносил в Департамент полиции начальник Выборгского охранного отделения через два месяца после описываемых событий, — что японская миссия в Петербурге после разрыва дипломатических сношений с Россией избрала себе местожительство именно в Стокгольме. Есть основания полагать, что это сделано с тою целью, чтобы удобнее следить за всем тем, что происходит теперь в России... Ближайшими помощниками японцев для получения необходимых сведений из России могут быть высланные за границу финляндцы, проживающие ныне в Стокгольме; для последних же добывание этих сведений не может составить большого затруднения». В Департаменте нашло полную поддержку предложение об организации «более тщательного наблюдения за теми из фин-

ляндских обывателей, которые известны своей близостью с высланным элементом»[10].

Все это были, однако, полумеры. Тем, что в Департаменте вовремя не разглядели потенциальную опасность контактов японцев с финнами, охранка была обязана своему заграничному агенту Л.А.Ратаеву, который равнодушно встретил сообщение о переезде японского представительства в Швецию и в феврале 1904 г. вместе с российским консулом в Стокгольме В.А.Березниковым был занят организацией подкупа высших полицейских чинов шведской столицы с тем, чтобы они приняли меры для «задержания провозимых через Стокгольм транспортов революционных изданий» (имелась в виду главным образом эсеровская «Революционная Россия»)[11].

Знакомство Акаси с финскими оппозиционерами действительно оказалось для него чрезвычайно полезным. Они имели обширные, давние и прочные связи в русских и польских революционных и либеральных кругах и сразу ввели его в гущу событий. Благодаря финнам Акаси впервые осознал, что ему предстоит иметь дело не с каким-то бесформенным движением русских «нигилистов», как он считал до сих пор[12], а с целым букетом сформировавшихся партий и групп, находившихся к тому же в весьма непростых взаимоотношениях. Говоря о полученных Акаси сведениях об освободительном движении в России, заметим, что по некоторым важным моментам он имел искаженные представления. Так, численность партий эсеров, социал-демократов и кадетов он определял соответственно в 800 тысяч и по миллиону членов в каждой из двух последних, а основной причиной разногласий между первыми двумя считал партийную «ревность», хотя и признавал наличие у них серьезных программно-тактических расхождений[13].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют с точностью установить, когда и при каких обстоятельствах у Циллиакуса и Акаси возник план оказания финансовой помощи революционерам со стороны японцев, чтобы ускорить начало вооруженного восстания в России. Судя по докладу Акаси, впервые они обсуждали эту проблему с Циллиакусом уже в феврале 1904 г.[14] Во всяком случае, какое-то время

такого рода переговоры Акаси вел, не имея на то санкции не только Токио, но даже и кого-либо из находившихся в Европе старших по должности японских официальных лиц. В конце концов этот план получил поддержку со стороны посла Японии в Лондоне Т.Хаяси, а затем и японского Генштаба[15].

В начале марта 1904 г. с рекомендацией Кастрена на руках Акаси отправился в Краков на встречу с Романом Дмовским, журналистом и членом Тайного совета националистической Лиги народовой, с которой финны поддерживали тесные контакты начиная с 1903 г. Обсуждение возможности участия Лиги в вооруженном восстании закончилось вручением Дмовскому рекомендательных писем к заместителю начальника японского Генштаба генералу Г.Кодама и одному из руководителей японской разведки генералу Я.Хукусима[16]. В середине мая 1904 г. Дмовский (формально в качестве корреспондента центрального органа Лиги журнала «Пшеглёнд вшехпольски»[17]) прибыл в Токио, где по просьбе Кодама составил две обширные записки о внутреннем положении России и польском вопросе. Исходя из стремления руководства Лиги воспрепятствовать любой попытке организации «польского фронта» в тылу России, Дмовский попытался убедить военное руководство Японии в ошибочности расчетов на использование польского национального движения в целях ослабления империи[18] и предлагал ограничиться ведением пропаганды среди находившихся в Маньчжурии польских солдат с призывом сдаваться в плен.

Иную позицию занимала Польская социалистическая партия (ППС). В феврале 1904 г. ее руководство выпустило воззвание, осуждающее захватническую политику царской России и желающее победы Японии. В расчете на то, что поражение царизма создаст ситуацию, благоприятную для выхода Польши из состава России, Центральный революционный комитет (ЦРК) ППС взял курс на подготовку восстания в союзе с другими революционными национальными партиями[19]. Уже в середине марта 1904 г. член ЦРК В.Иодко представил план такого восстания Хаяси. В числе прочего план предусматривал широкое распространение революционных изданий среди польских солдат русской армии, разрушение мостов и железно-

дорожного полотна по линии транссибирской магистрали и т.д.[20] В апреле ППС предложила регулярно поставлять японской стороне основанные на сообщениях печати сводки о передвижениях русских войск, состоянии армии и т.д.[21]

В Токио была послана телеграмма Хаяси и японского военного атташе в Англии Т.Утсуномия, в которой излагались предложения Иодко, но ответа получено не было. Тогда в начале июля для продолжения переговоров в Японию отправился Ю.Пилсудский. В представленном им в японский МИД меморандуме предлагалось создать японо-польский (в лице ППС) союз и была повторена прозвучавшая еще в марте просьба о предоставлении Японией материальной поддержки на вооруженное восстание[22]. Контршагом со стороны Дмовского, все еще находившегося в Японии, явилось составление новой записки, в которой была подтверждена его прежняя позиция. Он адресовал ее министру иностранных дел Комуре, затем передал в Генштаб, и она была рассмотрена на заседании гэнро[23]. В результате Пилсудскому было объявлено о нежелании японского правительства быть втянутым в польские дела, но для проведения разведывательной работы, диверсий в тылу русской армии и распропагандирования польских солдат ему было выделено 20 тыс. фунтов стерлингов (200 тыс. рублей)[24].

Судить о результативности этого направления деятельности ППС в полном объеме трудно. В литературе можно встретить указания на отдельные случаи добровольной сдачи в японский плен польских военных формирований[25]. По другим данным, число перебежчиков с русской стороны вообще было очень невелико и насчитывало немногим более 100 человек, из которых большинство, по свидетельству очевидцев, составлял «человеческий хлам»[26]. Характерно, что во время переговоров с представителями польского общественного движения летом 1904 г. глава японского внешнеполитического ведомства гарантировал польским перебежчикам особое отношение и обещал, что они не будут рассматриваться в Японии как обычные военнопленные[27]. Воспоминания русских пленных подтверждают, что поляки содержались отдельно и пользовались некоторыми преимуществами[28].

Позиция руководства ППС уже в 1904 г. вызвала критику со стороны левого крыла партии и в конечном счете привела к ее расколу в 1906 г. на ППС-«левицу» и ППС-«революционную фракцию»[29]. Последняя, по словам В.И.Ленина, «свернула себе шею на бессильной партизанщине, терроре и фейерверочных вспышках»[30].

Тем временем продолжало развиваться сотрудничество Акаси с Циллиакусом, для которого их встреча оказалась таким же приятным сюрпризом. Еще до начала русско-японской войны Циллиакус проявлял большой интерес к токийским делам, пристально следил за наращиванием японской военной мощи, посещал Японию и даже некоторые свои статьи подписывал псевдонимом «Самурай»[31]. В речи, произнесенной в начале февраля 1904 г. в Стокгольме на вечере памяти поэта И.Л.Рунеберга, Циллиакус предсказал победу Японии в ее конфликте с Россией и подчеркнул, что поражение царизма в войне может до такой степени усилить революционное движение в стране, что российская монархия падет и откроет дорогу расширению финляндской автономии[32]. «Исход русско-японской войны, — писал Циллиакус в эти дни, — имеет для Финляндии необыкновенное значение»[33].

Циллиакус одним из первых среди финских оппозиционеров осознал всю пагубность изоляции от русского освободительного движения. Еще в 1902 г. с присущей ему энергией и целеустремленностью сначала в частной переписке, а затем и со страниц редактировавшейся им газеты «Фриа Урд» («Свободное слово») он убеждал соратников в необходимости практического взаимодействия с русскими революционерами и, не теряя времени, самостоятельно приступил к осуществлению своих намерений. В частности, используя собственный опыт по транспортировке финской нелегальной литературы из Швеции в Финляндию, с осени того же 1902 г. Циллиакус начал оказывать аналогичного рода услуги российским социал-демократам (и, по отзыву одного из них, «отлично выполнял свои обязательства»)[34]. Ко второй половине 1903 г. Циллиакус сумел в какой-то степени переломить скептическое отношение к своим начинаниям в одном из руководящих органов партии пассивного сопротивления — Ка-

гале. На состоявшейся летом 1903 г. в Стокгольме конференции «финляндских сепаратистов»[35], как докладывал Ратаев директору Департамента полиции, его участники пришли к выводу, что «изолированная кучка финляндских агитаторов бессильна для борьбы с русским самодержавием», и они приняли решение «объединиться с русскими революционерами»[36]. В конце 1903 — начале 1904 г. по заданию Кагала Циллиакус предпринял поездку по европейским эмигрантским центрам, в ходе которой встретился с социал-демократом Л.Г.Дейчем, видными эсерами И.А.Рубановичем, Ф.В.Волховским, Н.В.Чайковским, анархистом князем П.А.Кропоткиным, представителями польского общественного движения Р.Дмовским и Л.Балицким. Помимо установления (или возобновления) связей с российской эмиграцией цель этой поездки Циллиакуса заключалась также в организации «финляндского бюро прессы» для усиления агитации «против русского правительства». Что касается поляков, то, если верить Ратаеву, речь шла об «обсуждении условий соглашения» их с финнами и «выработке программы объединенной совместной деятельности»[37].

Сведения обо всех этих шагах Циллиакуса Л.А.Ратаев получил непосредственно от Азефа, которому удалось настолько близко сойтись с финном, что тот использовал его в своих поездках в качестве своеобразного «гида»[38]. Ратаев, опасаясь «провалить» своего «сотрудника» («нечисто» даже в окружении финляндского генерал-губернатора, предупреждал он), специально просил директора Департамента полиции А.А.Лопухина, чтобы в дело были посвящены только он сам да министр В.К.Плеве. Сведения Заграничной агентуры, однако, показались последнему настолько любопытными, что он ознакомил с ними Николая II, который также нашел их «интересными».

В деле объединения сил российской революционной эмиграции наибольшие надежды Циллиакус связывал с партией эсеров, о чем недвусмысленно заявил своим коллегам еще на упомянутой стокгольмской конференции[39], а несколько позднее (в марте 1904 г.) — и Акаси[40]. Тем временем среди его единомышленников начали зреть террористические планы. В январе 1904 г. один из них, отставной офицер Генрих Биодэ, обра-

тился по почте к фактическому главе эсеровской Боевой организации М.Р.Гоцу с просьбой предоставить в распоряжение финнов несколько бомб «новейшей конструкции». «Гоц, — сообщал Л.А.Ратаев, — был чрезвычайно возмущен такой неконспиративностью... и поспешил ответить, что он... о бомбах ничего не знает, ни в какие террористические замыслы не посвящен и вообще не понимает, почему именно к нему Биодэ обращается с подобной просьбою»[41]. Несмотря на это, в дальнейшем наиболее тесные связи, в том числе и в области боевой работы, у финнов установились именно с эсерами. «К.Циллиакус, — констатировал в своем докладе директору Департамента полиции в ноябре 1904 г. полковник Шредель, — поссорился с... финскими патриотами из-за их пассивного образа действий... [и] ныне всецело примкнул к русским соц.-революционерам...»[42]

«К концу июня (1904 г.), — пишет в своем докладе Акаси, — отношения между Циллиакусом и основными оппозиционными партиями созрели. Он и я почти одновременно отправились в Париж, где вместе с представителем партии «Сакартвело» Деканози и партии «Дрошак» графом Лорис-Меликовым совещались по поводу плана организации беспорядков в России. Затем Циллиакус отправился в Лондон на переговоры с Чайковским. После этого с моей рекомендацией на руках он встретился с Утсуномия, чтобы затем повидаться с Хаяси. Поскольку Утсуномия получил ответ от заместителя начальника Генерального штаба, я обещал Циллиакусу, что выплачу ему 3000 иен на печатание прокламаций»[43].

ГЛАВА II

ПОПЫТКИ КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ РОССИЙСКИХ ПАРТИЙ (ПАРИЖСКАЯ И ЖЕНЕВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИИ)

Вдохновленный обещанием финансовой поддержки со стороны Японии, Циллиакус с утроенной энергией принялся за организацию созыва межпартийной конференции. Ее цель, объяснял он Акаси весной 1904 г., должна заключаться в выработке совместного печатного воззвания, а затем и в организации демонстраций[1]. В конце апреля — начале мая 1904 г. Циллиакус получил принципиальное согласие на участие в конференции от социал-демократов (в лице Г.В.Плеханова)[2] и от либералов (П.Б.Струве). Дело, однако, шло не совсем гладко. Во-первых, потому, что умеренное крыло финских оппозиционеров, ориентированное на русских либералов, стремилось оттеснить Циллиакуса от организации конференции и поддержало просьбу Струве об ее отсрочке и, во-вторых, в связи с неожиданно возникшими колебаниями партий, уже высказавшихся за участие в ней (например, эсеров). Эти сравнительно небольшие затруднения, впрочем, не меняли благоприятного отношения представителей российского общественного движения к самой идее созыва такой конференции. О связях Циллиакуса с японцами никто из них не подозревал, и активность финна выглядела как естественное стремление реализовать свои ранее высказанные намерения. О том, кто стоял за спиной Циллиакуса, к началу лета 1904 г. кроме поляков знал лишь эсер Волховский[3].

В конце мая — начале июня 1904 г. в эмигрантских кругах поползли слухи о готовящейся межпартийной конференции. Заведующий берлинской агентурой Департамента полиции сообщал в Петербург о скором созыве в России «съезда» представителей русских либералов, социал-демократов, эсеров, бундовцев, польских социалистов и социал-демократов и финляндцев

с целью скоординировать действия для «поднятия бунта» в разных городах империи. Финляндцами, сообщал далее А.М.Гартинг, собрано 5 млн. рублей, «которые будут представлены в распоряжение Центрального комитета социал-демократов для организации волнений»[4].

13 июня 1904 г.[5] предложение Циллиакуса было впервые рассмотрено на заседании Совета РСДРП. Г.В.Плеханов считал, что работа будущей конференции должна была заключаться в совместной выработке «манифеста против войны»[6]. Совет единогласно высказался за участие в конференции, но в специально принятой инструкции своим делегатам подчеркнул, что необходимо ограничиться лишь «принципиальным заявлением солидарности всех революционных и оппозиционных партий в борьбе с царизмом»[7]. В дальнейшем что-то заставило Плеханова усомниться в целесообразности участия социал-демократов в работе этой конференции, но Циллиакусу во время их второй личной встречи, состоявшейся в Амстердаме 19 августа, удалось, по словам Ратаева, «сломить упорство» своего собеседника[8].

В Амстердаме Циллиакус провел также ряд встреч с представителями других социалистических партий, съехавшимися на конгресс II Интернационала, на котором сам он фигурировал в качестве гостя. На состоявшемся 18 августа обеде в присутствии эсеров Е.Азефа, Е.К.Брешко-Брешковской, Ф.В.Волховского, И.А.Рубановича и В.М.Чернова, а также делегата от Бунда Ц.М.Копельзона, Циллиакус развил свой план действий, который (в «стенографическом» изложении Л.А.Ратаева) выглядел следующим образом: «В самом непродолжительном времени необходимо собрать конференцию делегатов от всех российских и инородческих революционных и оппозиционных групп. Делегаты должны обсудить текст общего манифеста против войны и выработать план общих совместных и одновременных действий для понуждения всеми мерами, хотя бы самыми террористическими, прекратить войну. Такими мерами могут быть одновременные в разных местностях вооруженные демонстрации, крестьянские бунты и т.п. Если понадобится оружие, добавил Циллиакус, то финляндцы берутся снабдить

оружием в каком угодно количестве. Все согласились на этот план»[9]. Как видим, планы Циллиакуса относительно характера совместных действий революционных и оппозиционных партий претерпели изменения за счет перенесения центра тяжести из области пропагандистской («манифест против войны») в сферу революционной практики под флагом, правда, все той же антивоенной кампании.

По окончании Амстердамского конгресса в подготовительные работы по созыву конференции активно включился Акаси. Он действовал в полном согласии с Циллиакусом и лишь однажды усомнился в его правоте, когда речь вновь зашла о приглашении на конференцию либералов (Акаси боялся, что их присутствие парализует ее работу). Однако Циллиакус сумел настоять на своем, несмотря на то что совсем недавно (в начале августа) в письме Плеханову сам недвусмысленно высказался против их (либералов) присутствия на конференции[10]. Циллиакусу и Акаси совместными с Утсуномия усилиями удалось преодолеть возникшие в конце августа в руководстве ППС сомнения относительно необходимости их участия в конференции, вызванные опасениями быть скомпрометированными в связи со слухами о контактах Циллиакуса с японцами. «К середине сентября, — сообщал Акаси, — и другие партии объявили о своей готовности участвовать в работе конференции»[11]. К этому времени была обеспечена и финансовая сторона дела. «100 000 иен, — телеграфировал 31 августа в ответ на запрос Акаси заместитель начальника японского Генштаба Г.Нагаока, — будет вполне дешево, если цель будет определенно достигнута... Однако обеспечить взаимодействие между всеми оппозиционными партиями нелегко, и вы должны позаботиться о том, чтобы деньги не попали в руки только нескольким партиям»[12].

3 сентября вопрос об участии в конференции был вновь поднят на заседании Совета РСДРП. Приглашенный в качестве докладчика по этому вопросу Ф.Дан, возвращаясь к целям конференции, повторил сказанное Циллиакусом на обеде 18 августа (кроме упоминания о терроре и вообще совместных вооруженных выступлениях). Говоря далее о рассмотрении предложения финнов на собрании представителей со-

циал-демократических партий — участников Амстердамского конгресса, состоявшемся 22 августа, он, со ссылкой на некоего «латышского товарища», сообщил о факте «сознательного или бессознательного» «сношения с японским правительством» инициаторов конференции, на основании чего Совет единогласно проголосовал против участия в ней[13]. По предложению Глебова (В.А.Носкова) с этим постановлением было решено ознакомить местные комитеты РСДРП. 7 сентября копию этого постановления получил и Ленин, не участвовавший в заседании Совета в знак протеста против изменений в составе ЦК, происшедших в июле этого года[14].

Это решение меньшевистского Совета РСДРП проложило резкую грань между российской социал-демократией и другими социалистическими партиями, к тому времени уже осведомленными об источнике финансирования будущей конференции и тем не менее согласившимися на участие в ней. Подобная позиция проистекала из общего отношения меньшевиков к войне, выраженного в отказе от «пораженчества», в выдвижении лозунга немедленного мира и как средства его достижения — созыва Учредительного собрания[15]. Этот лозунг, безусловно, не был тождествен призывам к обороне «своего» отечества, как считает историк Ю.И.Кораблев[16], а общая тактическая линия меньшевиков, вопреки распространенному в советской историографии мнению[17], принципиально отличалась от тактики либеральной буржуазии. Меньшевики, говоря словами Дана, считали, что «рабочий класс не может, сложа руки, ждать той свободы, которую принесет ему военный разгром России»[18], и строили вполне конкретные планы развертывания революционной борьбы за свержение самодержавия. «Начинаем кампанию по поводу Порт-Артура и Ляояна, — писал в конце августа 1904 г. «примиренец» А.И.Любимов «примиренцу» же В.А.Носкову. — План таков. Везде оставляется текущая работа и все сосредоточивается на агитации по этому пункту: Порт-Артур и Л[яоян] к[а]к результат политики [;] прекращение военных действий и учред[ительное] собрание. Разработано листков 7 — 8. В первую голову об Артуре, об учред. собр., к солдатам. Составляются общие резолюции, короткие и

простые; для проведения повсеместно на массов. собр. резолюции широко распространяются. Связываемся со всеми ком[итета]ми... В случае взрыва на одном месте дадим знать повсюду с извещением и призывом поддержать»[19]. В октябре 1904 г. Ратаев сообщал о планах меньшевиков «поднять усиленную агитацию для подготовления демонстраций, которые должны разразиться одновременно и немедленно после падения Порт-Артура»[20].

В то же время меньшевики, как впоследствии писал Мартов, всячески предостерегали от обнаружившегося в революционной среде «известного «японофильства» и идеализации роли, которую в данной войне играл японский империализм»[21]. Под «японофильством» Мартов, в частности, имел в виду неоднократные противопоставления Лениным «деспотического и отсталого правительства» России «политически свободному и культурно быстро прогрессирующему народу» Японии и, шире, «прогрессивной, передовой Азии» — «отсталой и реакционной Европе», под «идеализацией роли японского империализма» — его рассуждения о «революционной задаче, выполняемой разгромившей самодержавие японской буржуазией»[22].

Иной точки зрения на ход и перспективы русско-японской войны придерживались большевики. В отличие от своих постоянных оппонентов, выступавших под лозунгом немедленного прекращения войны, Ленин видел в ней мощный (и едва ли не главный) революционизирующий массы и одновременно ослабляющий самодержавие фактор. «...В случае поражения [России], — писал он в феврале 1904 г., — война приведет прежде всего к падению всей правительственной системы». «Развитие политического кризиса в России, — читаем в его статье, опубликованной в начале января 1905 г., — всего более зависит от хода войны с Японией. Эта война всего более... толкает на восстание истрадавшиеся народные массы». Поэтому указания меньшевистской «Искры» на неуместность «спекуляций» на победу японской буржуазии Ленин считал «пошлыми», а фразы о мире — «банальными»[23]. Если Плеханов говорил о поражении России в войне лишь как о «наименьшем» (по сравнению с победой) «зле» с точки зрения перспектив освободительного движения

в стране[24], то Ленин ставил свержение царизма в прямую зависимость от военных неудач России, поскольку был убежден, что «дело русской свободы и борьба русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»[25]. В этой связи следует отметить и тот живой интерес, который Ленин проявлял в 1904 г. (особенно во второй его половине) как к ходу русско-японской войны, так и к внутреннему положению Японии[26].

Судя по жандармским источникам, подобное «японофильство» получило весьма широкое распространение не только в среде профессиональных революционеров, но и в околореволюционных кругах, особенно на национальных окраинах империи. Многие, как и Ленин, полагали, что поражение в войне России «может отразиться на полном крахе всего порядка»[27]. В своих донесениях в Департамент полиции руководители жандармских управлений Бессарабской, Витебской, Могилевской губерний фиксировали «радостное возбуждение» населения в связи с известиями о военных неудачах царизма на Дальнем Востоке. Гимназисты одной из витебских гимназий кричали «Да здравствует Япония!», а петербургские студенты-путейцы, несмотря на «безусловно отрицательное» отношение к этой идее большинства столичного студенчества, планировали направить микадо сочувственный адрес[28].

Одним из направлений деятельности большевиков в годы войны явилась организация распространения революционных изданий среди русских пленных, находившихся в Японии. В мае 1904 г. заведующий экспедицией РСДРП В.Д.Бонч-Бруевич[29] обратился в газету японских социалистов «Хэймин Симбун» («Газета простого народа») с просьбой помочь в переправке социал-демократической литературы русским военнопленным[30]. Редактор «Хэймин Симбун» весьма сочувственно отнесся к этому предложению (письмо Бонч-Бруевича было даже опубликовано в одном из июньских номеров газеты) и в начале июля известил Ленина об отправке полученной литературы по назначению[31]. Такого рода услуги российским революционерам редакция «Хэймин Симбун» продолжала оказывать и в дальнейшем. В начале 1905 г. газета опубликовала перечень из 50 наименований полученных ею

русских брошюр и прокламаций, включавший как социал-демократическую, так (в небольшом количестве) и эсеровскую литературу[32].

Еще не был получен ответ от японских социалистов, как в Женеве поползли слухи о связях экспедиции РСДРП с правительством Японии, уличавшие заведующего экспедицией в том, что позднее (в сентябре) было названо Мартовым «попытками завести сношения с японским агентом в Вене для снабжения его литературой»[33]. В этой связи в июле 1904 г. меньшевистский ЦК специальным постановлением категорически предписал Бонч-Бруевичу прекратить «высылку партийной литературы токийскому правительству, как компрометирующую партию»[34], а вскоре и вообще отстранил его от руководства экспедицией. В связи с этим решением ЦК в эмиграции появилось и ходило по рукам шутливое стихотворение, повествовавшее о горестях опального экспедитора, написанное от его собственного лица. В нем, в частности, были такие строфы:

Когда я был Бончом Центральным,
Мне всякий трепетно внимал
И пред Советом Генеральным
Я гордой выи не склонял[35].

Журнал входящих, исходящих
Копир и гроссбух я создал,
И векселей совсем пропащих
Я иностранцам надавал.

Везде, в Токио и в Гренаде,
Литературой торговал,
И даже духобор в Канаде
Моих счетов не избежал.

В начале славы лучезарной,
Во цвете сил, во цвете лет
Меня из зависти коварной
Судил Центральный Комитет.

Никто уже на Божьей ниве
Высоких дум не заронит...
Копир и гроссбухи в архиве,
Токио спит... Гренада спит...[36]

Еще раньше незадачливому заведующему экспедицией пришлось объясняться с Г.В.Плехановым, содержание разговора с которым Бонч-Бруевич воспроизвел в своих воспоминаниях. В ответ на прямо поставленный Плехановым вопрос: «Вы от нашей партийной экспедиции вошли в сношение с японским правительством?» — Бонч-Бруевич, предварительно выразив свое негодование подозрениями в подобных «политических гнусностях», заявил, что литература распространяется среди военнопленных с помощью доктора Русселя (который, добавим от себя, начал действовать в Японии лишь через год после этого разговора — летом 1905 г.). «Если бы мы имели возможность войти в самые тесные сношения с японской рабочей партией и через нее повести еще более энергично нашу пропаганду среди пленных, то мы обязательно это сделали бы, — сообщил он далее Плеханову, — ...но, к нашему величайшему сожалению, пролетарская организация Японии столь слаба, что и пытаться это сделать не имеет смысла»[37].

«Неточность» В.Д.Бонч-Бруевича относительно времени начала деятельности в Японии Русселя породила серию ошибок в весьма обширной литературе, посвященной его дальневосточной одиссее. Так, утвердилось мнение, будто Руссель был чуть ли не доверенным лицом Заграничного отдела ЦК РСДРП, а социал-демократическая литература — основным видом печатной продукции, распространявшейся среди русских военнопленных в Японии[38]. На самом деле он был направлен на Дальний Восток американским Обществом друзей русской свободы, находившимся под контролем социалистов-революционеров, с которыми в свою очередь он поддерживал дружеские и деловые отношения как до, так и во время своего пребывания в Японии; перед ними же и отчитывался в своей деятельности[39]. Что касается нелегальной литературы, попадавшей русским военнопленным, то в их мемуарах можно встретить упоминания об эсеровской «Революционной России» и даже об «Освобождении», пересылавшемся в Японию в мизерных количествах, но не о социал-демократических периодических изданиях[40].

Если указания Бонч-Бруевича на Русселя еще можно отнести на счет забывчивости мемуариста, то отри-

цание им контактов с японскими социалистами выглядит как преднамеренное стремление скрыть истинное положение вещей. Это тем более бросается в глаза, что уже через полгода после описываемых событий во втором номере большевистской газеты «Вперед» М.С.Ольминский, вспоминая июльское постановление ЦК в отношении Бонч-Бруевича, обвинил меньшевиков в неумении «заметить разницу между японскими социал-демократами и токийским правительством»[41] и, таким образом, подтвердил факт контактов экспедиции РСДРП с японской рабочей партией летом 1904 г.

Не прибавляет ясности в эту историю и то немаловажное обстоятельство, что в отчетах экспедиции РСДРП за 1904 г., отложившихся в ЦПА ИМЛ, нет никаких следов отправки литературы на Дальний Восток. На это, кстати, тогда же обратил внимание Носков[42]. Спрашивается, зачем понадобилось Бонч-Бруевичу скрывать правду о своих связях с японцами, если она (эта правда) действительно была столь «прекрасна и хороша», как он пишет в своих воспоминаниях? В этом контексте фраза Бонч-Бруевича, завершающая его рассказ о беседе с Плехановым летом 1904 г., — «Я тотчас же обо всем рассказал Владимиру Ильичу, и он от души смеялся над «меньшевистскими дурачками»[43] — приобретает совсем не тот смысл, который хотел вложить в нее мемуарист.

Последнюю точку в этой запутанной истории в 1915 г. поставил сам Плеханов. В разговоре, воспроизведенном его собеседником Г.А. Алексинским со ссылкой на «признания» Бонч-Бруевича, он сообщил, что «знает, что уже во время русско-японской войны ленинский центр не брезговал помощью японского правительства, агенты которого в Европе помогали распространению ленинских изданий»[44].

Итак, на первой в истории российского освободительного движения конференции революционных и оппозиционных партий, проходившей в Париже с 30 сентября по 4 октября 1904 г., социал-демократы представлены не были (кроме РСДРП, от участия в ней отказались социал-демократическая партия Польши и Литвы, Украинская революционная партия и Бунд). «На конференции, — пишет со слов Циллиакуса в сво-

ем докладе Акаси, — было решено, что каждая партия может действовать своими методами: либералы должны атаковать правительство с помощью земства и газетных кампаний; эсерам и другим партиям следует специализироваться на крайних методах борьбы; кавказцам — использовать свой навык в организации покушений; польским социалистам — опыт в проведении демонстраций»[45].

Л.А.Ратаев, проинформированный другим участником конференции — Азефом, этот пункт ее решений изложил следующим образом: «Русская либеральная партия (в которую, как он предполагал, скоро будет преобразована группа конституционалистов. — *Авт.*) будет продолжать свои действия на легальной почве в земских и общественных учреждениях. Тотчас по возобновлении сессий в земских собраниях будут заявлены громкие требования конституции и безусловной амнистии всех политических преступлений. Одновременно все совещавшиеся группы будут принимать самое деятельное участие в организации студенческих беспорядков, аграрных волнений и противоправительственных демонстраций среди рабочих на фабриках и заводах. Повсюду во время набора новобранцев и призыва запасных чинов будут устраиваться враждебные манифестации по поводу войны и разбрасываться одинакового содержания прокламации за подписью всех согласившихся групп.

Члены сих организаций обязываются не только в своих подпольных органах, но по возможности и в легальной прессе в пределах условий законов о печати вести упорную агитацию против самодержавного строя, выставляя систематически виновником всех бедствий вообще, а в особенности войны и обнаруженной ею неподготовленности, представителя этого режима — государя императора.

Если партия социалистов-революционеров с ее «Боевой организацией» признают нужным устроить террористический акт, то все организации обязаны поддержать настроение одновременными сочувственными факту воззваниями и демонстрациями. От этого пункта отказались лишь представители Русской либеральной партии и Польской демократической национальной лиги (Лиги народовой. — *Авт.*), но и те обя-

зались согласовать свои действия с прочими организациями, т.е. в случае совершения террористического факта приурочивать подачу своих петиций и заявления домогательств именно к этому моменту.

Финляндцы с своей стороны сильно рассчитывают как на удобный момент для возбуждения усиленной агитации на предстоящий 6/19 будущего декабря созыв Финляндского сейма. Они полагают и постараются, чтобы были выбраны многие лица, коим въезд в Финляндию по распоряжению администрации воспрещен. По всем вероятиям правительство не согласится снять это воспрещение даже на непродолжительный срок заседаний Сейма. Это послужит началом к бурной агитации, причем все согласившиеся организации должны дружно поддерживать финляндцев и поднять беспорядки и протесты во всех местностях империи»[46].

Достоверность этого сообщения Ратаева в какой-то степени подтверждает и содержание проекта итогового документа конференции, разосланного Циллиакусом ее участникам еще в конце июля — начале августа 1904 г. В нем речь также шла о координации выступлений земства, интеллигенции, рабочих, крестьян и солдат[47].

Всем этим далеко идущим планам не суждено было сбыться, и практические результаты достигнутых соглашений, как показал в своей книге известный исследователь К.Ф.Шацилло, оказались весьма скромными[48]. Тем не менее и непосредственные участники конференции, и японцы оказались вполне удовлетворены ею. О ходе работы конференции и содержании ее итоговых документов в Токио узнали из телеграмм Акаси и посла во Франции И.Мотоно (первый отправил соответствующую депешу в Генштаб, второй — в МИД)[49].

Надежды Акаси на возможность направить активность революционеров на практическую борьбу с русским правительством подкрепила состоявшаяся сразу после парижской конференции встреча тех ее участников, которые, по его словам, «использовали чрезвычайные меры» (то есть придерживались революционной тактики). Если верить Акаси, главным итогом этой встречи было решение «чинить препятствия» правительству в призыве новобранцев в армию. После принятия соответствующей резолюции японец лично

пообещал оказать материальную поддержку партиям, которые испытывали финансовые затруднения[50]. Таким образом, уже в ходе этой встречи видимость приличий, соблюдавшаяся во время парижской конференции, была отброшена, и Акаси перешел к прямому субсидированию деятельности ряда российских революционных партий, пытаясь влиять на нее в нужном для себя направлении.

Не исключено, что в результате этих переговоров их участники получили право предлагать от лица Японии финансовую поддержку третьим организациям. Во всяком случае, в конце 1904 г. с подобным предложением к П.Б.Струве обратился некий социалист-революционер. Реакция кадетского идеолога на этот раз была очень бурной — он попросту спустил посетителя с лестницы. Эту сцену весьма красочно описала в своих воспоминаниях А.В.Тыркова, гостившая в тот момент у Струве[51]. Примерно тогда же исходившие от японского правительства «практические предложения» оказать материальную помощь русской революции деньгами и оружием получили, но их не приняли меньшевики, бундовцы, латышские социал-демократы и социал-демократы Польши и Литвы. Глухое упоминание об этом предложении, как и о составленном якобы в связи с отказом «особом протоколе», содержится в воспоминаниях меньшевика П.А.Гарви[52].

«А что же российская охранка?» — спросит читатель. До осени 1904 г. она не располагала конкретными сведениями о связях российских революционеров с японцами. На след Акаси ее вывел появившийся в октябре этого года в Париже чиновник особых поручений при министре внутренних дел И.Ф.Манасевич-Мануйлов.

Настало время, читатель, поближе познакомиться с человеком, который был призван отстаивать российские интересы и противостоять происках японской агентуры в Западной Европе. Такое знакомство многое даст для понимания позиции Департамента полиции относительно дальнейших шагов Акаси — нашего главного героя. Итак, на кого же была возложена столь ответственная и трудная задача?

Согласно позднейшей справке Департамента полиции, в мае 1895 г. И.Ф.Манасевич-Мануйлов поя-

вился в Париже в качестве сотрудника газеты «Новости». Здесь он познакомился со служащим парижской префектуры, которому отрекомендовался представителем МВД, посланным для негласной проверки деятельности Заграничной агентуры, которой «в Петербурге недовольны». Демонстрируя свою осведомленность об Агентуре и ее тогдашнем заведующем П.И.Рачковском, Мануйлов наговорил массу глупостей. Рачковского, известного своим антисемитизмом и причастностью к фабрикации «Протоколов сионских мудрецов», он объявил евреем, его помощника — картежником и т.д. В обмен на эту «откровенность» Мануйлов предложил своему собеседнику за солидное вознаграждение помочь в сборе компрометирующих Рачковского сведений. Но произошел конфуз: о содержании этого разговора узнал сам объект мануйловской интриги и «пригласил» его на беседу. Из разговора, в ходе которого Мануйлов даже всплакнул, выяснилось, что он является орудием происков тогдашнего начальника Петербургского охранного отделения полковника Секеринского и прочих, по выражению Рачковского, «охраненских тунеядцев»[53]. Отношения же Мануйлова с МВД исчерпывались тем, что в течение нескольких лет он оказывал Секеринскому «агентурные услуги», то есть, по жандармской терминологии, являлся «штучником».

Казалось, что этот эпизод должен был зачеркнуть еще по-настоящему и не начавшуюся «охраненскую» карьеру Мануйлова, но не таков был Иван Федорович. В конце 90-х годов мы видим его уже в Риме в качестве чиновника особых поручений VIII класса при министре внутренних дел, занятого выполнением секретной миссии: формально являясь агентом по духовным делам при российском представительстве в Ватикане, на деле он занимался слежкой за кардиналом Ледоховским, по отзыву Департамента полиции «главным руководителем антирусской агитации среди католического духовенства». Деятельность Мануйлова в Ватикане довольно скоро (в 1901 г.) закончилась его разоблачением и чуть было не привела к скандалу, но он остается в Риме наблюдать за здешними «русскими революционными группами». В 1902 г. Плеве отправляет Мануйлова в Париж с новым деликатным пору-

чением — с заданием «установить ближайшие сношения с иностранными журналистами и представителями парижской прессы в целях противодействия распространению в сей прессе ложных сообщений о России» (с выделением 3000 рублей на полгода «на расходы»); в 1903 г. аналогичного рода задание Мануйлов выполняет в Риме («расходы» — 700 франков в месяц[54]).

Уже к этому времени Мануйлов считался в Департаменте полиции личностью морально нечистоплотной, способной на мошенничество, подлог, финансовые махинации. «Человек удивительно покладистой совести и полной готовности сделать все за хороший куш»[55], он доставлял своему начальству массу хлопот по урегулированию последствий своей «неаккуратности в расчетах с сотрудниками» и частными кредиторами. Дурная репутация не помешала Мануйлову в 1904 г. быть вновь посланным в Западную Европу с еще более серьезным, чем прежде, заданием. Помимо подкупа французской прессы ему было поручено заниматься сбором разведывательной информации о западноевропейских представительствах Японии и ряда дружественных ей государств. Надо сказать, что первоначально деятельность Мануйлова в Европе получила весьма высокую оценку в Петербурге. По ее итогам он был даже «всемилостивейше пожалован» орденом Св. Владимира 4-й степени. И было за что. Последние месяцы 1904 г. явились наиболее продуктивными во всей его «охраненской» деятельности. Мануйлов сумел внедрить своих агентов в посольства Японии в Париже, Гааге и Лондоне, в американскую миссию в Брюсселе, итальянскую — в Париже[56]. С помощью этой агентуры удалось, в частности, получить часть японского дипломатического шифра и «осведомляться таким образом о содержании всех японских дипломатических сношений». «Этим путем, — говорилось далее в департаментской справке, — были получены указания на замысел Японии причинить повреждения судам второй эскадры[57] на пути следования на Восток»[58].

Росли авторитет и доверие к Мануйлову у петербургского начальства, росли и его «расходы». По смете на 1905 г., помимо «экстренных» и очень крупных почтовых трат, ему было ассигновано свыше 70 тыс. рублей, из которых на его «личное содержание» приходилось бо-

лее 7 тысяч[59]. Осыпанный золотом и почестями, Иван Федорович закусил удила... и снова зарвался. В 1905 г. он заваливает Департамент огромным количеством документов, оказывающихся при ближайшем рассмотрении «склеенными обрывками бумаг на японском языке из японских миссий в Париже и Гааге», «лишенными, — по отзыву Департамента, — всякого значения»[60]. Доверие к Мануйлову было окончательно подорвано, когда в числе присланных им «секретных» документов оказались фотокопии страниц китайского словаря. Поэтому П.И.Рачковскому, пришедшему к руководству Департаментом полиции и, конечно, не забывшему обстоятельств его первой встречи с Мануйловым, оставалось лишь довести все дело до логического конца. По указанию товарища министра внутренних дел Д.Ф.Трепова от 28 июня 1905 г. Мануйлов был отозван из Парижа, а менее чем через год вообще уволен из Департамента полиции[61].

Вернемся, однако, несколько назад. Итак, в октябре 1904 г. Манасевич-Мануйлов приезжает в Париж с особой сверхсекретной миссией. Очень скоро в разбросанные им агентурные сети попадают письма Г.Г.Деканозова, наблюдение за корреспонденцией которого санкционируется Петербургом[62].

Дворянин Георгий Гаврилович Деканози (Деканозов) появился в Париже в начале 1904 г. и вместе с князем А.К.Джорджадзе приступил к изданию журнала «Сакартвело», вокруг редакции которого вскоре сформировалась Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров (по одним данным, деньги на издание журнала Деканозов — горный инженер по образованию — получил мошенническим путем от Общества чиатурских марганцевопромышленников[63], по другим — вместе с Джорджадзе собрал в виде пожертвований в Баку осенью 1900 г.[64]). Помимо издания собственного журнала летом 1904 г. Деканозов деятельно сотрудничал в анархистской газете «Хлеб и воля», один из руководителей которой, В.Н.Черкезов, в личной переписке так отозвался о нем: «Он один из самых образованных, дельных и преданных людей; под скромной и тихой его наружностью скрыт сильный характер умелого и образованного революционера»[65]. Интересно, что в те же июньские дни 1904 г., когда

было написано это письмо, Деканозов познакомился с Акаси и в дальнейшем стал одним из его самых доверенных и высокооплачиваемых агентов. По свидетельству Мануйлова, Акаси еженедельно выплачивал Деканозову «на расходы и разъезды» 2050 франков, или 750 рублей[66]. Таким образом, заработок этого «умелого», но «скромного и тихого» революционера втрое превышал жалованье заведующего Заграничной агентурой и в пять раз — самого Манасевича-Мануйлова.

Наблюдение за Деканозовым, а также перехват его корреспонденции, организованный с помощью французских властей, показали, что между ним и Акаси, по выражению Мануйлова, установились «весьма доверительные отношения, которые дают основания полагать, что Деканози работает за счет Японии»[67]. Были получены и доказательства их сотрудничества в организации переправки в Россию нелегальной литературы[68]. Однако в конце 1904 г. из Петербурга неожиданно последовало распоряжение прекратить «заниматься этим делом», поскольку «означенным наблюдением не установлена причастность названного Деканози к военно-политической деятельности»[69]. Это приказание было тем более странным, что к тому времени в Департаменте полиции имелся уже целый ряд сообщений, подтверждавших постоянные контакты находившихся в Европе японских официальных лиц с представителями российского освободительного движения и далеко идущие планы последних. Так, в начале ноября 1904 г. генерал Ю.Э.Фрейберг, комментируя сообщение своего агента о планируемом «финскими патриотами» народном восстании в Финляндии, нашел эти сведения «не лишенными вероятия в виду установленных тесных сношений некоторых высланных [в Швецию] патриотов с японским и английским посланниками в Стокгольме»[70]. Правда, по свидетельству бывшего «охранника» Л.П.Меньщикова, не понаслышке знавшего состояние «розыскного дела» в Финляндии, Департамент полиции не очень-то верил подобным сообщениям начальника ФЖУ и «не принимал обыкновенно по ним никаких особых мер»[71].

Наблюдение Мануйлова за Деканозовым — Акаси возобновилось в начале февраля 1905 г. после письма на имя российского посла во Франции А.Н.Нелидова

горничной одной из любимых Акаси парижских гостиниц, которая предложила свои услуги (конечно, не бесплатно) по слежке за японским полковником. Благодаря ей Мануйлов получил возможность подслушивать переговоры Акаси со своими агентами во время его частых наездов в Париж, «знакомиться» с содержимым его багажа и т.п. В середине февраля Мануйлов сообщил своему петербургскому начальству об установлении «непосредственного наблюдения» за Акаси, названным здесь же «одним из деятельных агентов японского правительства», стоящим во главе «военно-разведочного бюро»[72]. Постепенно в сферу наблюдения Мануйлова попал и Циллиакус, продолжавший свои активные контакты с Акаси и Деканозовым. Поскольку в Петербург продолжали поступать и донесения Л.А.Ратаева, следившего за Циллиакусом с помощью Азефа, у Департамента полиции появилась возможность пользоваться перекрестными (и потому особенно ценными) сведениями о деятельности этой троицы.

Предложение услуг от французской горничной явилось весьма кстати, так как совпало с очередной поездкой Акаси «по Европе». Судя по его докладу, в это время его чрезвычайно интересовали январские события в Петербурге и особенно та роль, которую сыграл в них Г.А.Гапон. Обсуждение проблемы последствий «кровавого воскресенья» для революционного движения в России, состоявшееся в Париже между Акаси, Циллиакусом и Чайковским, привело их к выводу о необходимости «использовать имя Гапона» при созыве очередной межпартийной конференции. Ее целью, по словам Акаси, должна была стать разработка планов по увеличению интенсивности движения к лету 1905 г.[73] Таким образом, вопрос о созыве новой конференции «от имени Гапона» был решен без всякого его участия, и возможно даже до его появления за границей[74]. Как показали дальнейшие события, имя популярного в России священника, учитывая опыт парижской встречи 1904 г., организаторы конференции хотели использовать, во-первых, для того, чтобы обеспечить представительство на ней всех революционных организаций, а во-вторых, дабы придать ее решениям дополнительный вес. В ходе подготовительных работ

по ее созыву имя Гапона в «своем» кругу вообще не считалось нужным упоминать.

Январские события в Петербурге вызвали оживление и пробудили большие надежды революционеров; начался массовый отъезд эмигрантов в Россию. В условиях, когда и без того формальный «парижский блок» прекратил свое существование, а развитие массового движения настоятельно требовало объединения всех революционных партий, созыв новой межпартийной конференции действительно стал необходим. Основой для объединения революционных партий могла стать подготовка к вооруженному восстанию, вопрос о котором буквально носился в воздухе. Призыв к нему стал основным тактическим лозунгом эсеров. Так, в одном из февральских 1905 г. номеров центрального органа этой партии, газеты «Революционная Россия», революционерам предлагалось отбросить «сомнения и предубеждения против всяких боевых средств» и немедленно использовать все виды вооруженной борьбы с правительством: от массового выступления с оружием в руках до «партизанско-террористической» борьбы «по всей линии» включительно[75]. На повестку дня встала проблема практического вооружения участников революции. Даже лидеры меньшевиков, совсем не склонные опережать события, инструктируя отъезжающих на родину, в качестве первостепенной ставили задачу «вооружать организованных рабочих», видя свою собственную функцию в том, чтобы «озаботиться» доставкой оружия в Россию[76].

На почве практической подготовки вооруженного восстания началось сближение большевистской фракции РСДРП и партии эсеров. Именно этой проблеме была посвящена беседа Ленина с Гапоном, состоявшаяся во время их первой встречи в середине февраля 1905 г.[77] В статье «О боевом соглашении для восстания», написанной сразу после этой встречи, Ленин «с удовольствием» перепечатал «Открытое письмо к социалистическим партиям» Гапона, призвавшего эти партии «немедленно войти в соглашение между собой и приступить к делу вооруженного восстания против царизма». Сам он также высказался здесь за «скорейшее осуществление» «боевого единения социал-демократической партии с партией революционно-демокра-

тической, с партией соц.-рев.», находя его «возможным, полезным и необходимым»[78].

По свидетельству А.В.Луначарского, при последующих встречах с Лениным Гапон «толковал о необходимости перебросить в Петербург контрабандой значительное количество оружия и о том, что они с [эсером] Рутенбергом будто что-то в этом направлении подготовили»[79]. Ленин со своей стороны написал план «Боевого соглашения для восстания и образования Боевого комитета». Судя по его сохранившемуся наброску, в плане были конкретизированы цели и принципы деятельности объединенной межпартийной организации, призванной руководить подготовкой и проведением массового вооруженного выступления[80].

Близость тактических воззрений Ленина и Гапона была подкреплена их возникшей взаимной симпатией. Гапон, еще в начале февраля аттестованный Лениным как «рыжий урод», превратился в «преданного революции, инициативного и умного», хотя, конечно, лишенного «выдержанного революционного миросозерцания» человека[81]. Гапон же, за глаза называвший лидеров социалистических партий «узколобыми болтунами», делал исключение только для Ленина, которого почитал как человека «хорошего и умного»[82].

Вопрос о сближении с большевиками деятельно обсуждался и в эсеровской среде. В марте 1905 г. по заданию Рубановича и М.А.Натансона к Гоцу «для переговоров с ним о соединении с социал-демократами» специально выезжал Азеф[83].

Эти объединительные тенденции были своевременно и с нескрываемым беспокойством отмечены органами российского политического розыска. «Вопрос о слиянии партии социалистов-революционеров с социал-демократами для совместных террористических действий, — сообщал заведующий Заграничной агентурой в Департамент полиции в середине марта 1905 г., — подвигается быстрыми шагами вперед... Положение становится день ото дня серьезнее и опаснее»[84]. К этому сообщению Ратаева следует лишь добавить, что «террористическим» направление будущей совместной деятельности представляли себе эсеры и Гапон.

С точки зрения Ленина, «задачей соединенных действий» следовало «поставить» «непосредственное и

фактическое *слияние* на деле терроризма с восстанием массы»[85].

В феврале-марте 1905 г. инициаторы созыва новой конференции развернули работу по ее подготовке. Душой ее снова выступил Циллиакус. «На днях в Лондон, — доносил в марте 1905 г. Ратаев, — приезжал известный финляндский агитатор Кони Циллиакус, куда вызывал для свидания агентуру (то есть Азефа. — *Авт.*). Финляндская революционная партия намеревается созвать в ближайшем будущем вторую конференцию представителей всех русских и инородческих революционных и оппозиционных организаций, наподобие той, которая состоялась в Париже в минувшем октябре... На этот раз обещали принять участие в конференции и представители Российской социал-демократической рабочей партии, то есть по крайней мере той ее части, которая за последнее время стала стремиться к объединению с партией социалистов-революционеров... финляндцы намерены не щадить средств и стараний, дабы конечным результатом этой конференции явился на этот раз действительный, а не фиктивный союз между всеми группами, для организации общими усилиями народного восстания...»[86] Далее Ратаев сообщал о закупке Циллиакусом в Гамбурге 6000 «маузеровских пистолетов» и о его планах приобретения яхты для доставки оружия в Россию. «Циллиакус находится в сношениях с японским посольством в Лондоне, — отметил в заключение Ратаев, — и доставляет большие суммы денег финляндским и польским революционерам»[87].

По сообщениям Ратаева, доставлять закупленное в Европе оружие планировалось через Финляндию. Департамент полиции уведомил об этом генерала Фрейберга, который в свою очередь в феврале-марте 1905 г. направил своим помощникам ряд циркуляров с требованием принять «самые решительные меры» для «задержания ввоза оружия». За Циллиакусом, «в случае его прибытия» в Финляндию, предлагалось установить «самое бдительное наблюдение»[88].

В десятых числах марта за подписью Гапона представителям партий было разослано официальное приглашение на конференцию[89]. От участия в ней отказались меньшевики, сославшись на предпочтительность

прямых соглашений с организованными партиями[90]. «Совет партии находит конференцию желательной, — указывалось в ответном письме редакции «Искры», — но она должна состояться в результате соглашения между организованными партиями, а не в результате личной инициативы нового и малоизвестного в революционном движении человека»[91]. Комментируя этот шаг редакции «Искры» на III партийном съезде, Ленин усмотрел в нем очередной антибольшевистский выпад со стороны меньшевиков — намек на дезорганизаторскую деятельность группы «Вперед»[92]. Нам же думается, что главной причиной отклонения меньшевиками предложения Гапона было понимание его истинной роли в этом деле. Отсюда же, вероятно, и демонстративное молчание «Искры» по поводу упомянутого гапоновского «Открытого письма». Не случайно в своем повторном обращении в меньшевистский Совет РСДРП по поводу участия социал-демократов в конференции Гапон сетовал на то, что полученное им письмо Ю.О.Мартова лишь устанавливало «некоторые факты наших предварительных переговоров», но не заключало в себе конкретного ответа[93].

Отказавшись от участия в «гапоновской» конференции, меньшевики в качестве встречной инициативы предложили эсерам устроить «предварительную совместную конференцию» для согласования усилий «в сфере технической подготовки восстания и боевых действий для его проведения». Письмо на этот счет за подписью Плеханова, Дейча, Аксельрода и Мартова было направлено в Заграничный комитет ПСР (партии социалистов-революционеров) 11 марта 1905 г.[94] В эти же дни, судя по письму М.А.Натансона Г.В.Плеханову от 13 марта, состоялся ряд встреч представителей ПСР и Совета РСДРП, на которых обсуждались исходные начала «для действительно жизненного и плодотворного боевого сотрудничества ПСР и РСДРП»[95]. Все это лишний раз свидетельствует о том, что причина отказа меньшевиков от участия в Женевской конференции заключалась совсем не во враждебном отношении к эсерам или особенностям их тактики (один из пунктов предложений Совета РСДРП предусматривал рассмотрение вопроса о «комбинации массовых выступлений и единичных террористических нападений»).

После некоторых колебаний, связанных, по словам Ленина, с «огромным преобладанием» на конференции «с.-р.», редакция газеты «Вперед» и Бюро Комитетов Большинства согласились на участие в ней для того только, чтобы на самой конференции объявить ее «игрушкой в руках с.-р.»[96] и покинуть зал заседаний вместе с представителями латышской СДРП, Бунда и Армянской СДР организации. Конечно, главная причина этого ухода заключалась отнюдь не в партийной принадлежности участников конференции хотя бы потому, что их состав был известен заранее. К тому же непосредственно перед конференцией Ленин консультировался по этому поводу с членом Латышской СДРП Ф.Розиным[97]. Присутствие на конференции представителя Латышского с.-д. союза явилось лишь поводом для претензий социал-демократов, поскольку этот союз находился под контролем эсеров. Неожиданностью для Ленина, вероятно, был статус Гапона, который, как выяснилось, не только не был здесь на первых ролях, но и не обладал правом решающего голоса. Осознав, что даже их «особые» отношения с Гапоном не помогут ему влиять на ход конференции, Ленин покинул зал заседаний. Вдобавок приближался партийный съезд, делегаты которого и без того весьма неодобрительно отнеслись к наметившемуся сближению с эсерами на том основании, что значение последних «как самостоятельной партии» «ничтожно»[98].

Конференция, работавшая в Женеве со 2 по 8 апреля 1905 г.[99], закончилась принятием двух документов — общеполитической Декларации, подписанной всеми ее участниками[100], и Декларации только социалистических партий, представленных на ней. В первом из этих документов были сформулированы те «непосредственные политические цели вооруженного восстания»[101], которые соответствовали минимальным требованиям программ подписавших его партий (установление демократической республики, созыв Учредительного собрания и т.д., включая ряд специфических национальных требований). В Декларации социалистических партий речь шла о необходимости борьбы не только за демократические преобразования, но и против современной буржуазно-капиталистической эксплуатации.

Как и полгода назад, Акаси был вполне удовлетворен результатами конференции и, вероятно, настолько уверовал в собственное всесилие, что все дальнейшие революционные события в России (включая восстание на броненосце «Потемкин») был склонен относить к числу ее непосредственных итогов[102]. Не менее странной была инструкция, данная им Деканозову в начале мая 1905 г. относительно характера революционного движения в России, дословно записанная Мануйловым. «Во всем этом движении необходимо, по возможности, не трогать частной собственности, дабы не раздражать общества, но направить все против самодержавного правительства. Нужно, — сказал Акаши, — чтобы движение это в особенности носило характер антицарский, а потому, по моему мнению, следовало бы громить имущество, принадлежащее Удельному ведомству»[103]. Деканозов не растерялся и ответил, что «в этом направлении кое-что уже начато в Таврической губернии»[104].

Что касается практической стороны достигнутых в Женеве договоренностей, то, как писал Акаси, участники конференции обязались продолжать свою революционную деятельность с тем, чтобы летом 1905 г. «предпринять отчаянный шаг»[105]. Обсуждение такого «шага» носило весьма общий характер, и это дало повод Ратаеву в своем очередном донесении в Петербург указать на «крайнюю слабость и беспомощность всех этих (революционных. — *Авт.*) партий, раз только вопрос, как, например, о вооруженном восстании, ставится на чисто практическую почву»[106]. Со значительно бóльшим оптимизмом смотрел на перспективы развития революционного движения в России Акаси. «Большое восстание должно начаться в июне, — комментировал он решения конференции в донесении на имя начальника Генштаба А. Ямагата от 12 апреля 1905 г., — и оппозиция предпринимает все новые и новые усилия для приобретения оружия и взрывчатых веществ»[107]. «Дата начала восстания еще не установлена, — добавил он здесь же, — но будет вполне безопасно переправить оружие морем».

Последняя фраза, конечно, не была случайной. Еще в феврале 1905 г. Циллиакус запросил у Японии новых субсидий, обещая, что к лету этого года рево-

люционерам удастся «разжечь большое движение». По подсчетам Акаси, требуемая для этого сумма могла составить 440 — 450 тыс. иен[108]. Несмотря на то что соображения Акаси горячо поддержал посол во Франции Мотоно (его телеграмма на этот счет была даже доложена императору и гэнро), просьба Акаси была удовлетворена далеко не сразу, поскольку идея финансирования вооруженного восстания в России имела в Токио своих противников. Одним из них был сам министр иностранных дел Комура, чьи взгляды, как считает О.Фэлт, сложились под влиянием бывшего премьер-министра Х.Ито, в свою очередь опасавшегося неприятных для Японии последствий дальнейшего обострения внутриполитической ситуации в России[109]. Отвечая в январе 1905 г. на предложение посла в Швеции С.Акизуки предоставить в распоряжение российских революционеров 200 тыс. иен[110], Комура подчеркнул необходимость принятия во внимание последствий вооруженного восстания не только для самой России, но и для других европейских великих держав — Германии и Австрии. Еще яснее министр выразился в телеграмме тому же адресату от 7 марта 1905 г. в ответ на сообщение Акизуки о предложении некоего члена «финской антирусской партии» передать ей 50 тыс. винтовок «на вооруженное восстание». «Можно предсказать продолжение беспорядков в России и в том случае, если Япония не будет их поддерживать, — писал Комура. — Более того, я думаю, что в настоящее время японская помощь даст мало практических результатов... правительство решило занять позицию невмешательства до тех пор, пока ситуация в России не изменится»[111].

Курс на такое «невмешательство», однако, оказался весьма скоротечным. Мукденское сражение (19 февраля — 10 марта 1905 г.), хотя и было победоносным для Японии, показало, что ресурсы страны истощены и продолжение войны чревато для нее экономическим крахом. В связи с этим в середине марта военное ведомство Японии приняло решение ассигновать на нужды вооруженного восстания в России миллион иен[112], и в конце месяца последовало одобрение этого шага правительством.

ГЛАВА III

«ДЖОН ГРАФТОН» И ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Женевская межпартийная конференция сыграла важную роль в установлении временного альянса российских партий. Главную цель его явные и тайные вдохновители видели в том, чтобы организовать серию вооруженных акций в России и тем самым дестабилизировать внутриполитическое положение в стране. Большое значение в этом плане придавалось вооруженному восстанию в Петербурге, которое должно было начаться летом 1905 г. Для его подготовки Акаси и Циллиакус привлекли Азефа, который не только был посвящен во все подробности, но и должен был возглавить «Объединенный комитет» (или «Объединенную боевую организацию») для подготовки приемки оружия и руководства восстанием[1]. Поскольку даже с учетом эсеровской организации в Петербурге сил для проведения восстания явно недоставало (по имевшимся подсчетам, для этого требовалось порядка 12 тыс. человек), было решено привлечь Гапона, а через него — и возглавлявшиеся им рабочие организации[2]. Дело это казалось простым, так как Гапон пусть даже в качестве подставного лица, но уже привлекался к подготовке Женевской конференции.

По сравнению с числом партий, подписавших апрельские декларации, количество участников практической реализации женевских решений значительно сократилось. Однако и «оставленные в деле» партии были представлены весьма своеобразно: не своими официальными органами, а отдельными, особо доверенными лицами, отобранными инициаторами предприятия. Естественно, что в таких условиях успех дела всецело зависел от личных качеств его участников. Что же касается руководящих партийных органов, то они информировались обо всем редко и запоздало. Так, доклад Чайковского «О морском транспорте» был заслу-

шан Заграничным комитетом ПСР лишь в августе 1905 г., когда пароход «Джон Графтон» с оружием был уже в пути[3].

Гапон с энтузиазмом принял предложение участвовать в подготовке вооруженного восстания. Видный деятель гапоновского «Союза рабочих» Н.П.Петров на встрече с Циллиакусом, Чайковским и Азефом и в присутствии самого Гапона, говоря о настроениях петербургских рабочих, заявил, что «вопрос лишь в оружии». «Если бы было возможным добыть его, — сказал он, — ...то революция могла бы вспыхнуть в любой день, так как рабочие ждут только «Гапонова приказа»[4].

В деле доставки оружия в Россию и в подготовке вооруженного восстания Гапону была отведена в лучшем случае вспомогательная, а фактически декоративная роль. Во многом она совпадала с той, которую он сыграл при подготовке межпартийной конференции в Женеве. Его личность должна была отвлечь внимание от подлинных организаторов и таким образом скрыть настоящий источник финансирования восстания (Гапон неоднократно заявлял, что в его распоряжении имеются значительные средства, полученные в виде пожертвований[5]). Имя Гапона на завершающей стадии операции должно было воодушевить петербургских рабочих на борьбу. Нельзя не отметить, что такая роль вполне соответствовала характеру самого Гапона. «Не обладая широким объективным умом и не имея надлежащей научной подготовки, — вспоминает один из его соратников, — Гапон не умел понять настоящего своего положения и отводил слишком большое место своей особе в рабочем движении»[6]. Он был способен лишь на то, чтобы придумывать все новые и новые фантастические планы, не считаясь с их практической выполнимостью. Собственно на этой псевдоактивности Гапона, а в конечном счете на его тщеславии был замешан весь камуфляж. Ему не чинили препятствий в самостоятельном ведении переговоров с различными партиями (по свидетельству одного из очевидцев, летом 1905 г. Гапон одновременно состоял в контакте с несколькими революционными организациями, включая Бунд, РСДРП и ПСР[7]), но от «практической подготовки восстания», как вспоминал позднее Циллиакус, Гапон был сознательно «отстранен»[8]. В целом за-

думанная мистификация удалась. И тогда, и позднее доставка оружия на пароходе «Джон Графтон» связывалась в революционных кругах с именем мятежного священника[9].

Забегая вперед, отметим, что вовлечение Гапона в подготовку восстания не было столь удачным шагом его организаторов, как это может показаться на первый взгляд. Более того, это был, пожалуй, столь же крупный просчет, как и привлечение Азефа. Но если ошибка с Азефом простительна и понятна (никто в революционном лагере, включая ближайших соратников «великого провокатора», тогда не подозревал о его связях с полицией), то с Гапоном Циллиакус и компания, вероятно, просто «перемудрили». Можно предположить, что, если бы приемка оружия в России была поручена какой-то одной партии, предприятие с «Джоном Графтоном» имело бы значительно больше шансов на успех. Это подтверждает и опыт доставки оружия на Кавказ на пароходе «Сириус».

Надо сказать, что вовлечение Циллиакусом и Чайковским Гапона в дело подготовки вооруженного восстания в Петербурге было неодобрительно встречено в эсеровских верхах, понимавших, говоря словами М.Р.Гоца, что «Гапону-конспиратору цена... очень маленькая», а его «боевой комитет» — «вещь нереальная»[10]. Несмотря на настойчивые понукания Чайковского, призывавшего «ухватиться обеими руками» за возможности гапоновской организации, эсеровские вожди отказались форсировать техническую подготовку восстания и в одиночку заниматься приемкой оружия в Петербурге. Контакты с гапоновцами были переданы эсеровским ЦК в ведение Петербургского комитета партии, а целью санкционированной Гоцем поездки в Россию Азефа летом 1905 г. являлось лишь обследование тамошних партийных дел, а отнюдь не организация приемки оружия, как это казалось инициаторам экспедиции «Джона Графтона»[11]. Не исключено, что точка зрения Гоца сформировалась не без влияния Азефа, для которого всякая иная, более жесткая позиция была стратегически менее выгодна, чем эта, полная оговорок и неопределенности. Вообще роль Азефа во всем этом деле заслуживает специаль-

ного разговора. Ограничимся здесь лишь некоторыми наблюдениями.

Впервые о затеянной Циллиакусом «доставке оружия различным революционным организациям» Азеф сообщил Ратаеву в письме от 9 февраля 1905 г. и, вероятно, настолько заинтересовал этим своего полицейского шефа, что в дальнейшем весьма подробно информировал его о всех шагах Циллиакуса[12]. Однако, когда план с доставкой оружия стал приобретать более или менее реальные очертания, Азеф, следуя своей обычной практике, начал постепенно сокращать количество «отпускаемой» информации, используя столь же свойственный ему прием полуправды. Так, в письме от 17 апреля 1905 г., говоря о практических итогах Женевской конференции, он сообщил об образовании «Боевого комитета», но в качестве его членов назвал Е.К.Брешко-Брешковскую, Гапона и князя Д.А.Хилкова[13]. На вышецитированном отзыве Ратаева о «слабости и беспомощности» революционных партий в подготовке вооруженного восстания, несомненно, сказалось влияние Азефа. Мотив о Циллиакусе, достигнув крещендо в донесении Азефа Ратаеву от 8 марта 1905 г. («Zilliacus имеет сношения с японским посольством и доставил большие суммы финляндцам и полякам... Вам надо очень внимательно взяться за Zilliacus'а»), к концу апреля угасает («От Z. я не получал никаких известий»), а затем и пропадает совсем[14]. Поскольку в случае успеха операции с оружием Азеф уже имел оправдание перед полицией в виде своих предыдущих донесений Ратаеву, летом 1905 г. его, вероятно, более беспокоила перспектива разоблачения со стороны революционеров, особенно если учесть весьма ограниченный круг посвященных и строгую законспирированность всего дела с «Джоном Графтоном». Поэтому, с одной стороны, он умеряет пыл коллег по партии, а с другой, весьма ловко и столь же успешно отвлекает внимание Ратаева от места, где могли развернуться реальные события, и добивается санкции на свою поездку в Болгарию, откуда якобы ожидались грандиозные «транспорты» литературы, оружия и взрывчатых веществ в Россию[15]. Проведя здесь всю середину июня, Азеф опять-таки с ведома Ратаева (и, как мы уже знаем, Гоца) отправляется в длительную поездку по Рос-

сии, мотивируя ее необходимость для одних обследованием полученных в Болгарии явок, для других — изучением состояния партийных дел и съездом членов Боевой организации, намеченным на начало августа в Нижнем Новгороде. В Петербурге, которого он до этого старательно избегал, Азеф появился лишь 21 августа, будучи вызван Ратаевым по требованию П.И.Рачковского. Состоявшийся здесь разговор уже не имел никакого отношения к планам доставки в Россию оружия: нового шефа российского политического розыска интересовали главным образом эсеровские боевики, на поимку которых Азеф и отправился в сопровождении филеров Департамента полиции[16].

Итак, если верить Циллиакусу, план предусматривал выгрузку доставленного из Европы оружия в окрестностях Петербурга и вооружение им рабочих. Для того чтобы ввести в заблуждение власти и заставить их рассредоточить гарнизонные войска в различных удаленных друг от друга местах, предполагалось произвести серию взрывов в окрестностях города силами небольших отрядов[17]. Следует отметить, что Акаси и Циллиакус не рассчитывали на успех восстания. Оно должно было послужить лишь детонатором взрыва в других регионах страны, в том числе в Финляндии, в связи с чем часть оружия предполагалось доставить на север финского побережья Балтики[18].

Несмотря на кажущуюся фантастичность плана, его техническое осуществление, по мнению Циллиакуса, при условии точного выполнения всех пунктов было вполне возможно[19]. В подтверждение своего мнения он не без основания ссылался на опыт московского восстания, которое, хотя и не было подготовлено, проводилось «без плана» и было гораздо хуже вооружено, «нежели это должно было быть в Петербурге», позволило рабочим отрядам в течение недели удерживать центральные районы города[20].

В конце марта — начале апреля 1905 г. в эмиграции развернулась работа по закупке оружия. Сам Акаси предпочитал оставаться несколько в тени и действовал в основном через Деканозова и Циллиакуса, которые старались по возможности не афишировать источник получения средств. Так, передавая деньги эсерам на приобретение оружия, Циллиакус заявил, что они со-

браны в Америке лицами, сочувствующими русской революции, а эсеровские вожди сделали вид, что не догадываются о происхождении переданных им сумм[21]. Деньги выдавались революционерам лишь тогда, когда они уже имели твердую договоренность с продавцом оружия, и только поляки, пишет Акаси, получили их авансом и могли ими свободно распоряжаться[22].

Несмотря на то что приготовления, по словам Циллиакуса, шли «превосходно» и деньги «таяли, как снег на солнце»[23], Акаси нервничал и высказывал недовольство «настоящей формой революционного движения» в России. «Мы готовы... помогать вам материально на приобретение оружия, — говорил он Деканозову 2 мая 1905 г., — но самое главное, чтобы движению этому не давать остывать и вносить таким образом в русское общество элемент постоянного возбуждения и протеста против правительства»[24]. В ходе этой встречи Акаси вручил своему агенту 125 тыс. франков, и тот через посредника (анархиста Евгения Бо) начал переговоры с швейцарскими военными властями о приобретении винтовок «Веттерли»[25]. Циллиакус тем временем закупал партию оружия в Гамбурге[26].

Точные указания на то, кому, в каком количестве и с какой целью предназначались японские деньги, царская охранка получила из записки Циллиакуса, «изъятой» агентом Мануйлова из чемодана Акаси в середине мая 1905 г. «Японское правительство при помощи своего агента Акаши, — пояснял содержание записки Мануйлов, — дало на приобретение 14500 ружей различным революционным группам 15300 фунтов стерлингов, то есть 382 500 франков. Кроме того, им выдано 4000 фунтов (100 000 франков) социалистам-революционерам и на приобретение яхты с содержанием экипажа 4000 фунтов (100 000 франков)»[27]. Кроме эсеров («SR.») в качестве получателей крупных сумм в документе фигурировала Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров («G.»), ППС («S-P.») и Финляндская партия активного сопротивления («F.»)[28].

В этом же донесении, учитывая особую «важность дела», Мануйлов предложил директору Департамента

полиции «учредить самое широкое наблюдение за полковником Акаши, Деканози, Зиллиакусом и другими лицами, примыкающими» к их «особой организации», для чего планировал организовать специальную «агентуру» в семи крупнейших западноевропейских портовых городах (Гамбурге, Кёнигсберге, Лондоне, Ливерпуле, Гавре, Марселе и Шербурге)[29]. Предложение Мануйлова было активно поддержано Нелидовым в письме, которое министр иностранных дел граф В.Н.Ламздорф представил «на высочайшее благовоззрение»[30]. Ответ А.Г.Булыгина, направленный в конце мая 1905 г. в министерство иностранных дел и «на высочайшее имя», был выдержан в успокоительных тонах и по существу отвергал план Мануйлова — Нелидова[31]. 15 июня Нелидов вновь обратился к Ламздорфу с письмом, в котором отмечал, что «сведениям, доставленным из Парижа г-м Мануйловым, не было», по его мнению, «придано той государственной важности, которую они представляют». В ответ Департамент полиции потребовал от Мануйлова «обоснованных доказательств» достоверности его информации. Такая реакция Департамента полиции на предложение Мануйлова об учреждении тотальной слежки за Акаси и его агентами объяснялась не только уже известными нам обстоятельствами его деятельности в Европе, но и тем, что в течение весны и начала лета этого года он по крайней мере дважды вводил в заблуждение свое начальство ложными сообщениями о начале переправки оружия в Россию[32]. В середине августа 1905 г. его деятельность в Европе была окончательно прекращена (последнее донесение Мануйлова из Парижа датируется 11 августа). Если учесть, что в эти же дни в связи со сменой заведующего фактически была приостановлена и работа Заграничной агентуры (вместо Л.А.Ратаева был назначен А.М.Гартинг), то станет понятно, почему последние приготовления к отплытию парохода «Джон Графтон» и сопровождавших его яхт прошли для Департамента полиции незамеченными, и в Петербурге об этой экспедиции узнали лишь на ее завершающей стадии. Слежка за Акаси в эти последние перед началом экспедиции «Джона Графтона» дни для российской охранки была серьезно затруднена и тем, что Акаси в лице жены одного из французских агентов

Мануйлова приобрел весьма осведомленного информатора о положении дел в стане своих непосредственных противников. Услуги «madame Roland» обошлись японской казне в 400 фунтов стерлингов[33]. Впрочем, даже если обстоятельства в российской охранке летом 1905 г. сложились бы иначе, уследить за «Джоном Графтоном» ее агентам все равно вряд ли удалось бы: снаряжение судна и сам его поход были обставлены настолько конспиративно, что и сегодня многие детали этой экспедиции либо вообще неизвестны, либо остаются спорными.

Первоначальным местом закупки оружия был избран Гамбург. Именно здесь в июне 1905 г. Циллиакус приобрел большую (2,5 — 3 тыс. шт.) партию револьверов «Веблей» с патронами. Однако наблюдение за главой фирмы-продавца вскоре показало, что он находится в контакте с российским консулом и другими «сомнительными русскими». Пришлось срочно перебазироваться в Швейцарию[34]. Здесь в середине июля 1905 г. усилиями Деканозова и Бо было закуплено около 25 тыс. снятых с вооружения винтовок и свыше 4 млн. патронов[35]. Треть винтовок и чуть более четверти боеприпасов, сообщает Акаси, предполагалось направить в Россию через Черное море, а остальные — в Балтику[36]. С помощью торгового агента фирмы «Такада и К°» и некоего англичанина эта часть оружия (по разным данным, 15,5 — 16 тыс. винтовок, 2,5 — 3 млн. патронов, 2,5 — 3 тыс. револьверов и 3 тонны взрывчатых веществ[37]) была перевезена сначала в Роттердам, а затем в Лондон, выбор которого как места базирования, по мнению Футрелла, объяснялся слабой работой здесь русской полиции[38]. Сразу же стало ясно, что ранее купленные паровые яхты «Cecil» («Сесил») и «Sysn» («Сизн») слишком малы для транспортировки этого груза. Поэтому в экспедиции им была отведена вспомогательная роль, а при посредстве делового партнера «Такада и К°» Уотта был приобретен главный перевозчик оружия — 315-тонный пароход «Джон Графтон»[39]. Сразу же после покупки пароход был формально перепродан доверенному лицу Чайковского — лондонскому виноторговцу Р. Дикенсону, который в свою очередь 28 июля передал его в аренду американцу Мортону[40], при этом «Джон Граф-

тон» был переименован в «Луну». Стремясь еще больше запутать возможную слежку, устроители предприятия с помощью того же Уотта купили еще один пароход, «Фульхам», который должен был вывезти оружие из Лондона и в море перегрузить его на борт бывшего «Джона Графтона». Став собственностью некоей японской фирмы, «Фульхам», также получивший новое наименование («Ункай Мару»), был снабжен документами, удостоверявшими его плавание в Китай[41].

Сменив 28 июля в голландском порту Флиссинген команду (ее составили в основном финны и латыши во главе с членом Латышской СДРП Яном Страутманисом), «Джон Графтон» направился к острову Гернсей, где в течение трех суток в шторм грузился оружием с борта «Ункай Мару», после чего взял курс на северо-восток. Туда же с грузом оружия, но под видом совершения увеселительной прогулки отправились и яхты, также предварительно «проданные» подставным лицам. Циллиакус выехал в Данию, чтобы дать там последние инструкции капитану «Джона Графтона», а также для организации переправки в Балтику еще 8,5 тыс. винтовок из числа тех, которые ранее предполагалось направить в Черное море[42].

Пока «Джон Графтон» бороздил воды Балтики, а Циллиакус и Акаси хлопотали о благополучном завершении его похода, в дело организации приемки оружия в России вмешалась новая сила — РСДРП, ее большевистская фракция. С тех пор как закончил свою работу III съезд этой партии, никаких принципиальных изменений в ее попытках достать оружие не произошло. К началу лета 1905 г. стало ясно, что Боевая техническая группа (БТГ), созданная при Петербургском комитете РСДРП в феврале и переданная в ведение ЦК в мае этого года, не способна решить возложенную на нее задачу по «вооружению пролетариата». То, что ей удалось сделать, по отзыву Н.К.Крупской, было «каплей в море» [43]. Стало очевидно, что в одиночку, без сотрудничества с другими партиями решить проблему с оружием нельзя. Вскоре представился и удобный случай для установления такого сотрудничества.

Во второй половине июня 1905 г. руководитель БТГ Н.Е. Буренин и В.М.Смирнов совершали поездку по

Скандинавии с целью получения средств для партии от шведских и датских социал-демократов. В ходе этой поездки они посетили в Стокгольме А.Неовиуса, с которым Смирнов был давно и хорошо знаком[44]. О содержании их разговора можно судить по письму Буренина члену ЦК РСДРП Л.Б.Красину от 26 июня 1905 г., в котором сообщалось, что деятели финской оппозиции готовы оказать большую помощь в «технике и транспорте»[45]. Суть предложений «пассивистов», вероятно, сводилась к тому, чтобы использовать большевиков в качестве посредников для получения оружия от «активистов» в обмен на информацию о его перевозчике. Расценив это предложение как весьма перспективное, Буренин («Заметьте, насколько это важно теперь, когда речь идет о транспорте оружия!» — восклицал он в письме Красину) высказался за немедленную встречу с другим видным «пассивистом», А.Тёрнгреном, для обсуждения деталей.

В партийных верхах, однако, к предложению Буренина отнеслись весьма сдержанно. Здесь явно предпочитали более прямой путь к грузу «Джона Графтона». В начале июля 1905 г. по настоянию Красина Буренин выехал в Женеву, где не позднее 9 июля встретился с Лениным и Гапоном. Буренин вспоминал: «В одном из кабачков в Женеве, где мы мирно распивали пиво, было решено, что я должен ехать вместе с Гапоном в Лондон, где он передаст мне все связи по этому (приемка оружия. — *Авт.*) делу»[46]. В свою очередь Буренин проинформировал Ленина о предложении «пассивистов» и с его разрешения отправил Тёрнгрену телеграмму с указанием его женевского адреса[47].

На следующий день Буренин и Гапон выехали в Лондон, где встретились с Циллиакусом и Чайковским. В тех скупых фразах, которыми Буренин в своих воспоминаниях комментирует ход состоявшихся здесь переговоров, есть ряд неточностей[48], а об их результатах не говорится ничего. Надо думать, однако, что предварительная договоренность об участии большевиков в приемке оружия все-таки была достигнута.

19 июля Буренин вернулся в Женеву и вновь встретился с Лениным. Реакция Ленина на известия из Лондона была мгновенной. Тёрнгрену в тот же день была направлена телеграмма с отказом от запланиро-

ванной встречи[49]. Судя по всему, Гапон внушал Ленину бóльшее доверие, чем представители «партии либеральной буржуазии» («пассивистов»). Буренин же получил указания продолжать лондонские переговоры, и в результате его очередной поездки в Лондон в 20-х числах июля[50] была достигнута договоренность о включении большевиков в ОБО («Объединенную боевую организацию»). Нельзя не отметить, однако, что РСДРП вошла «в дело» на явно дискриминационных условиях. Такая дискриминация, вероятно, объяснялась тем обстоятельством, что среди эсеровских руководителей в это время были противники соглашения с социал-демократами. Если верить Азефу, в ходе состоявшихся в марте его переговоров на этот счет с М.Р.Гоцем последний высказался против такого объединения «ввиду того, что ПСР завоевала все симпатии» (имелись в виду симпатии, вызванные удачно проведенными ПСР покушениями на В.К. фон Плеве в июле 1904 г. и на великого князя Сергея Александровича в феврале 1905 г.)[51]. В итоге большевики не получили точной информации о времени и месте прибытия «Джона Графтона», как до конца не представляли себе и истинной роли Гапона во всем этом деле. Интересно, что Буренин был искренне убежден, что как представитель РСДРП вошел в ОБО «полноправным членом». Об этом он сообщил Ленину в одном из писем в августе 1905 г.[52]

2 августа Буренин явился в Петербург, чтобы принять участие в работе ОБО. Однако, как он сообщил Гапону в письме от 9 августа, в столице он нашел «все в очень печальном виде». Не обнаружив в Петербурге ни Азефа, ни Рутенберга (первый появился здесь лишь в конце августа, а второй был арестован еще 3 июля), Буренин сделал вывод о том, что группа, о которой шла речь и представителем которой он выступал, фактически не существует[53]. Содержание письма показывает, что никакой практической работы по подготовке приемки оружия не вел и гапоновский «Рабочий союз». По отзыву Буренина, «союзовцы и не думали... о получении транспорта», «будучи заняты программой»[54]. Поскольку «С.Р. теперь в Питере слабы, меньшевики провалились», а гапоновцы «бессильны... что-

нибудь сделать в смысле приемки»[55], Буренин решил взяться за организацию этого дела самостоятельно.

Свой план он изложил 10 августа на заседании ЦК РСДРП. Снова указав на то, что у Гапона «нет ничего в смысле организационном и техническом» и что, располагая большими средствами, «принять оружие, закупленное им, он не имеет возможности», глава БТГ предложил ЦК взять все дело в свои руки, используя гапоновские деньги и «техническую» помощь эсеров. ЦК принял предложение Буренина[56]. Однако на практике это решение не было, да и не могло быть осуществлено.

Так как, по мнению большевиков, все нити предприятия по доставке оружия держал в своих руках Гапон, было решено срочно организовать с ним новую встречу. Убедить Гапона в целесообразности приемки оружия большевиками должен был А.М.Горький, в свое время прятавший его на своей квартире и потому пользовавшийся особым доверием Гапона. Кроме того, резолюция ЦК от 10 августа предусматривала начало переговоров с финляндскими «активистами» как одними из организаторов экспедиции «Джона Графтона»[57]. Состоявшаяся очень скоро встреча Буренина и Красина с Гуммерусом и, возможно, Кастреном не оправдала надежд большевиков: финны отвергли предложение о передаче им той части груза «Графтона», которая предназначалась для России[58]. Об итогах этих переговоров Буренин незамедлительно сообщил Ленину и Гапону письмом от 13-го числа[59].

Одновременно, будучи, вероятно, уверенным в благоприятном исходе переговоров с Гапоном, Буренин предпринял ряд практических мер по подготовке приемки оружия. Эти меры, которые не являлись реализацией какого-то более или менее продуманного плана, были хаотичны и не согласованы даже между собой. По указанию Буренина в лесу, в имении матери члена БТГ А.Игнатьева, расположенном на границе Финляндии и России, были вырыты глубокие ямы для хранения оружия[60]. С той же целью в Петербурге, как вспоминал другой член БТГ В.Е.Ландсберг, предполагалось использовать склеп с подвижной надгробной плитой на Волковом кладбище. Кое-что было сделано и в Прибалтике, где действовал М.М.Литвинов. Узнав

от Буренина, что «Гапон совместно с эсерами погрузил в шотландском порту оружие на пароход «Джон Графтон»... не позаботившись об организации приемки», он самостоятельно (!) избрал местом разгрузки остров Нарген близ Ревеля и был очень удивлен, что пароход «в условленное время» не явился[61].

По понятным причинам Гапон не торопился на встречу с большевиками, которая должна была состояться в Финляндии, и прибыл туда только в начале сентября. Но напрасно Горький в компании с членами ЦК Л.Б.Красиным и П.П.Румянцевым ждали его в назначенном месте (имении Тёрнгрена) — Гапон туда не явился, умышленно либо по недоразумению ожидая встречи в другом месте[62]. Впрочем, эта встреча, если бы и состоялась, уже ничего не могла изменить.

20 августа Акаси прибыл в Стокгольм. Явившийся туда же через несколько дней Циллиакус сообщил японцу, что его запланированная встреча с «Джоном Графтоном» в Копенгагене не состоялась, а сам корабль 18-го числа выгрузил часть оружия к северу от Виндау, но, не найдя никого в условленном месте, не смог этого сделать в главном пункте разгрузки — на острове близ Выборга (яхты, которые должны были участвовать в этом деле, задержались в Дании)[63]. К тому же В.Фурухельм, ездивший по поручению Циллиакуса в Петербург, как и Буренин, вернулся с известием о том, что ему не удалось обнаружить там и намека на какие-либо приготовления к приемке оружия[64].

Тем временем «Джон Графтон» вернулся в Копенгаген и, сменив капитана (им стал бывший старший помощник Страутманиса финский морской офицер Эрик Саксен) и пополнив запасы продовольствия, получил предписание двигаться в Ботнический залив. Дважды успешно выгрузив здесь партии оружия (в районе Кеми 4 сентября и близ Пиетарсаари 6 сентября), рано утром 7-го числа пароход налетел на каменистую отмель в 22 км от Якобстадта и после малоуспешных попыток команды выгрузить оружие на соседние острова на следующий день был взорван. Воспользовавшись предоставленной местными жителями яхтой, команда во главе с последним капитаном судна Дж. Нюландером бежала в Швецию[65].

Так бесславно закончилась эпопея с ввозом оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон». Уже к осени 1905 г. с обломков парохода, долгое время остававшихся на плаву, а также из тайников на близлежащих островах властями было извлечено без малого 2/3 находившихся на его борту винтовок, вся взрывчатка, огромное количество патронов, винтовочных штыков, детонаторов и других боеприпасов[66]. Остальное оружие разошлось среди местного населения, и лишь небольшая его часть попала в руки революционеров, в том числе социал-демократов[67]. Финляндская партия активного сопротивления получила с «Джона Графтона» всего 300 стволов[68]. Интересно, что, несмотря на это, источники отмечают наличие винтовок «Веттерлей» в Москве в декабре 1905 г.[69] В Финляндии же они эпизодически появлялись вплоть до 1918 г.[70]

История с «Джоном Графтоном» и последующие попытки ввоза в Россию оружия и взрывчатых веществ через Балтику заставили царское правительство предпринять ряд контрмер как по полицейским, так и по дипломатическим каналам. Основываясь на принятом в конце 1905 г. постановлении Совета министров о воспрещении ввоза в империю оружия, в январе 1906 г. российский МИД предписал посланникам России в ряде европейских столиц «войти в сношения с соответствующими правительствами на предмет принятия сими последними мер для предупреждения вывоза оружия в империю»[71]. Еще раньше, в октябре-ноябре 1905 г., в Департаменте полиции начали задумываться о возможности предотвращения контрабанды оружия через Швецию силами либо Заграничной агентуры, либо Финляндского жандармского управления (при ближайшем рассмотрении, однако, эта задача была признана невыполнимой)[72]. Эти меры были направлены на то, чтобы проследить транспорты с оружием вне пределов России. Со второй половины 1906 г. начала осуществляться крупномасштабная акция такого же рода, но уже на русской территории — за ввозом оружия на побережье Прибалтики стала «наблюдать» целая флотилия в составе 11 больших и 2 малых кораблей под началом жандармского подполковника Балабина.

Последний должен был быть информирован о выходе из иностранных портов судов с оружием непосредственно заведующим Заграничной агентурой. Однако и эти меры, как вынужден был признать сам Балабин уже в январе 1907 г., «оказались совершенно бесполезными, если не считать устрашающего влияния их на контрабандистов»[73]. В целом, по замечанию современного исследователя, русские пограничники «находили контрабандное оружие» «лишь от случая к случаю»[74].

ГЛАВА IV

«СИРИУС»: ВВОЗ ОРУЖИЯ НА КАВКАЗ

Провал экспедиции «Джона Графтона» заставил ее организаторов предпринять новую попытку такого же рода, ориентированную, правда, уже не на северо-запад России, а на Закавказье. Собственно, речь шла о том, чтобы вернуться к плану, осуществление которого было начато еще весной-летом 1905 г.

В отличие от истории с «Джоном Графтоном» первые подготовительные мероприятия по организации транспорта оружия в Черное море, как и имена непосредственных участников этой операции, представлены в источниках весьма скудно. В документах российской тайной политической полиции материалов о «Сириусе» практически нет (имеющиеся в фонде Департамента полиции документы на этот счет исходили от других ведомств). Объясняется это тем, что Заграничная агентура, «глаза и уши» Департамента в Западной Европе, по-прежнему находилась в неработоспособном состоянии: как и всякий новый ее заведующий, А.М.Гартинг, вступивший в должность в августе 1905 г., начал с «обследования» и перестройки деятельности «вверенного» ему учреждения. Что касается Акаси, то, хотя в его докладе неоднократно указывается на участие автора в выработке плана переправки оружия в Черное море, о «Сириусе» говорится мало[1]. Явное нежелание японского полковника афишировать свое участие в этом деле, вероятнее всего, было связано с тем, что поход «Сириуса» протекал после заключения мира между Россией и Японией и уже по одному этому не представлял большого интереса для Токио.

Тем не менее сохранившиеся документы позволяют с той или иной степенью достоверности воссоздать основные вехи этой экспедиции.

Косвенные свидетельства о подготовке к отправке в Закавказье большой партии оружия содержатся в уже известной нам записке Циллиакуса. В ней фигурировала Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров как получатель 2 тыс. фунтов стерлингов[2]. Деньги предназначались для закупки 5 тыс. винтовок, которые, как мы знаем, тогда же Деканозовым и были приобретены[3]. Однако в начале августа 1905 г. план черноморской операции был объявлен трудноосуществимым, и оружие было решено направить в Россию прежним порядком — через Балтику[4]. Несмотря на это, Акаси тогда же встретился в Париже с представителями «кавказских партий». Если верить докладу японца, они договорились «начать действовать, как только начнутся восстания в Балтийском регионе»[5].

Закавказье как место получения оружия было, конечно же, выбрано не случайно. Брожение здесь, начавшись еще в 1902 г. в основном в сельских районах, к 1905 г. приняло формы настоящей революции. По всему Закавказью прокатилась волна аграрных беспорядков, забастовок и стачек в промышленных центрах. Правительственные учреждения, особенно полиция и суд, бойкотировались. В некоторых городах и сельских районах создавались боевые дружины и «красные сотни», на вооружение и содержание которых производились денежные сборы. В это же время резко обострились межнациональные противоречия между армянами и азербайджанцами. Конфликты на этой почве привели в 1905 г. к массовым кровопролитным столкновениям.

Из революционных партий, принявших участие в движении, наиболее массовой и влиятельной являлась социал-демократическая, организации которой в марте 1903 г. объединились в Кавказский союз РСДРП. В этом регионе социал-демократов поддерживали не только рабочие в городах, но и большинство крестьянского населения. Другие партии — эсеров, грузинских федералистов и т.д. — значительно уступали социал-демократам в численности и влиянии, но, как отмечал в докладе на «высочайшее имя» министр внутренних дел П.Н.Дурново, все они признавали «важнейшей задачей своей деятельности подготовку вооруженного

восстания для уничтожения самодержавной власти и созыва Учредительного собрания»[6]. В 1905 г. в Закавказье, особенно в портовых городах Черноморского побережья и сельских районах Западной Грузии, куда и предполагалось направить оружие, сложились благоприятные условия для достижения задуманных Акаси, Циллиакусом и Деканозовым целей.

Пароход «Сириус» водоизмещением 597 тонн был куплен в начале сентября 1905 г. Корнелисеном, голландцем по происхождению и анархистом по убеждениям. Он же впоследствии стал и капитаном судна. Поскольку, по сведениям российского посланника в Гааге Чарыкова, «Сириус» предназначался для перевозки в Россию оружия и взрывчатых веществ, глава российского внешнеполитического ведомства уведомил об этом товарища министра внутренних дел Д.Ф.Трепова[7]. Однако с самого начала слежка за «Сириусом» была осложнена тем обстоятельством, что разные и независимые друг от друга источники в качестве конечного пункта его путешествия указывали не Кавказ, как это было в действительности, а Финляндию. Об этом сообщал Чарыков, это же отмечалось в справке берлинской полиции в российский МИД[8]. Вероятно, поэтому основное внимание властей привлек пароход под тем же названием Финляндского пароходного общества, который в сентябре-октябре 1905 г. совершал свой обычный рейс в Гельсингфорс.

Настоящий же перевозчик оружия 22 сентября 1905 г. вышел незамеченным из Амстердама и взял курс на юг. В целях конспирации маршрут «Сириуса» предусматривал заходы во многие промежуточные порты якобы с коммерческими целями[9]. На самом деле его груз составляли 8,5 тыс. винтовок «Веттерлей» и от 1,2 до 2 млн. патронов к ним. Пройдя без особых приключений весь свой неблизкий путь из Атлантического океана в Средиземное и Черное моря, 24 ноября 1905 г. неподалеку от Поти «Сириус» перегрузил доставленные им оружие и боеприпасы на четыре баркаса, которые направились к заранее определенным местам на побережье.

Первый из них в ту же ночь разгрузили в Потийском порту. Работой занимались местные жители под руководством представителей потийской социал-

демократической организации. Они были атакованы пограничниками, но, несмотря на это, в город удалось переправить свыше 600 винтовок и 10 тыс. патронов[10]. Второй баркас был задержан на следующий день в море близ местечка Анаклия. С него властями было снято 1200 винтовок и 220 тыс. патронов. Однако часть оружия команде баркаса удалось выгрузить еще до ареста в районе города Редут-Кале[11]. Судьба оружия, находившегося на третьем баркасе, разгруженном недалеко от Гагр, до конца не ясна. Известно лишь, что одна его часть (900 винтовок) в начале декабря 1905 г. была спрятана в имении князя Инал-Ипа, а другая перевезена в Сухуми[12]. Оружие с четвертого баркаса было выгружено в районе Батуми и переправлено в ряд населенных пунктов Кутаисской губернии[13]. Таким образом, вопреки высказанному в литературе мнению[14], большая часть груза «Сириуса» попала по назначению и лишь 2 тыс. винтовок и около полумиллиона патронов было конфисковано властями.

Кто организовал приемку этого груза, кто и как распределял его, в каких конкретно эпизодах революционной борьбы в Закавказье нашло применение это оружие — на все эти вопросы нет исчерпывающего ответа. В качестве его получателей и пользователей одни источники указывают социал-демократов (в Поти, Гаграх[15]), другие — социалистов-федералистов[16]. Неясно также и то, действовали ли представители этих партий на основе какого-то соглашения или же, напротив, конфликтовали между собой, как утверждают некоторые историки[17]. Как бы там ни было, нельзя считать случайным тот факт, что прибытие «Сириуса» совпало по времени с началом массовых вооруженных выступлений в Закавказье, тем более что самые ожесточенные формы эта борьба приняла в тех местностях, куда поступило привезенное им оружие (в Поти, Зугдиди, Озургетах, Сухуми и др.). Характерным и заслуживающим серьезного внимания представляется нам сообщение официального источника, согласно которому «красные сотни» в Зугдидском уезде в декабре 1905 г. были частично вооружены «швейцарским оружием, привозившимся... арбами из Редут-Кале и местечка Анаклия»[18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в годы русско-японской войны правительство Японии стремилось воздействовать на внутриполитическое положение России с тем, чтобы ослабить ее в военном отношении. Конкретная задача заключалась в разложении русской армии и затруднении ее комплектования, в стремлении заставить правительство отвести максимальное количество войск с театра военных действий на поддержание порядка внутри империи. По свидетельству Ч.Инаба, это была первая и наиболее последовательно осуществлявшаяся попытка такого рода, предпринятая Японией в отношении европейского государства[1]. Кроме этих чисто военных задач, работа японской разведки преследовала и общеполитические цели, которые по мере затягивания войны и быстрого истощения ресурсов страны все чаще выходили на первый план. Речь шла о том, чтобы настолько накалить внутриполитическую обстановку в России, чтобы царизм уже не мог более вести войну на два фронта — с врагом внешним и внутренним. Особенно энергично и последовательно в этом направлении действовало военное ведомство Японии, которое руководствовалось сформулированным генералом М.Тераучи принципом: «Во время войны все средства вредить врагу — хороши»[2].

В своем стремлении ускорить заключение мира с Россией правительство Японии пошло на прямое финансирование деятельности российских революционных и оппозиционных организаций, передав им за годы войны не менее 1 млн. иен (по современному курсу, около 5 млрд. иен, или 35 млн. долларов). Объектами финансирования явились партия социалистов-революционеров, которую японцы считали «наиболее организованной» среди других революционных партий, игравшей «руководящую роль в оппозиционном движении» России[3], Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Польская социалистическая партия и Финляндская партия активного сопротивления. Кроме того, прямые контакты с полковником Акаси, инициатором и главным действующим лицом всего этого предприятия с японской стороны, поддерживали руководители Дашнакцутюн,

Бунда и польской Лиги народовой. Что касается РСДРП, то неоднократные попытки лидеров ее большевистского крыла поучаствовать в дележе японского пирога успехом не увенчались и благодаря позиции меньшевистского руководства социал-демократии партия как целое лишь отчасти оказалась замешанной в этих неблаговидных махинациях.

Японская помощь коснулась таких важнейших направлений деятельности представителей российского освободительного движения, как печатание и распространение нелегальной литературы, упрочение межпартийных связей, военно-техническая подготовка вооруженного восстания. При этом, руководствуясь чисто прагматическими целями, правящие круги Японии, безусловно, не испытывали ни малейших симпатий к социалистическим идеям, проповедовавшимся их временными союзниками. Не случайно, что, по свидетельству Ч.Инаба, источник поступления денежных средств был перекрыт сразу после начала русско-японских мирных переговоров[4].

Нельзя не согласиться с современными западными исследователями в том, что субсидирование деятельности российских революционных и оппозиционных партий Японией никак не повлияло на исход русско-японской войны[5]. Остается фактом и то, что все обильно сдобренные японским золотом начинания, соответствовали ли они объективным потребностям освободительного движения в данный момент или нет, не оказали серьезного влияния на ход российской революции. Обе финансировавшиеся из Токио межпартийные конференции (Парижская 1904 г. и Женевская 1905 г.) вопреки ожиданиям их устроителей не привели к созданию сколько-нибудь прочного блока партий; точно так же не состоялось «запланированное» на июнь 1905 г. вооруженное восстание в Петербурге и не удалась попытка ввоза оружия в Россию на пароходе «Джон Графтон» летом этого года. Успешно закончившееся в конце 1905 г. путешествие парохода «Сириус», доставившего на Кавказ 8,5 тыс. винтовок и большое количество боеприпасов, также нет оснований расценивать как событие, существенно повлиявшее на ход освободительного движения в России. Достаточно сказать, что в декабре 1905 г. только

в одном (Озургетском) уезде действовало до 20 тыс. вооруженных людей[6].

Все это не снимает ответственности с царского правительства, в очередной раз доказавшего свою неспособность оградить национальные интересы страны. Режим, опиравшийся на колоссальные потенциальные возможности своей тайной полиции и других правительственных учреждений, оказался не в состоянии противостоять натиску японской разведки и войну на этом «невидимом фронте» (как, впрочем, и на фронте видимом), несмотря на ряд частных успехов, проиграл.

Вероятно, специалистам еще предстоит ответить на вопрос, в какой мере японские деньги способствовали «оживлению деятельности оппозиционных партий в Российской империи». Тем не менее очевидно, что в целом российская революция проходила не под диктовку Токио, а развивалась по своим внутренним законам.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. В источниках и литературе чаще именуется «Акаши», или «Акасхи».
2. Вперед. 1905. 2(15) марта.
3. *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания /Под ред. *А.А.Кизеветтера*. Прага, 1934. С.390.
4. Дневник А.С.Суворина /Под ред. М.Кричевского. М. — Пг., 1923. С.342.
5. Наша жизнь. 1906. 25 июня (8 июля).
6. Новое время. 1906. 26 июня (9 июля).
7. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП.00. 1904. Д.28. [Здесь и далее названия архивов даются по состоянию на 1.1.92 г.— *Ред.*]
8. *Маринов В.А.* Россия и Япония перед первой мировой войной (1905 — 1914 гг.). Очерки истории отношений. М., 1974. С.92 — 93.
9. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП.00. 1906 (II). Д.291. Л.27 — 30 об.
10. Там же. Л.23.
11. В следующий раз к этой теме «Новое время» обратилось лишь в 1909 г. в статье «Наши друзья финляндцы и японцы». Напоминая читателям о сведениях, опубликованных в «Изнанке революции», автор статьи недоумевал по поводу отсутствия официального расследования связей Акаси с Циллиакусом и «другими революционерами». Здесь же сообщалось о пребывании в Финляндии летом 1909 г. японцев Теради и Хагино, которые, помимо обследования портов и железных дорог, посещали собрания различных организаций, в том числе «Освободительного союза», в который было преобразовано «спортивное» общество «Войма» (Новое время. 1909. 10 окт.). В связи с появлением этой статьи заведующий Особым отделом Департамента полиции запросил у начальника Финляндского жандармского управления «фактический материал, изобличающий финляндцев в преступных сношениях с японским военным агентом Акаши» (ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП.00. 1909. Оп.239. Д.41. Ч.8. Л.1.). В ответ полковник Утгоф обязался выслать доклад, основанный на «агентурных данных, фактически доказывающих преступные сношения» финского «Освободительного союза», но не с Акаси, а с «японским государством» (там же. Л.10 — 10 об.). К сожалению, этого доклада начальника ФЖУ нам обнаружить не удалось. Не исключено, впрочем, что таких данных в распоряжении Утгофа не было вовсе, а упомянутая статья, как и многие другие нововре-

менские публикации, посвященные Финляндии, основывалась на вымышленных фактах.

12. *Апушкин В.А.* Русско-японская война 1904 — 1905 гг. М., 1910; *Виноградский А.Н.* История русско-японской войны 1904 — 1905 гг. Вып.1. Спб., 1908; Русско-японская война 1904 — 1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.1 — 9. Спб., 1910 и др.
13. *Изметьев П.И.* О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. 2-е изд. Варшава, 1910; *А.К-ъ.* Разведка во время русско-японской войны. Спб., 1907 /Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып.XII/.
14. История русско-японской войны /Ред.-изд. *М.Е.Бархатов, В.В.Функе.* Спб., б.г. Т.1. С.26.
15. *Шацилло К.Ф.* Из истории освободительного движения в России в начале XX в. (О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре-октябре 1904 г.) //История СССР. 1982. № 4. С.51 — 70; *он же.* Русский либерализм накануне революции 1905 — 1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С.232 — 259.
16. *Лядов М.Н.* Из жизни партии в 1903 — 1907 гг. /Воспоминания/ М., 1956. С.219; Первая боевая организация большевиков. 1905 — 1907 гг. Статьи, воспоминания и документы /Сост. *С.М.Познер.* М., 1934. С.259 — 279.
17. Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864 — 1914 гг. /Под ред. *А.М.Орехова.* М., 1988.
18. *Бедняк И.Я.* Япония в период перехода к империализму. /Становление японского монополистического капитализма на рубеже XIX — XX вв. /М., 1962; *Кутаков Л.Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964; *Эйдус Х.Т.* История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк. М., 1968 и др.
19. *Гальперин А.Л.* Англо-японский союз. 1902 — 1921 гг. М., 1947. С.235.
20. *Вотинов А.* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904 — 1905 гг. М., 1939. С.51.

Точно так же нельзя отнести к числу разработанных в советской историографии и более общий вопрос о финансировании из-за границы деятельности российских революционных и оппозиционных организаций. А.Ф.Остальцева (одна из немногих, коснувшаяся этого сюжета), говоря о деньгах, собранных в Англии «Обществом друзей русской революции» в 1905 г., признает, что выяснить, каким конкретно российским организациям и через какие каналы они были переданы, ей не удалось. Обнаружив в движении по сбору средств «сочувствие английской буржуазии русским либералам», она приходит к неожиданному выводу о том, что основным мотивом такого сочувствия «было стремление укрепить царскую власть против революции» — *Остальцева А.Ф.* К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 года на перегруппировку европейских империалистических держав. //Учен. зап. Саратов. Гос. университета. 1956. Т.55. С.260.

21. *Bullard A.* The Russian Pendulum. Autocracy — Democracy — Bolshivism. New York, 1919, p.97 — 98.
22. *Dillon E.* The Eclipse of Russia. New York, 1918, p.291 — 292.
23. Цит. по: *Смирнов В.М.* Революционная работа в Финляндии (1900 — 1907 гг.) //Пролетарская революция. 1926. № 1 (48). С.219.
24. Цит. по: *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859 — 1917). Т.1. Нью-Йорк, 1955. С.243.
25. *Futrell M.* Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland. 1863 — 1917. Lnd., 1963, p.66 — 84.
26. Происхождение этого названия — цитаты из древнекитайской поэмы, в буквальном переводе обозначающей «облетевший цветок и поток воды», довольно неожиданного для такого рода документа, — неясно до сих пор. М.Футрелл, например, полагал, что оно явилось плодом фантазии кого-то из позднейших почитателей Акаси (*Futrell M.* Colonel Akashi and Japanese Contacts with Russian Revolutionaries in 1904 — 1905 //St. Antony's Papers. № 20. Far Eastern Review. № 4. Lnd., 1967, p.11 — 12). Современные исследователи считают, что это название было присвоено докладу при его перепечатке в японском МИДе в 1938 г. с копии, принадлежавшей старшему сыну Акаси — Мотоёси. Оригинал доклада, вероятно, был сожжен вместе с другими секретными военными документами в конце второй мировой войны так же, как и финансовые отчеты японского разведчика. Любопытно, что размножение доклада Акаси в МИДе в конце 30-х гг. имело целью пропагандировать его опыт среди высших чиновников министерства ввиду надвигавшейся новой войны. Однако в конце концов этот опыт был признан в новых условиях неприемлемым (*Inaba Ch.* An Explanatory Note on Rakka ryusui // *Akashi M.* Rakka ryusui. Helsinki, 1988, p.11, 15 — 16).
27. *White J.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, New Jersey, 1964, p.138, 140.
28. *Pobog-Malinowski Wł.* Josef Pilsudski. 1901 — 1908. W ognii Rewolucju. W-wa, 1935; *Dziewanowski M.K.* The Revolution of 1905 in Poland //Journal of Central European Affairs, Vol.XII. 1952, № 3.
29. *White J.* Op. cit., p.142, 141.
30. Начало ее изучения в Японии относится к 1928 г., когда Т.Комори опубликовал 2-томную биографию Акаси. По свидетельству М.Футрелла, в ней, однако, в основном были лишь подтверждены факты, содержащиеся в воспоминаниях К.Циллиакуса. — *Futrell M.* Northern Underground, p.206.
31. *Fält O.* Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War //Asian Profile. Hong Kong. 1976, vol.4, № 3, p.205 — 238; *Idem.* Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War. Oulu, 1977. В дальнейшем О.Фэлт специализировался на истории финско-японских отношений в 20 — 80-е годы.
32. *Copeland W.* Relations between the Finnish Resistance Movement and the Russian Liberals, 1899 — 1904 //Essays on Russian Liberalism /Ed. by E.Timberlake. Univ. of Missouri press, 1972, p.90 — 118; *Idem.* The Uneasy Alliance: Collaboration between the Finnish

Opposition and the Russian Underground, 1899 — 1904. Helsinki, 1973.

33. *Kujala A.* The Russian Revolutionary Movement and the Finnish Opposition, 1905. The John Grafton affair and the plans for the uprising in St. Petersburg //Scand. J. History, 1980, № 5, p.257 — 275.
34. *Akashi M.* Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected Chapters translated by Inaba Ch. and edited by O.Fält and A.Kujala. Helsinki, 1988 [Далее — «Rr.»].
35. Материалы финского архива были любезно предоставлены нам А.Куяла.

ГЛАВА I

1. При разработке планов на будущую кампанию японцы, безусловно, учитывали возможный рост революционного движения в России. Как сообщает Футрелл, уже в середине 1903 г. в меморандуме японского Генштаба было указано на российское социалистическое движение (имелся в виду главным образом Бунд) как на возможного союзника при проведении подрывных операций (*Futrell M.* Colonel Akashi and Japanese Contacts with Russian Revolutionaries in 1904 — 1905 //St. Antony's Papers. №20. Far Eastern Review. № 4. Lnd., 1967, p.9,). Вместе с тем до начала января 1904 г., то есть до непосредственного кануна войны, по наблюдениям Ч.Инаба, японский Генеральный штаб не имел ясного представления о ведении подобных операций. Конкретные формы план таких действий начал обретать лишь с началом практического сотрудничества Акаси с финнами. — *Akashi M.* Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected Chapters translated by Inaba Ch. and edited by O.Fält and A.Kujala. Helsinki, 1988, p.71 (Ch. Inaba). [Далее — «Rr.»].
2. Из истории русской контрразведки. Сб. документов. /Сост. И.Никитский. М., 1946. С.28 — 29. Отчет об организации и деятельности Разведочного отделения Главного штаба за 1903 г. 11 декабря 1903 г.
3. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.109. Донесение полицейского надзирателя Руба. Сведения к 12 мая 1904 г.
4. Rr., p.34.
5. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1901. Оп.229. Д.385. Л.1 — 2.
6. Rr., p.34 — 35.
7. Циллиакус сдержал свое слово и даже, как считают Ч.Инаба и А.Куяла, участвовал в составлении доклада Акаси (Rr., p.34 — 35). Не исключено, что по просьбе Акаси он писал и справки о состоянии революционного движения в России. Во всяком случае, дополнение ко второму (шведскому) изданию книги Циллиакуса «Революционная Россия» (вышла в русском переводе в 1906 г.) имеет характер именно такой справки. — См.: *Циллиакус К.* Революционная Россия. Возникновение и развитие революционно-

го движения в России. /Пер. с нем. К.Жихаревой. Спб., 1906. С.287 — 294.

8. Rr., p.37.
9. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Оп.232. Д.9. Ч.10. Начальник ФЖУ — в Департамент полиции. 18 февраля 1904. № 3541.
10. Там же. Д.150. Л.23 об. — 24.
11. Там же. 1903. Д. 1955. Л.34 — 35 об.
12. Rr., p.23 — 24, 35.
13. Ibid, p.23 — 25.
14. Ibid, p.38.
15. Ibid, p.71 (Ch. Inaba).
16. Ibid, p.38.
17. Новое время. 1904. 23 авг.
18. Подробнее см.: Общественное движение на польских землях. С.180 — 182.
19. См.: Там же. С.190.
20. *White J.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, New Jersey, 1964, p.142.
21. *Pobog-Malinowski Wl.* Josef Pilsudski. 1901 — 1908. W ognii Rewolucju. W-wa, 1935, s.217.
22. Rr., p.72 (Ch. Inaba).
23. Ibid.

Гэнро — совет старейших государственных деятелей, ближайших советников императора, рекомендации которого по всем вопросам внутренней и внешней политики подлежали безусловному выполнению правительством.

24. Pobog-Malinowski Wl. Op. cit., s.218; Общественное движение на польских землях. С.190 — 191.
25. См.: *Вотинов А.* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904 — 1905 гг. М., 1939. С.129.
26. Каторга и ссылка. 1927. № 2 (31). С.168.
27. *Lerski J.* The Polish Chapter of the Russo-Japanese War //Transactions of the Asiatic Society of Japan. Tokyo, 1959, vol.7, p.78.
28. См.: *Купчинский Ф.П.* В японской неволе. Очерки из жизни русских пленных в Японии в г.Мацуяма на острове Сикоку. Спб., 1906. С.192 — 193; *Н.Н.* Около японцев. (Из дневника пленного офицера) //Исторический вестник. 1908. Т.112. № 6. С.949.
29. Подробнее см.: Общественное движение на польских землях. С.191 — 219.
30. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.17. С.49.
31. О.Фэлт не исключает, что он уже тогда был допущен японцами к секретной военной информации. — *Fält O.* Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War //Asian Profile. Hong Kong, 1976, vol. 4, № 3, p.211.
32. Ibid.
33. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Оп.232. Д.9. Ч.10. Л.54 — 55. Перевод статьи К.Циллиакуса из подпольного издания «Новости войны» от 24 января 1905 г.

34. *Смирнов В.М.* Революционная работа в Финляндии (1900 — 1907 гг.) //Пролетарская революция. 1926. № 1 (48). С.124 — 128.
35. По данным А.Куяла, эта конференция работала в начале сентября 1903 г. — Rr., p.90 (A.Kujala).
36. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1903. Д. 1955. Л.9 об.
37. Там же. Л.5,10 — 10 об., 20 — 20 об.
38. Там же. Л.10 об.
39. Там же. Л.9 об. — 10.
40. Rr., p.37.
41. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1903. Д. 1955. Л.27.
42. *Valtionarkisto.* Antti Hackzell Collection, 3, № 29. Полковник Шредель — директору Департамента полиции. 16 ноября 1904 г. № 60.
43. Rr., p.38.

ГЛАВА II

1. *Akashi M.* Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected Chapters translated by Inaba Ch. and edited by O.Fält and A.Kujala. Helsinki, 1988, p.40. [Далее — «Rr.»].
2. Что касается руководителя другой фракции РСДРП, В.И.Ленина, то, как сообщал Циллиакус Плеханову в начале августа 1904 г., подготовительные документы к конференции он направил и ему (АДП. Ф.1093. Оп.3. Д.273 /без нумерации листов/). Вступил ли большевистский лидер в переписку с Циллиакусом, неизвестно. Во всяком случае, его имя в Полном собрании сочинений Ленина не упоминается ни разу.
3. Rr., p.98 — 99, p.100 — 101 (A.Kujala).
4. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.1. Ч.2. Л.346 — 347. А.М. Гартинг — директору Департамента полиции. 31 мая/ 13 июня 1904 г. № 165.
5. Здесь и далее все даты даются по новому стилю.
6. На деле предложения Циллиакуса были гораздо шире. В письме Плеханову от 8 мая 1904 г. он излагал целый план, реализация которого должна была привести к свержению самодержавия или по крайней мере к созданию такой ситуации, когда «русский Далай-Лама» (Николай II) попытается «перейти к другой системе управления». Основной упор Циллиакус делал на необходимость проведения вооруженных демонстраций в условиях ожидавшихся новых поражений царизма. Упомянутый Плехановым манифест против войны значился в письме лишь в качестве своеобразной «программы-минимум» предстоявшей конференции. — См.: Архив Дома Плеханова. Ф.1093. Оп.3. Д.273 (без нумерации листов).
7. Социал-демократическое движение в России: Материалы /Под ред. *А.Н.Потресова* и *Б.И.Николаевского*. Т.1. М.—Л., 1928. С.332 — 333.
8. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.1. Ч.1. Т.2. Прод.1. Л.202 об.

9. Там же. Л.202 — 202 об.

Еще до приезда Циллиакуса, сообщал Ратаев, в Амстердаме шли интенсивные переговоры эсеров с представителями ППС, в ходе которых поляки предлагали им объединить усилия для проведения террористических актов («например, взрывов поездов, переправляющих на театр военных действий амуницию, снаряжение и военные припасы»), «дабы нанести самодержавию более чувствительный удар». — Там же. Д.1. Ч.1. Т.3. Л.261 об.

10. АДП. Ф.1093. Оп.3. Д.273 (без нумерации листов).
11. Rr., p.40.
12. Ibid, p.57.
13. *Волковичер И.* Партия и русско-японская война. //Пролетарская революция. 1924. № 12 (35). С.119 — 121.

В своей «Истории российской социал-демократии» Л.Мартов утверждает, что еще до этого Циллиакус «сделал прямые предложения как Г.В.Плеханову, так и заграничным представителям Бунда вступить в переговоры с агентами японского правительства о помощи русской революции деньгами и оружием», но получил «должный отпор» (см.: История российской социал-демократии /Под ред. *Л.Мартова.* [Пг.], 1918. С.95). Судя, однако, по поведению Плеханова на этом заседании Совета партии, сообщение Дана явилось для него неожиданностью. (См.: *Волковичер И.* Указ. соч. С.121.)

Сохранившаяся в Архиве Дома Плеханова его переписка с Циллиакусом также не дает оснований для такого утверждения.

14. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.1. М., 1970. С.542 — 543.
15. История российской социал-демократии. С.94.
16. *Кораблев Ю.И.* Военная работа петербургских большевиков в революции 1905 — 1907 гг. М., 1955. С.22.
17. См., напр.: *Гаврилов Б.* Военная работа московских большевиков в годы первой русской революции. М., 1950. С.24.
18. [*Дан Ф.*] Дорогая цена //Искра. 1904. 10 июля. № 69.
19. ЦПА ИМЛ. Ф.17. Оп.1. Д.239. Л.1 об. — 2.
20. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.1. Ч.1. Т.3. Л.269.
21. История российской социал-демократии. С.94.
22. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.8. С.170; Т.9. С.155, 152, 155, 156 — 158.
23. *Там же.* Т.8. С.174; Т.9. С.135, 157.
24. *Плеханов Г.В.* «Строгость необходима...» //*Плеханов Г.В.* Соч. М.—Л., 1926. Т.13. С.99 — 100. Мотив о неуместности таких «спекуляций» прозвучал и в письме Плеханова в адрес парижской конференции с отказом от участия в ней.
25. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.9. С.157.
26. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.1. С.552, 567, 579.
27. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.150. Л.Г. Л.111. Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью «Владимир», Петербург, 6 октября 1904 г. к полковнику А.В.Святловскому в Мукден.

28. Там же. Д.150. Л.7, 8. Донесения в Департамент полиции начальников Могилевского ГЖУ от 7 марта 1904 г. № 23 и Витебского ГЖУ от 9 марта 1904 г. № 1144; там же. Д.150. Л.Г. Л.2, 23 — 23 об. Донесения в Департамент полиции помощника начальника Бессарабского ГЖУ от 7 февраля 1904 г. № 161 и начальника Петербургского охранного отделения подполковника Кременецкого от 23 марта 1904 г. № 4906.
29. А не Ленин, как предположил П.П.Топеха. — *Топеха П.П.* Из истории распространения ленинских идей в Японии //Вопросы истории КПСС. 1970. № 9. С.52.
30. ЦПА ИМЛ. Ф.17. Оп.1. Д.158. Л.1 — 2.
31. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.1. С.535.
32. *Топеха П.П.* Указ. соч. С.52.
33. См.: *Волковичер И.* Указ. соч. С.120.
34. ЦПА ИМЛ. Ф.17. Оп.1. Д.246. Л.1.
35. Комический эффект в этой части стихотворения построен на контрасте. Дело в том, что Бонч-Бруевич никогда не отличался независимостью нрава. Скажем, весной 1904 г., то есть непосредственно перед своим «грехопадением», демонстрируя полную покорность решениям меньшевистской редакции «Искры» и Совета партии («Совета Генерального»), заведующий экспедицией неоднократно и даже с некоторой назойливостью просил указаний относительно того, куда, когда и сколько изданной литературы посылать. О выполнении каждого, пусть самого незначительного поручения партийных лидеров он «совершенно немедленно» (выражение Бонч-Бруевича) докладывал им лично. — См.: АДП. Ф.1093. Оп.3. Д.344 (без нумерации листов). В.Д.Бонч-Бруевич — Г.В.Плеханову. 29 апреля 1904 г.; В.Д.Бонч-Бруевич — в редакцию ЦО. 11 и 12 марта 1904 г.
36. ЦПА ИМЛ. Ф.17. Оп.1. Д.215. Л.7 — 8.
37. *Бонч-Бруевич В.Д.* Женевские воспоминания (1904 — 1905) //*Бонч-Бруевич В.Д.* Избр. соч. Т.2. М., 1961. С.327 — 328.
38. См.: *Иосько М.И.* Николай Судзиловский-Руссель. Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск., 1976. С.192; *Маринов В.А.* Россия и Япония перед первой мировой войной (1905 — 1914 гг.). Очерки истории отношений. М., 1974. С.93; *Клейн Б.С.* Доктор Руссель. Историческая хроника //Неман, 1969. № 1. С.93 — 94 и др.
39. См.: ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Д.1. Ч.1. Т.2. Л.352 — 355. Л.А.Ратаев — П.И.Рачковскому. 8 авг./27июля 1905 г. № 162; International Institute of Social History (Amsterdam) (IISH). PSR fund. Box 2. № 144 (без нумерации листов). Письмо Н.Русселя неустановленному члену ПСР от 19 февраля 1907 г.
40. См.: *Купчинский Ф.П.* В японской неволе. Очерки из жизни русских пленных в Японии в г.Мацуяма на острове Сикоку. Спб., 1906. С.35; *Толстопятов А.В.* В плену у японцев. Спб., 1908. С.21 и др.
41. *Ольминский М.С.* Примиренский ЦК и токийское правительство //«Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 г. М., 1924. С.32.
42. См.: *Волковичер И.* Указ. соч. С.122.

43. *Бонч-Бруевич В.Д.* Указ. соч. С.329.
44. Запись беседы моей [Г.А.Алексинского] с Плехановым в Женеве, 1915 г. //International Review of Social History. 1981, vol. 26, № 3, p.347.
45. Rr., p.41.
46. См.: ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.1. Ч.1. Т.3. Л.270 об. — 271 об.
47. См.: АДП. Ф.1093. Оп.3. Д.273 (без нумерации листов).
48. *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм. С.235 — 259.
49. Rr., p.41.
50. Ibid, p.42.
51. *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. 2-е изд. Лондон, 1990. С.193 — 195.
52. *Гарви П.А.* Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946. С.409 — 410.
53. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.102. Л.5 об., 7.
54. Там же. Д.1. Ч.5. Л.А. Л.6 — 7, 8; 8 об. — 9, 9 об.
55. Там же. Л.7 — 7 об.
56. Там же. Д.24. Л.4 — 4 об. И.Ф.Мануйлов — директору Департамента полиции. 30 ноября/13 декабря 1904 г. № 291.
57. Речь идет о 2-й Тихоокеанской эскадре З.П.Рожественского.
58. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.102. Л.10 — 10 об.
59. Там же. Л.11 об.
60. Там же. Л.11 об. — 12.
61. Там же. Л.12 об, 14 об.
62. Там же. Л.11.
63. Там же. 1909. Оп.239. Д.202. Л.20 об. — 21 об.
64. Там же. 1904. Оп.232. Д.2258. Л.64 — 64 об.
65. Там же. Д.1. Ч.1. Т.2. Л.153 об.
66. Там же. 1904. Д.28. Л.50.
67. Там же. Л.1. И.Ф.Манасевич-Мануйлов — директору Департамента полиции. 29 нояб. 1904 г. № 264.
68. Там же. Л.12 — 29; Изнанка революции. С.6 — 8.
69. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.204 об.; там же. 1904. Д.1. Ч.5. Л.А. Л.25.
70. Valtionarkisto. Antti Hackzell Collection. 3. № 29.
71. *Меньщиков Л.* Русские охранники в Финляндии // Минувшее. Вып. 1-й. Русский политический сыск за границей. Ч.1. Париж, 1914. С.231.
72. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.204 об. — 206 об.; 39.
73. Rr., p.44.
74. По сведениям Заграничной агентуры, Гапон прибыл в Женеву 12 февраля 1905 г. (ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.1. Ч.1. Л.60 об.), а упомянутая встреча Акаси с Циллиакусом и Чайковским состоялась между 22 января («кровавым воскресеньем») и 17 февраля (убийством великого князя Сергея Александровича). К тому же по приезде за границу Гапон далеко не сразу «попал к эсерам», как это утверждает в своих воспоминаниях Н.К.Крупская (*Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине //Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти тт. Т.1. М., 1984. С.278). В

первые дни своего пребывания в Женеве он жил на квартире П.Б.Аксельрода, по словам Ратаева, «почему-то» числился «за социал-демократами» (ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Д.1. Ч.1. Л.60 об.) и лишь затем переехал к эсеру Л.Э.Шишко.

Не обошли вниманием Гапона и деятели российского политического розыска. Ратаев, сообщавший директору Департамента полиции о данном им поручении агентуре «попытаться сблизиться» с Гапоном, вскоре с удовлетворением отметил, что Гапон находится «в сфере» ее «влияния и связей». — ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Д.1. Ч.1. Л.72 об., 107. Л.А.Ратаев — директору Департамента полиции. 7/20 февр. 1905. № 29; 23 февр./8 марта 1905. № 40.

75. Революционная Россия. 1905. № 59. С.1,2.

76. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Д.1. Ч.1. Л.36 об. Л.А.Ратаев — директору Департамента полиции. 27 янв./9 февр. 1905 г. № 24.

77. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т.2. С.22.

78. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.9. С.279, 279 — 280.

В этой связи следует отметить и кардинальное отличие оценок партии эсеров, прозвучавших на II и III съездах РСДРП. Если в резолюции 1903 г. эсеры характеризовались как «буржуазно-демократическая фракция», чья деятельность наносит вред даже «для общедемократической борьбы против абсолютизма» (Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. Протоколы. М., 1959. С.431), то в 1905 г. речь уже шла о них как о «крайнем левом крыле мелкобуржуазной демократии» (цит. по: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.10. С.184), с которым возможны «практические соглашения» (Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 г. Протоколы. М., 1959. С.456).

79. *Луначарский А.В.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1984. Т.1. С.278.

80. *Ленин В.И.* Боевое соглашение для восстания и образование Боевого комитета //Ленинский сборник. М.—Л., 1929. Т.V. С.93 — 94.

81. Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 г. Протоколы. М., 1959. С.379.

Для сравнения приведем еще один относящийся к этому же времени отзыв о Гапоне. Его автором явился безымянный член Заграничного комитета Бунда, с которым Гапон встречался в Женеве 17 марта 1905 г.: «Человек он очень неинтеллигентный, невежественный, совершенно не разбирающийся в вопросах партийной жизни. Говорит с сильным малорусским акцентом и плохо излагает свои мысли, испытывает большое затруднение при столкновении с иностранными словами (напр.: «Амстердам» произносит так: «Амстедерам»...). Оторвавшись от массы и попав в непривычную для него специфически интеллигентскую среду, он встал на путь несомненного авантюризма. По всем своим ухваткам, наклонностям и складу ума это социалист-революционер, хотя он называет себя соц.-дем. и уверяет, что был таким еще во время образования «Общества фабрично-заводских рабочих». Ни о чем другом, кроме бомб, оружейных складов и т.п., теперь не думает. Есть в его фигуре что-то такое, что не внушает к себе

доверия, хотя глаза у него симпатичные, хорошие... Человек он, несомненно, наблюдательный, умеет узнавать людей и знает психологию массы. Кроме того, он хитер, себе на уме и прошел школу дипломатического искусства (правда, довольно элементарного, поскольку оно нужно было ему в борьбе с полицией)». — К биографии Гапона. (Из Женевского архива Бунда.) — Минувшие годы. 1908. Июль. С.39 — 40.

82. *Петров Н.П.* Записки о Гапоне //Всемирный вестник. 1907. № 2. С.17.
83. Донесения Евно Азефа. (Переписка Азефа с Ратаевым в 1903 — 1905 гг.) //Былое. 1917. № 1(23). С.223.
84. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Д.1. Ч.1. Л.115 об. — 116.
85. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.9. С.280.
86. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Д.1. Ч.1. Л.105 об. — 106. По данным А.Куяла, через несколько дней, 19 марта, Циллиакус почти дословно повторил сказанное Азефу в одном из своих частных писем. — Rr., p.149 — 150 (A.Kujala).
87. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Д.1. Ч.1. Л.106 об.
88. Valtionarkisto. Архив Финляндского жандармского управления. 3. № 16. Циркуляры от 12 февраля, 1 и 7 марта 1905 г.
89. Такие приглашения получили эсеры, РСДРП-большевики («Вперед») и меньшевики («Искра»), ППС, СДКПиЛ, ППС-«Пролетариат», Латышская СДРП, Бунд, Армянская с.-д. рабочая организация, «Дрошак», Белорусская громада, Латышский с.-д. союз, Финляндская партия активного сопротивления, Финляндская рабочая партия, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Украинская революционная партия, Литовская с.-д. партия и Украинская социалистическая партия. — См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.10. С.180 — 181.
90. Там же. С.181.
91. IISH. PSR fund. Box 1. № 18 (без нумерации листов). Протокол собрания Заграничного комитета (ЗК) ПСР. 7 апреля 1905 г.
92. Третий съезд РСДРП. С.379.
93. АДП. Ф.1093. Оп.3. Д.1022 (без нумерации листов).
94. IISH. PSR fund. № 758/11/b (без нумерации листов).
95. Ibid.
96. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.10. С.181.
97. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т.1. 1870 — 1905. С.45.
98. Третий съезд РСДРП. С.385. Выступление делегата от Саратовского комитета РСДРП Г.И.Крамольникова («Мосальского»).
99. Азеф доносил Ратаеву, что конференция проходила с 3 по 10-е число. — Донесения Евно Азефа. С.225.
100. ПСР, ППС, Дашнакцутюн, Финляндской партией активного сопротивления, Грузинской партией социалистов-федералистов-революционеров, Латышским с.-д. союзом и Белорусской громадой. По сведениям Акаси, авторами этой декларации были Е.К.Брешко-Брешковская («great B.»), Г.А.Гапон («father G.») и «agent F», вероятно Виктор Фурухельм, делегат от Финляндской партии активного сопротивления. — Rr., p.66.
101. Революционная Россия. 1905. 25 апр. № 65. С.1 — 3.

102. Rr., p.45.
103. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.49 об.
104. Там же.
105. Rr., p.46.
106. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Д.1. Ч.1. Л.182 об.
107. Rr., p.66.
Сходные данные сообщил Ямагата в телеграмме от 20 апреля и Утсуномия. Со ссылкой на своего информатора-«поляка» он утверждал, что участники конференции договорились организовать «военное восстание», которое должно начаться в июне этого года в Петербурге. — Ibid, p.65.
108. Ibid, p.66, 62.
109. *Fält O.* Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War //Asian Profile. Hong Kong, 1976, vol.4, N 3, p.206.
110. По мнению Ч.Инаба, эта просьба была инспирирована Акаси, натолкнувшегося на временное нежелание военного руководства Японии делать подобные выплаты. — Rr., p.76 (Ch. Inaba).
111. Ibid, p.59, 63, 64.
112. Ibid, p.69, 82, 161 (Ch. Inaba, A.Kujala).

ГЛАВА III

1. 1905. Материалы и документы. М., 1927. С.225. (Воспоминания К.Циллиакуса); Первая боевая организация большевиков. С.265 — 266.
2. 1905. Материалы и документы. С.226 — 227.
3. IISH. PSR fund. Box № 1. № 18 (без нумерации листов). Протокол заседания ЗК ПСР от 6 августа 1905 г.
4. *Петров Н.П.* Записки о Гапоне //Всемирный вестник. 1907. № 2. С.22; ЦПА ИМЛ. Ф.72. Оп.3. Д.422. Л.5. — *Смирнов В.М.* «Джон Графтон». Тройственный союз между «активистами», эсерами и японцами. (По финляндским источникам). Неопубл. рукопись.
5. *Крупская Н.К.* Воспоминания о В.И.Ленине. Т.1. С.281.
6. *Павлов И.* Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне //Минувшие годы. 1908. № 4. С.100 — 101.
7. *А.С.* Из заграничных встреч //Русское богатство. 1909. № 1. С.190.
8. Цит. по: 1905. Материалы и документы. С.226 — 227.
9. Там же. С.237; *Крупская Н.К.* Воспоминания о В.И.Ленине. Т.1. С.281.
10. Valtionarkisto. USA tk 19, XXI, folder 1, p.2, 5. М.Р.Гоц — Н.В.Чайковскому. 12 августа 1905 г.
11. Там же.
12. ЦГАОР СССР. Ф.102. Оп.2. Д.34. Л.92 об.
13. Там же. Л.112 об.
14. Там же. Л.103 об. — 104, 115.
15. Там же. Л.118 — 121 об. Письмо Ратаеву от 17 июня 1905 г.

16. См.: *Николаевский Б.* История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1991. С.129 — 130.

Предположение С.М.Познер о планах Ратаева устроить совместно с Азефом «грандиозную провокацию» с доставкой оружия в Россию (см.: Первая боевая организация большевиков. С.275), таким образом, не находит подтверждения в источниках. Недостоверной представляется и версия Цилиакуса, который в своих воспоминаниях провал экспедиции «Джона Графтона» пытался объяснить исключительно предательством Азефа (см.: там же. С.267 — 268).

17. См.: Первая боевая организация большевиков. С.267.
18. ЦПА ИМЛ. Ф.72. Оп.3. Д.422. Л.9.
19. Как уже указывалось, в мемуарах Циллиакуса, изданных в 1912 г., была изложена прямо противоположная точка зрения на этот счет.
20. ЦПА ИМЛ. Ф.72. Оп.3. Д.422. Л.10.
21. *Akashi M.* Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected Chapters translated by Inaba Ch. and edited by O.Fält and A.Kujala. Helsinki. 1988. P.161 (A.Kujala) [Далее — «Rr.»]; ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.48 об. — 49; 61.
22. Rr., p.46.
23. Изнанка революции. С.10; ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.61.
24. Там же. Л.48 об. — 49.
25. Там же. Л.50; Rr., p.46.
26. Ibid.
27. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.69 об.
28. Позднее записка Циллиакуса целиком была воспроизведена в брошюре «Изнанка революции» //Изнанка революции. С.10 — 11.
29. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.69 об. — 70.
30. Там же. Л.80 — 82 об.
31. Там же. Л.98 — 106.
32. Там же. Л.169 об.; 175 — 175 об.; 76, 232.
33. Rr., p.47 — 49.
34. ЦПА ИМЛ. Ф.72. Оп.3. Д.422. Л.13 — 14; ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Оп.233. Д.450. Т.2. Л.А. Л.54. Заведующему политической частью Департамента полиции П.И.Рачковскому от начальника ФЖУ Ю.Э.Фрейберга (26/13 октября 1905 г.).
35. Rr., p.46 — 47.
36. Ibid.
37. *Futrell M.* Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland. 1863 — 1917. Lnd., 1963. P.69; Rr., p.49.
38. *Futrell M.* Op. cit., p.67.
39. Ibid, p.70; Rr., p.49.

Участвуя во всех этих подготовительных мероприятиях по отправке оружия в Россию, Акаси действовал совсем не на пустом месте.

По данным А.М.Гартинга, тогда — агента Департамента полиции в Германии, зимой 1904/05 г. японцы имели в Западной Европе сеть доверенных лиц, занимавшихся организацией контрабандной отправки в Японию машин, оборудования, медикаментов и продовольствия. Масштабы этой контрабанды были столь внушительны, что в Петербурге подумывали о начале «полицейского» крейсирования русских военных кораблей где-то «вне европейских вод». — ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.24. Л.55 — 56. А.М.Гартинг — директору Департамента полиции. 26 января 1905 г. № 8.

40. Rr., p.49.
41. *Futrell M.* Op. cit., p.71; ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Оп.233. Д.450. Т.2. Л.А. Л.28 — 28 об. Копия донесения вице-консула в Гернсее Х.В.Стикланда в МИД. Передано П.И.Рачковскому 7 сентября 1905 г. № 121.
42. *Futrell M.* Op. cit., p.70, 72. Rr., p.49, 50.
43. *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. С.281.
44. *Дашков Ю.Ф.* У истоков добрососедства. Из истории российско-финляндских революционных связей. М., 1980. С.14 — 15.
45. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905 — 1907 гг. М., 1982. Т.2. Кн.2. С.224 — 225.
46. Цит. по: Первая боевая организация большевиков. С.55.
47. Valtionarkisto. Adolf Törngren Collection. Буренин — А.Тёрнгрену. 9 июля 1905 г.; Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП. Т.2. Кн.2. С.128.
48. Буренин утверждал, будто собеседники известили его о том, что «пароход нагружен и должен идти к берегам Финляндии, но принять его там некому» (цит. по: Первая боевая организация большевиков. С.55). На самом деле загрузка «Джона Графтона» еще даже не была начата, а провал организации его встречи в России выяснился лишь в августе. Не думаем, однако, чтобы эта ложь мемуариста была преднамеренной. Передвигая эти события на более ранний срок, он хотел подчеркнуть своевременность и значимость своих усилий по организации приемки оружия, на деле запоздалых и совершенно бесплодных.
49. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений РСДРП. Т.2. Кн.2. С.128.
50. Об этой поездке Буренин известил Тёрнгрена телеграммой от 22 июля. — См.: *Дашков Ю.Ф.* У истоков добрососедства. С.59.
51. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. Оп.2. Д.34. Л.109. Азеф — Ратаеву. 22 марта 1905 г.
52. Партия в революции 1905 г. М., 1934. С.324.
53. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Оп.233. Д.80. Ч.27. Л.116.

Это анонимное письмо, адресованное «Гартману» в Женеву и написанное «химическими чернилами», было перлюстрировано Департаментом полиции. Его авторство установлено нами.

54. Партия в революции 1905 г. С.325. Н.Е.Буренин — В.И.Ленину. 7(20) августа /1905 г./. Под «программой», вероятно, следует понимать манифест о создании собственной партии, над которым в это время работал Гапон при ближайшем участии Ленина и

кого-то еще из ЦК РСДРП (об этом Буренин упоминает в цитированном письме Ленину). Свои предложения по содержанию этого манифеста в обмен на некоторые услуги нарождавшейся партии летом 1905 г. Гапону высказывали и эсеры (см.: IISH. PSR fund. Box 1. № 18 (без нумерации листов). Протокол заседания ЗК ПСР от 6 августа 1905 г.). Таким образом, соперничество революционных партий за влияние на Гапона и его «Рабочий союз», начавшееся еще в феврале 1905 г., продолжалось и в августе. Очевидно, что у Гапона были свои интересы в этой игре.

55. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Оп.233. Д.80. Ч.27. Л.116.
56. Ленинский сборник. 1929. T.V. С.538 — 539.
57. Там же.
58. *Kujala A.* The Russian Revolutionary Movement. P.270.
59. Переписка В.И.Ленина и руководимых им учреждений... С.120.
60. Первая боевая организация большевиков. С.82 — 83.
61. Там же. С.175, 283.
62. Эту несогласованность Н.Е.Буренин в своих воспоминаниях объяснил кознями «активистов» (Первая боевая организация большевиков. С.277). По версии же В.А.Поссе, сопровождавшего Гапона в этой поездке, в Финляндии ему удалось переговорить с неким членом ПК РСДРП, разговором с которым Гапон остался очень недоволен. «Подвели меня, негодяи», — заявил он. //*Поссе В.А.* Воспоминания (1905 — 1907 гг.). Пг., 1923. С.32. Как бы там ни было, с тех пор и до конца своих дней Гапон сохранил крайне неприязненное отношение к социал-демократам и всячески избегал контактов с ними. См.: *Грибовский В.М.* Загадочные документы Гапона. (Из личных воспоминаний) //Исторический вестник. 1912. Март. С.955.
63. Rr., p.50; *Futrell M.* Op. cit., p.72 — 73.
64. *Futrell M.* Op. cit., p.73.
65. Ibid, p.75; 76 — 78. Rr., p. 50 — 51.
66. Согласно суммарным данным генерала Фрейберга, к концу октября 1905 г. с обломков «Джона Графтона» и из тайников на побережье Финляндии и островах было извлечено 9670 винтовок «Веттерлей», около 4 тыс. штыков к ним, 720 револьверов «Веблей», около 400 тыс. винтовочных и около 122 тыс. револьверных патронов, около 192 пудов (порядка 3-х тонн) взрывчатого желатина, 2 тыс. детонаторов и 13 футов бикфордова шнура. — ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Оп.233. Д.9. Ч.10. Т.2. Л.119 — 119 об. Начальник ФЖУ генерал Фрейберг — командиру Отдельного корпуса жандармов. 21 октября 1905 г. , №2526.
67. Первая боевая организация большевиков. С.56, 78.
68. *Futrell M.* Northern Underground, p.79.
69. Изнанка революции. С.19.
70. *Futrell M.* Op. cit., p.79.
71. Valtionarkisto. USA tk 14. 201, V-a.
72. Там же. 200, XXIV h, f. I. Заведующий Заграничной агентурой — П.И.Рачковскому. 30/17 ноября 1905 г. № 101.
73. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1909. Оп.239. Д.41. Ч.3. Л.10 об. Подполковник Балабин — в Департамент полиции. 2 января 1907 г. № 274.

74. *Сухова Е.К.* Пограничная стража и контрабанда в России начала XX в. //Вопросы истории. 1991. № 7/8. С.237.

ГЛАВА IV

1. *Akashi M.* Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected Chapters translated by Inaba Ch. and edited by O.Fält and A.Kujala. Helsinki, 1988. P.48,53 [Далее — «Rr.»].
2. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1904. Д.28. Л.69 об.; Изнанка революции. С.10 — 11.
3. Участие Деканозова в закупках оружия для Закавказья прямо подтверждается и одним из мемуаристов. — См.: *Затерянный А.Г.* Мятеж на Западном Кавказе. (Картинки кавказской революции) //Исторический вестник. 1911. № 11. С.657.
4. Rr., p.50.
5. Ibid.
6. Высший подъем революции 1905 — 1906 гг. Ноябрь — декабрь 1905 г. М., 1956. Ч.3. Кн.2. С.703.
7. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Оп.233. II отд. Д.450. Т.2. Л.9. В.Н.Ламздорф — Д.Ф.Трепову. 22 сентября 1905 г.; там же. Л.10. Телеграмма посланника в Гааге Чарыкова в МИД. 2 сентября 1905 г.
8. Там же. Л.94. В.Н.Ламздорф — Д.Ф.Трепову. 2 ноября 1905 г.
9. Там же. Д.450. Т.4. Л.126. Копия с донесения Генерального консула в Лондоне от 9 февраля 1905 г. (на французском языке).
10. *Затерянный А.Г.* Указ. соч. //Исторический вестник. 1911. № 11. С.665.
11. Высший подъем революции 1905 — 1907 гг. М., 1956. Ч.III. Кн.2. С.786 — 787; ЦГАОР СССР. Ф.124. МЮ. 1906. Оп.44. Д.1259. Л.11.
12. Революция 1905 — 1907 гг. в Грузии. Сборник документов. Тбилиси. 1956. С.771 — 772; ЦГАОР СССР. Ф.124. МЮ. 1906. Оп.44. Д.1974. Л.141 об.
13. ЦГАОР СССР. Ф.102. ДП 00. 1905. Оп.233. II отд. Д.450. Т.4. Л.126 об.; Революционное прошлое Тбилиси. Тбилиси, 1964. С.81; Революция 1905 — 1907 гг. в национальных районах России. М., 1955. С.511.
14. См.: *Каландадзе В., Мхеидзе В.* Очерки революционного движения в Гурии. Спб., 1906. С.83.
15. ЦГАОР СССР. Ф.124. МЮ. 1906. Оп.44. Д.1259. Л.10 об. — 11 об.; Там же. 1974. Л.141 об.
16. Там же. Д.1259. Л.11.
17. См.: *Каландадзе В., Мхеидзе В.* Указ. соч. С.83; *Кириллов В.С., Свердлов А.Л.* Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго). М., 1986. С.22 и др.
18. ЦГАОР СССР. Ф.124. МЮ. 1906. Оп.44. Д.1974. Л.66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. *Akashi M.* Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected Chapters translated by Inaba Ch. and edited by O.Fält and A.Kujala. Helsinki. 1988. P.83 (Ch. Inaba) [Далее — «Rr.»].
2. Цит. по: *Иосько М.И.* Николай Судзиловский-Руссель. Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск, 1976. С.207.
3. Rr., p.63. Посол в Австрии Н.Макино — Комуре. Март 1905 г. № 75.
4. Rr., p.82.
5. Ibid, p.4.
6. Высший подъем революции 1905 — 1907 гг. Ч.3. Кн.2. С.702.
7. Rr., p.83 (Ch. Inaba).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Азеф, Е.Ф. (1869 — 1918) — один из организаторов партии эсеров (социалистов-революционеров) и руководителей ее Боевой организации; одновременно (с 1892 по 1908 г.) — агент Департамента полиции. — 22, 25, 32, 40, 42, 43, 48, 49, 50, 51, 52, 58.

Акизуки, С. (Akizuki, S.) — посол Японии в Швеции в годы русско-японской войны. — 47.

Аксельрод, П.Б. (1850 — 1928) — участник российского революционного движения с 70-х гг. XIX в., член группы «Освобождение труда», входил в состав редакции «Искры»; один из лидеров меньшевизма. — 44.

Алексинский, Г.А. (1879 — ?) — социал-демократ, депутат II Государственной думы; с 1905 г. — большевик, с 1908 г. — отзовист, затем — меньшевик. — 32.

Балабин, Н.И. (1868 — ?) — подполковник Отдельного корпуса жандармов (с 1906 г.), в описываемое время находился в резерве при С.-Петербургском губернском жандармском управлении (ГЖУ). — 61, 62.

Балицкий, С.С. (Balicki, Z.) (1858 — 1916) — дворянин, публицист и социолог, участник общественного движения в Польше с 80-х гг. XIX в., с 1901 г. — глава «Лиги народовой» в Лемберге (Львове), член Международного социалистического бюро II Интернационала. — 22.

Балог-де-Галант, Н.К. (Balogh de Galantha) — венгр, австрийский подданный, инженер. В 1903 — 1904 гг. сотрудничал с М.Акаси. — 16, 17.

Бахметев, Ю.П. — камергер, действительный статский советник, в 1905 г. дипломатический агент в Софии, с 1906 г. — российский посол в Японии. — 9.

Березников, В.А. — коллежский, с 1905 г. — статский советник, генеральный консул России в Стокгольме. — 18.

Биодэ, Г. — отставной офицер, член Финляндской партии активного сопротивления. — 23.

Бо, Е. (Baud, E.) — швейцарский анархист, сотрудничал с Г.Деканозовым в деле закупки оружия в Швейцарии. — 53, 55.

Бонч-Бруевич, В.Д. (1873 — 1955) — социал-демократ, большевик, в 1904 г. заведующий экспедицией РСДРП. — 29, 30, 31, 32.

Брешко-Брешковская, Е.К. (1844 — 1934) — участница революционного движения с 70-х гг. XIX в., один из лидеров партии эсеров. — 25, 51.

Булыгин, А.Г. (1851 — 1919) — в 1905 г. министр внутренних дел России. — 54.

Буренин, Н.Е. (1874 — 1962) — социал-демократ, большевик, один из организаторов Боевой технической группы при Петербургском и Центральном комитете РСДРП. — 56, 57, 58, 59, 60.

Витте, С.Ю. (1849 — 1915) — граф, русский государственный деятель, последовательно занимал посты министра путей сообщения (1892), финансов (с 1892 г.), председателя Кабинета министров (с 1903 г.) и Совета министров (1905 — 1906). — 10.

Водовозов, В.В. (1864 — 1933) — публицист, юрист и экономист. — 8.

Волховский, Ф.В. (1846 — 1914) — участник революционного движения с 70-х гг. XIX в., член партии эсеров. — 22, 24, 25.

Гапон, Г.А. (1870 — 1906) — священник, создатель рабочей организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих в Санкт-Петербурге», инициатор шествия рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. — 40, 41, 42, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 57, 58, 59, 60.

Гарви, П.А. (1881 — 1944) — социал-демократ с 1899 г., один из лидеров меньшевизма, с 1907 г. — кандидат в члены ЦК РСДРП. — 35.

Гартинг (Геккельман-Ландезен) А.М.* — в начале 80-х гг. сотрудник С.-Петербургского охранного отделения, с 1884 г. — секретный сотрудник заведующего Заграничной агентурой П.И.Рачковского. В 1900 — 1903 гг. стоял во главе берлинской агентуры. С 1905 по 1909 г. — заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции. — 25, 54, 63.

Горький (Пешков), А.М. (1868 — 1936) — писатель, литературный критик и публицист. — 59, 60.

Гоц, М.Р. (1866 — 1906) — один из создателей, руководителей и идеологов партии эсеров, заграничный представитель ЦК и Боевой организации партии. — 23, 42, 50, 51, 58.

Гуммерус, Г. (Gummerus) (1877 — 1948) — историк, публицист, общественный деятель, один из лидеров Финляндской партии активного сопротивления. — 59.

Дан (Гурвич), Ф.И. (1871 — 1947) — социал-демократ, один из лидеров меньшевизма. — 26, 27.

Дейч, Л.Г. (1855 — 1941) — участник народнического, затем социал-демократического движения, член группы «Освобождение труда», один из лидеров меньшевизма. — 22, 44.

Деканозов (Деканози), Г.Г. (1867 — ?) — дворянин, инженер-технолог, коллежский секретарь. С 1902 г. — эмигрант. Один из создателей и лидеров Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. — 7, 8, 15, 23, 38, 39, 40, 46, 52, 53, 54, 55, 64, 65.

Дикенсон, Р.Р. (Dickenson, R.) — лондонский виноторговец. — 55.

Джорджадзе, А.К. (1872 — 1913) — князь, публицист, историк, общественный деятель. С 1903 г. — эмигрант. Основатель Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. — 38.

Дмовский, Р. (Dmowski, R.) (1864 — 1939) — журналист, член Тайного совета Лиги народовой. — 19, 20, 22.

---

*В скобках курсивом даются подлинные фамилии.,

Дурново, П.Н. (1845 — 1915) — русский государственный деятель, в 1884 — 1893 гг. — директор Департамента полиции, в 1905 — 1906 гг. — министр внутренних дел. — 64.

Игнатьев, А.М. (1879 — 1936) — член РСДРП с 1903 г., член Боевой технической группы при ЦК РСДРП. — 59.

Извольский, А.П. (1856 — 1919) — в 1906 — 1910 гг. — министр иностранных дел России. — 9.

Инал-Ипа, А. — грузинский князь. — 66.

Иодко-Наркевич, В. (Iodko-Narkiewicz) (1864 — 1924) — публицист, член Польской социалистической партии, один из лидеров ее левого крыла (ППС — «революционная фракция»). — 13, 19, 20.

Ито, Х. (Ito, H.) (1841 — 1909) — князь, в 1885 — 1888, 1892 — 1896, 1898, 1900 — 1901 гг. — премьер-министр Японии. — 47.

Кастрен, И. (Castren, I.) (1850 — 1922) — адвокат, общественный деятель, один из лидеров Финляндской партии пассивного сопротивления. — 17, 59.

Кодама, Г. (Kodama, G.) (1852 — 1906) — с 1900 г. последовательно занимал посты военного министра, министра внутренних дел и министра просвещения, с 1903 г. — заместитель начальника Генерального штаба. С 1904 г. — генерал, начальник штаба Главнокомандующего Японии. По окончании войны — начальник Генерального штаба. — 19.

Комура, Дз. (Komura, J.) (1855 — 1911) — барон, затем граф. В 1901 — 1906 гг. и с 1908 г. — министр иностранных дел Японии. — 20, 47.

Копельзон, Ц.М. (1869 — 1933) — участник революционного движения в России с 80-х гг. XIX в. С 1897 г. — эмигрант. С 1898 г. один из организаторов Заграничного комитета Бунда, делегат от Бунда на Парижском (1900) и Амстердамском (1904) конгрессах II Интернационала. — 25.

Корнелисен — голландский анархист, последователь П.А.Кропоткина, капитан «Сириуса». — 65.

Красин, Л.Б. (1870 — 1926) — социал-демократ, большевик, член ЦК РСДРП, руководитель Боевой технической группы при ЦК РСДРП. — 57, 59, 60.

Кропоткин, П.А. (1842 — 1921) — князь, участник революционного движения с 70-х гг. XIX в., теоретик анархизма. — 22.

Крупская, Н.К. (1869 — 1939) — участница социал-демократического движения с 1898 г., жена В.И.Ленина. — 56.

Курино, С. (Kurino, S.) (1851 — 1937) — в 1904 г. посол Японии во Франции, затем посол в России. — 16.

Ламздорф, В.Н. (1844 — 1907) — граф, в 1900 — 1906 гг. — министр иностранных дел России. — 54.

Ландсберг, В.Е. — член РСДРП с 1901 г., входил в состав Боевой технической группы при ЦК РСДРП. — 59.

Ледоховский (Ледуховский), М. (Ledochowski) (1822 — 1902) — граф, в 1860 — сер. 70-х гг. XIX в. Гнезненско-познанский архиепископ, затем кардинал. — 36.

Ленин, В.И. (1870 — 1924). — 21, 27, 28, 29, 32, 41, 42, 44, 45, 57, 58, 59.

Литвинов (Валлах), М.М. (1876 — 1951) — участник социал-демократического движения с 1898 г., в начале 900-х гг. — большевик, в

годы первой русской революции 1905 — 1907 гг. занимался закупками оружия в Западной Европе. — 59.

Лопухин, А.А. (1864 — 1928) — потомственный дворянин, в 1902 — 1905 гг. — директор Департамента полиции, позднее участвовал в разоблачении Е.Азефа. — 22.

Лорис-Меликов, И. — граф, один из лидеров партии Дашнакцутюн, племянник М.Т.Лорис-Меликова. — 23.

Луначарский, А.В. (1875 — 1933) — общественный и государственный деятель, публицист, участник социал-демократического движения с 1895 г., в начале 900-х гг. — большевик, входил в состав редакций большевистских газет. — 42.

Любимов, А.И. (1879 — 1919) — социал-демократ, участник революционного движения с 1898 г., в описываемое время — член ЦК и Совета РСДРП. — 27.

Манасевич-Мануйлов, И.Ф. (1868 — 1918) — надворный советник, журналист. С конца 80-х гг. сотрудник С.-Петербургского охранного отделения. С 1899 г. — агент Департамента духовных дел в Риме. В 1904 г. командирован в Париж для ведения контрразведывательной работы против Японии, с 1906 г. — в отставке. — 35, 36, 37, 38, 39, 40, 45, 53, 54.

Мартов (Цедербаум), Ю.О. (1873 — 1923) — участник социал-демократического движения с 90-х гг. XIX в., один из основателей РСДРП, член редакции «Искры», один из лидеров меньшевизма. — 28, 30, 44.

Меньщиков, Л.П. (1870 — ?) — чиновник Департамента полиции с 1889 г. После увольнения со службы (ок. 1908 г.) уехал за границу, где содействовал разоблачению провокаторов в революционной среде. — 39.

Мортон (Morton) — американец, анархист, подставное лицо в деле приобретения «Джона Графтона». — 55.

Мотоно, И. (Motono, I.) (1862 — 1918) — в годы русско-японской войны 1904 — 1905 гг. — посол Японии во Франции, с 1908 г. — посол в России. — 34, 47.

Нагаока, Г. (Nagaoka, G.) (1858 — 1933) — заместитель начальника японского Генерального штаба в годы русско-японской войны 1904 — 1905 гг. — 26.

Натансон, М.А. (1850/51 — 1919) — участник революционного движения с 70-х гг. XIX в., с 1905 г. член партии эсеров. — 42, 44.

Нелидов, А.И. (1838 — 1910) — действительный статский советник, посол России во Франции в 1894 — 1910 гг. — 39, 54.

Неовиус, А.В. (Neovius, A.) (1861 — 1916) — доктор философии, журналист, один из лидеров Финляндской партии пассивного сопротивления. — 57.

Николай II (Романов) (1868 — 1918) — последний российский император (1894 — 1917). — 22.

Носков (Глебов), В.А. (1878 — 1913) — социал-демократ, член ЦК РСДРП в 1903 — 1905 гг. — 27, 32.

Нюландер, Дж. (1869 — 1949) — моряк, член Финляндской партии активного сопротивления, капитан «Джона Графтона». — 11, 60.

Ольминский (Александров), М.С. (1863 — 1933) — участник революционного движения с 80-х гг. XIX в., с 1898 г. — социал-демок-

рат, публицист, сотрудник газет «Вперед», «Пролетарий» и др. — 32.

Павлов, А.И. — камергер, действительный статский советник, в 1904 — 1905 гг. — российский посланник в Корее, в 1905 г. — агент России в Китае. — 9.

Петров, Н.П. — рабочий, председатель Невского отдела гапоновского «Собрания», ближайший сотрудник Г.А.Гапона. — 49.

Петрункевич, И.И. (1843 — 1928) — земский деятель, председатель «Союза освобождения», один из создателей кадетской партии, председатель ее ЦК. — 8.

Пилсудский, Ю. (Pilsudski, J.) (1867 — 1935) — один из лидеров правого крыла Польской социалистической партии. — 13, 20.

Пирамидов, В.М. (1851 — 1903) — полковник Отдельного корпуса жандармов с 1894 г., в 1897 — 1903 гг. — начальник С.-Петербургского охранного отделения. — 16.

фон Плеве, В.К. (1846 — 1904) — действительный тайный советник с 1899 г., сенатор, в 1902 — 1904 гг. — министр внутренних дел, убит эсером Е.С.Созоновым. — 22, 36, 58.

Плеханов, Г.В. (1856 — 1918) — философ, публицист, общественный деятель, участник революционного движения с 70-х гг. XIX в., организатор группы «Освобождение труда»; один из лидеров меньшевизма. — 24, 25, 26, 28, 31, 32, 44.

Покотилов, Д.Д. — в конце XIX в. агент министерства финансов в Китае, в 1904 г. — действительный статский советник, чиновник особых поручений министерства финансов, член правления КВЖД и Русско-Китайского банка, затем посол России в Китае. — 9.

Ратаев, Л.А. (1860 — ?) — деятель российского политического розыска, с 1898 г. — заведующий Особым отделом Департамента полиции, в 1902 — 1905 гг. — заведующий Заграничной агентурой. — 18, 22, 23, 25, 28, 32, 34, 40, 42, 43, 46, 51, 52, 54.

Рачковский, П.И. (1853 — 1910) — действительный статский советник, чиновник Департамента полиции, в 1885 — 1902 гг. заведующий Заграничной агентурой, в 1905 — 1906 гг. вице-директор Департамента полиции, заведующий «политической частью». — 36, 38, 52.

Розин (Розинь, Розиньш), Ф.А. (1870 — 1919) — участник революционного движения с 90-х гг. XIX в., один из основателей и лидеров Латвийской социал-демократической рабочей партии. — 45.

Рубанович, И.А. (1859 — 1922) — народоволец, в 900-е гг. — член ЦК партии эсеров, представитель партии в Международном социалистическом бюро, издатель газеты «La Tribune Russe». — 22, 25, 42.

Румянцев, П.П. (1870 — 1925) — участник социал-демократического движения с 1891 г., с 1903 г. — большевик, в июле 1905 г. кооптирован в члены ЦК РСДРП. — 60.

Руне берг, И.Л. (Runeberg) (1804 — 1877) — финский поэт, автор текста национального гимна Финляндии. — 21.

Рутенберг, П.М. (1878 — 1942) — инженер Путиловского завода, член партии эсеров и ее ЦК, впоследствии эмигрант, в 1905 г. сподвижник Г.А.Гапона. — 42, 58.

Саксен, Э. (Saxen) — финский морской офицер, капитан «Джона Графтона». — 60.

Секеринский, П.В. (1837 — ?) — с 1888 г. полковник Отдельного корпуса жандармов, в 1888 — 1897 гг. — начальник С.-Петербургского охранного отделения, затем генерал-майор, начальник С.-Петербургского ГЖУ. — 36.

Сентаро, У. — японец, в 1904 г. — студент Петербургского университета, сотрудничал с М.Акаси. — 16.

Сергей Александрович (1857 — 1905) — великий князь, московский генерал-губернатор. Убит эсером И.П.Каляевым. — 58.

Смирнов, В.М. (1876 — 1952) — член РСДРП с 1900 г., большевик, выполнял партийные поручения в Финляндии. — 56, 57.

Страутманис, Я. (Strautmanis) — член Латышской социал-демократической рабочей партии, первый капитан «Джона Графтона». — 56, 60.

Струве, П.Б. (1870 — 1944) — экономист, философ, историк, публицист. В 90-е гг. XIX в. — «легальный марксист». В 900-е гг. — редактор журнала «Освобождение», один из создателей, идеологов и лидеров кадетской партии. — 24, 35.

Суворин, А.С. (1834 — 1912) — журналист и издатель консервативного толка. — 7, 8.

Судзиловский-Руссель, Н.К. (1850 — 1930) — участник революционного движения с 70-х гг. XIX в. С 1875 г. — эмигрант. В 1905 г. был направлен в Японию американским «Обществом друзей русской свободы». — 9, 31.

Тераучи, М. (Terauchi, M.) (1852 — 1919) — в 1902 — 1912 гг. военный министр Японии. — 67.

Тёрнгрен, И.А. (Törngren, A.) (1860 — 1943) — один из лидеров левого крыла Финляндской партии пассивного сопротивления. — 57, 60.

Трепов, Д.Ф. (1855 — 1906) — в 1896 — 1905 гг. — московский обер-полицмейстер. С января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, в 1906 г. — дворцовый комендант. — 38, 65.

Тыркова-Вильямс, А.В. (1869 — 1962) — писательница, член ЦК кадетской партии. — 35.

Уотт (Watt) — английский предприниматель, участвовал в покупке «Джона Графтона». — 55, 56.

Утсуномия, Т. (Utsunomiya, T.) (1861 — 1922) — участник японо-китайской войны 1894 — 1895 гг., в годы русско-японской войны 1904 — 1905 гг. — военный атташе Японии в Лондоне. — 20, 23, 26.

Фредерик (Frederick) (1843 — 1912) — принц, наследник датского престола, с 1906 г. — король Дании Фредерик VIII. — 17.

Фрейберг, Ю.Э. (1854 — ?) — с 1901 г. генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, с 1899 по 1906 г. — начальник Финляндского ГЖУ. — 39, 43.

Фурухельм, В. (Furuhelm, V.) — член Финляндской партии активного сопротивления. — 60.

Хаяси, Т. (Hayashi, T.) (1850 — 1913) — посол Японии в России, Великобритании, впоследствии министр иностранных дел. — 19, 20, 23.

Хилков, Д.А. (1858 — 1914) — князь, отставной гвардии подполковник. Был близок к партии эсеров, с 1897 по 1907 г. — в эмиграции. — 51.

Хукусима, Я. (Hukushima, Y.) — генерал-майор, шеф II разведывательного отдела японского Генерального штаба в годы русско-японской войны. — 19.

Циллиакус, К.В. (Zilliacus, K.) (1855 — 1924) — основатель и один из лидеров Финляндской партии активного сопротивления. — 7, 8, 11, 12, 15, 17, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 32, 34, 40, 43, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 60, 64, 65.

Чайковский, Н.В. (1850 — 1926) — участник революционного движения с 70-х гг. XIX в., в 900-е гг. один из руководителей партии эсеров. — 22, 23, 40, 48, 49, 50, 55, 57.

Чарыков, Н.В. — действительный статский советник, в годы революции 1905 — 1907 гг. — российский консул в Гааге. — 65.

Череп-Спиридович, А. (ум. 1926) — в начале 900-х гг. — генеральный консул Сербии в Москве. — 7.

Черкезов (Черкезишвили), В.Н. (1846 — 1925) — один из теоретиков российского анархизма, в 1903 — 1905 гг. — один из редакторов газеты «Хлеб и воля» и других анархистских периодических изданий. — 38.

Чернов, В.М. (1873 — 1952) — один из основателей и главных теоретиков партии эсеров. — 25.

Ямагата, А.(Yamagata, A.) (1838 — 1922) — маршал, премьер-министр Японии в 1889 — 1891 и 1898 — 1900 гг.; в 1904 — 1905 гг. — начальник Генерального штаба. — 46.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Доклад
И.Ф. Манасевича-Мануйлова
П.И. Рачковскому

№ 28

Секр Отд

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

О предосудительной противъ Россіи дѣятельности японскаго полковника Акаши и его сотрудниковъ Деканози, Зильякуса и др.

Начато 16 Ноября 1904 года.

Кончено ____ 190 года.

На 206 листахъ.

ЧИНОВНИКЪ
ОСОБЫХЪ ПОРУЧЕНІЙ
ПРИ
МИНИСТРѢ
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

3/16 Февраля 1905 г.

№ 54

г. Парижъ.

Однимъ изъ дѣятельныхъ агентовъ Японскаго Правительства, между прочимъ, является Военный Агентъ въ Стокгольмѣ Полковникъ АКАШИ, завѣдующій, по имѣющимся у меня даннымъ, военно-развѣдочнымъ бюро. Надъ означеннымъ Акаши мною организовано непосредственное наблюденіе, какъ въ Стокгольмѣ, такъ и во время его путешествій.

Второго Февраля н. ст. упомянутый Акаши пріѣзжалъ въ Парижъ и остановился въ "Международной Гостинницѣ" | Hôtel International |, тдѣ онъ оставался до 11 Февраля, уѣхавъ въ Лондонъ. 13 Февраля онъ снова вернулся въ Парижъ и пробывъ здѣсь всего нѣсколько часовъ, снова уѣхалъ въ Лондонъ.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ видѣлся со многими лицами, при чемъ агентурѣ удалось узнать двѣ фамиліи: С. ЗИНГЕРЪ, пріѣхавшій судя по разговорамъ, изъ Берлина, спеціально для свиданія съ Акаши и нѣкій ЕМПИ-

Его Превосходительству
Господину Директору Департамента
Полиціи.

ЛОВЪ, который также называлъ себя "Господинъ изъ улицы Пьерръ Шарронъ". Несмотря на произведенный розыскъ мнѣ пока не удалось въ точности выяснить личность Ампилова. Въ гостинницѣ гдѣ проживалъ Акаши, лицо это извѣстно за поляка изъ Россіи. Почти съ увѣренностью можно сказать, что фамилія вымышлена. При послѣднемъ свиданіи Акаши условился съ Ампиловымъ снова встрѣтиться въ томъ же отелѣ и тогда, я надѣюсь, установить личность Ампилова, который, несомнѣнно оказываетъ Японіи услуги развѣдочнаго характера.

У сего имѣю честь представить полученные мною агентурнымъ путемъ три письма на имя Акаши, а также шифрованную телеграмму изъ Токіо.

Къ № 283 .

Въ Октябрѣ 1904 года, Его Превосходительству Господину Директору Департамента Полиціи благоугодно было приказать мнѣ учредить наблюденіе за происками проживающаго въ Парижѣ |18, Rue Fossés St-Jacques| ДЕКАНОЗИ |онъ же ДЕКАНОЗОВЪ|, главнаго редактора газеты „Pro Armenia".

Установленнымъ за означеннымъ агитаторомъ наблюденіемъ, удалось обнаружить сношенія ДЕКАНОЗИ съ полковникомъ Японской арміи АКАШИ, ранѣе состоявшимъ военнымъ агентомъ въ Парижѣ, а нынѣ исполняющимъ эту же должность въ Стокгольмѣ.

Письма полковника АКАШИ къ ДЕКАНОЗИ, подписанныя полнымъ его именемъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія по этому поводу, какъ о семъ можно думать по нижеслѣдующимъ точнымъ переводамъ означенныхъ писемъ, фотографіи коихъ своевременно были препровождены въ Департаментъ:

I, |Докладъ отъ 29 Ноября 1904 г., за № 264|.

„Милостивый Государь",

„Премного благодаренъ за Ваше письмо. Вслѣд-
„ствіе непрестанныхъ передвиженій, не могу дать
„Вамъ настоящаго адреса, а потому пишите на имя
„моего близкаго друга, по слѣдующему адресу:

Monsieur Nagao
Brahegatan,
Stockholm.

„Если хотите, можете не выставлять даже моего име-
„ни ни на внутреннемъ, ни на какомъ другомъ
„конвертѣ. Въ случаѣ моего отсутствія, онъ не-
„медленно перешлетъ мнѣ по мѣстопребыванію моему.
„Что же касается того дѣла, о которомъ я Вамъ пи-
„салъ, оно готово въ Парижѣ; мнѣ стоитъ только
„дать распоряженіе моему парижскому пріятелю.

„Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ
„наилучшихъ къ Вамъ чувствахъ и сердечной дружбѣ."

„АКАШИ".

(*) Второй военный агентъ изъ Японской Мис-
сіи въ Стокгольмѣ.

2. |Докладъ отъ 20 Декабря 1904 г., за № 298|

„Милостивый Государь",

„Я получилъ Ваше письмо изъ Роттердама. Я „написалъ моему пріятелю ТАКАДСУКА(x)| Takad- „suka| , 22 bis, Rue Vivienne, Paris (adr. du Ho „ca dero) онъ Вамъ назначитъ свиданіе. По воз- „вращеніи Вашемъ въ Парижъ, Вы, вѣроятно, полу- „чите отъ него письмо.

„А пока, примите, Милостивый Государь, увѣ- „реніе въ совершенномъ и искренномъ моемъ почте- „ніи".

„АКАШИ".

3. |Докладъ отъ 6 Января 1905 г., за № 335|

„I Января 1905 г."

„Милостивый Государь и Другъ",

„Дѣло, повидимому, устроилось въ Парижѣ.

„Это хорошо.

„Сегодня, по случаю новаго года, шлю Вамъ „мои искреннѣйшія и самыя горячія пожеланія успѣ- „ха нашему общему дѣлу.

(x) Второй военный агентъ при Японскомъ Посольствѣ въ Парижѣ.

"Въ надеждѣ на установленіе между нами все "болѣе и болѣе тѣсной дружбы, шлю Вамъ, Милости- "вый Государь и Другъ, свое сердечное поздравле- "ніе съ Новымъ Годомъ".

"АКАШИ".

Судя по содержанію вышеприведенныхъ трехъ писемъ, можно думать, что сношенія между авторомъ ихъ и адресатомъ установлены были уже давно. Какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, - общая цѣль, преслѣдовавшаяся обоими этими лицами, была - вызвать и поддерживать революціонную агитацію въ Россіи.

Все вышеизложенное было уже установлено наблюденіемъ, когда Его Превосходительству Господину Директору Департамента Полиціи благоугодно было приказать не заниматься больше этимъ дѣломъ, что и было исполнено мною немедленно.

Перехожу теперь къ изложенію обстоятельствъ, вызвавшихъ возобновленіе прекращеннаго наблюденія.

8 Февраля текущаго года ИМПЕРАТОРСКІЙ Россійскій Посолъ въ Парижѣ получилъ письмо, писанное

на бумагѣ съ бланкомъ

Вотъ содержаніе этого письма, хранящагося у меня, въ оригиналѣ:

„Личное".

„Въ Русское Посольство

въ Парижѣ".

„Парижъ, 8 Февраля".

„Милостивый Государь",

„Беру на себя смѣлость препроводить Вамъ „бумаги, которыя могутъ оказаться полезными для „Васъ, и предупредить Васъ, что господа, о ко- „торыхъ въ нихъ идетъ рѣчь, заслуживаютъ бли- „жайшаго за ними наблюденія. Впрочемъ, Вамъ „лучше объ этомъ судить, когда прочитаете на- „стоящее мое письмо. Вотъ уже второй разъ какъ „нашъ японецъ г. АКАШИ останавливается въ на- „шемъ отелѣ. Разъ я видѣла городскую телеграмму „это было въ Октябрѣ, помнится мнѣ - отъ г. Z , „подписанную A. Z., и въ которой онъ извѣщалъ, „что придетъ въ 3 часа и принесетъ документы. Я „видѣла этого господина и слышала какъ г. АКАШИ „сказалъ ему, что онъ опоздалъ, что онъ - АКАШИ,

„значитъ - ждалъ еще другой документъ, котораго „не получилъ. Этотъ господинъ пріѣхалъ въ Парижъ „въ субботу, и я думаю - изъ Германіи. Шлю Вамъ „адресъ гостинницы гдѣ онъ остановился, я нашла „его между разорванными бумагами. ЕМПИЛОВЪ дол- „женъ проживать по улицѣ Pierre Charron. Г. АКА- „ШИ думалъ уѣхать сегодня, во вторникъ, но уѣдетъ „только завтра, - вѣроятно, ждетъ чего нибудь.

„Прилагаю къ бумагамъ и городскую телеграм- „му. Надѣюсь, что найдете кого нибудь, чтобы пе- „ревести ихъ. Простите, прошу Васъ, что осмѣли- „лась Вамъ писать, я это дѣлаю съ добрымъ намѣ- „реніемъ. Не выдавайте меня, пожалуйста, не то я „потеряю мѣсто, а я вѣдь могу и еще кое-что уз- „нать. Если хотите, можете написать мнѣ по моему „адресу, гдѣ у насъ комната, 8, Rue Castiglione „ Mme Masson , или на имя мужа моего.

„По моему, еще одинъ пріѣдетъ. Японцы часто „у насъ останавливаются. Они теперь одѣваются на „русскій манеръ и носятъ барашковыя шапки.

„Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ „отмѣнномъ моемъ почтеніи".

|подписано| femme Masson.

Къ письму приложено было нѣсколько документовъ, а именно, городская депеша, на японскомъ языкѣ, адресованная полковнику АКАШИ, и копія городской телеграммы къ тому же АКАШИ, слѣдующаго содержанія:

"2|2. Милостивый Государь",

"Въ отвѣтъ на Ваше письмо, полученное мною
"вчера вечеромъ, спѣшу сообщить, что г. ЗИЛІА-
"КУСЪ не пріѣхалъ еще, но я жду его съ минуты
"на минуту".

"Преданный Вамъ"

"ЕМПИЛОВЪ".

При врученіи мнѣ вышеупомянутыхъ документовъ, ИМПЕРАТОРСКІЙ Посолъ приказалъ разслѣдовать это дѣло и выразилъ желаніе быть лично поставленнымъ въ извѣстность относительно результатовъ.

Прежде всего, необходимо было установить автора письма къ Его Высокопревосходительству, дабы знать, такимъ образомъ, до какой степени сообщенныя имъ свѣдѣнія заслуживаютъ довѣрія.

По наведенной безотлагательно справкѣ, выяснилось нижеслѣдующее:

Г-жа МАСОНЪ служитъ горничной въ Hôtel International d'Iéna, замужемъ за французомъ, родилась въ Швейцаріи и проживаетъ въ Парижѣ 8, Rue Cas Figlione. Въ виду того, что собранныя о ней свѣдѣнія оказались вполнѣ говорящими въ ея пользу, ей было выдано вознагражденіе, при чемъ она обязалась немедленно дать знать о пріѣздѣ полковника АКАШИ, останавливающагося обыкновенно, въ сказанной гостинницѣ, а равно сообщать все что ей удастся разузнать про него.

Вѣрная своему обѣщанію, МАСОНЪ, 28 Апрѣля сего года, препроводила нашей агентурѣ, имѣющуюся въ моемъ распоряженіи, городскую телеграмму нижеслѣдующаго содержанія:

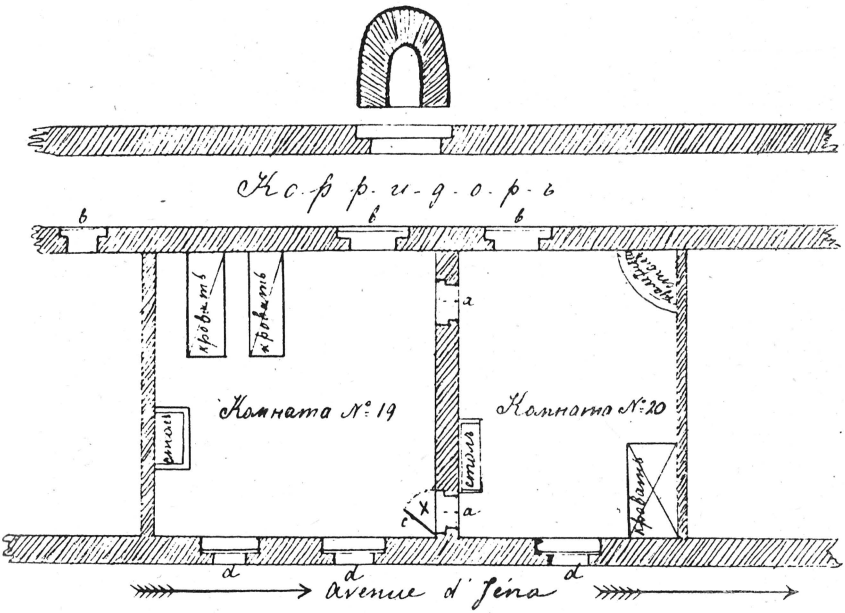
„Милостивый Государь",

„Нашъ пріятель пріѣхалъ сегодня вечеромъ.
„въ 6 часовъ. Онъ занимаетъ комнату подъ № 20.
„19-ый и 17-ый номера свободны; если хотите за-
„нять одинъ изъ этихъ номеровъ, Вы можете пре-
„красно видѣть все, что происходитъ въ его ком-
„натѣ, на сегодня вечеромъ и завтра гостинница
„занята вся цѣликомъ."

|подписано| femme Masson, горничная"

Немедленно по полученіи такового извѣщенія, наблюдательные агенты были поставлены при гостинницѣ, какъ снаружи, такъ и внутри ея. 30-го же Апрѣля удалось нанять комнату подъ № 19, примыкающую къ номеру 20-му, который былъ занятъ полковникомъ АКАШИ |см. чертежъ на стр. 10|. Эти двѣ смежныя комнаты отдѣлены другъ отъ друга толстой стѣной, въ которой имѣются двѣ двойныя двери, какъ бы образующія два барабана. Каждая изъ этихъ двойныхъ дверей имѣетъ, такимъ образомъ, двѣ дверцы, одну изъ которыхъ, а именно ту, что открывается въ № 19, мы растворили. Такимъ образомъ насъ отъ № 20-го отдѣляла лишь одна простая дверь, изъ которой, во избѣжаніе всякихъ неожиданностей со стороны сосѣда, предварительно былъ вынутъ ключъ. Рабочій столъ полковника, за которымъ тотъ имѣлъ обыкновеніе бесѣдовать со своими посѣтителями, стоялъ какъ разъ у этой двери.

При благопріятно сложившихся вышеописанныхъ условіяхъ, - разговоръ, который вели между собою АКАШИ и ДЕКАНОЗИ во вторникъ, 2 Мая, въ теченіе трехъ часовъ - отъ 3 до 6 - былъ подслушанъ



a: двойная дверь
b: простая дверь
c: открытая дверь
d: окно
x: место, где мы находились

нами почти цѣликомъ, отъ слова до слова.

Между благопріятствовшими намъ обстоятельствами, - въ особенности, надлежитъ упомянуть нижеслѣдующее: полковникъ АКАШИ не говоритъ по рус-

ски, а ДЕКАНОЗИ не владѣетъ японскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, собесѣдники были вынуждены прибѣгнуть къ французскому языку, на которомъ къ тому же АКАШИ выражается, хотя и свободно, но очень медленно.

Главнѣйшіе пункты этой интересной бесѣды составляютъ предметы доклада отъ 3 Мая сего года, за № 125, содержаніе коего считаю нелишнимъ повторить здѣсь, вкратцѣ:

ДЕКАНОЗИ рисуетъ подробную картину положенія дѣлъ въ Россіи, разсказываетъ нѣкоторые эпизоды изъ революціоннаго движенія, особенно останавливаясь на агитаціи въ Грузіи, которую АКАШИ обѣщаетъ ему поддержать, причемъ было произнесено имя одного офицера, - нѣкоего МАКСИМОВА.

Затѣмъ разговоръ переходитъ на долго обсуждающійся собесѣдниками вопросъ о необходимыхъ матеріальныхъ средствахъ. При чемъ АКАШИ отсчитываетъ 125.000 франковъ, которые вручаетъ ДЕКАНОЗИ. До насъ явственно доносится шелестъ кредитныхъ билетовъ. Въ заключеніе, условливаются относительно псевдонимовъ для корреспонденціи: „ФРЕДЕРИКЪ" - для

ДЕКАНОЗИ, и „ЖОРЖЪ" - для АКАШИ, при чемъ нѣкоторыя письма рѣшено посылать по адресу тещи ДЕКАНОЗИ, г-жи РЕНУФЪ.

Въ тотъ же самый день, въ 6 часовъ вечера, ДЕКАНОЗИ, по выходѣ изъ гостинницы, былъ взятъ подъ прослѣдку однимъ изъ нашихъ филеровъ, не знавшимъ ни имени его, ни адреса, - представившимъ, по поводу своей прослѣдки, докладъ такого содержанія:

„Въ 3 часа въ гостинницу пришелъ господинъ
„40 лѣтъ, роста I метръ 68 сант.; бородка остро-
„конечная, усы отвислые, одѣтъ небрежно, на го-
„ловѣ - цилиндръ, пальто застегнуто до верха -
„ придя въ гостинницу онъ спросилъ полковника
„АКАШИ".

„Въ 6 часовъ онъ вышелъ изъ гостинницы и от-
„правился на Rue des Ecoles, 32, Hôtel des Familles.
Въ 8 час. 20 мин. вышелъ изъ этой гостинницы, вмѣ-
„стѣ съ однимъ господиномъ, сопровождавшимъ его
нѣкоторое разстояніе; затѣмъ онъ зашелъ въ ресто-
„ранъ Duval на углу
„поужинавъ, онъ вышелъ оттуда въ 9 час. I5 мин. и
„отправился, I8.

„гдѣ, какъ оказалось, этотъ господинъ проживаетъ.
„Зовутъ его ДЕКАНОЗИ. Онъ гражданскій инженеръ,
„женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей и, по указанному ад-
„ресу, занимаетъ, съ Іюля I904 года квартиру на
„5 этажѣ, въ глубинѣ двора, съ правой стороны,
„за которую платитъ 550 франковъ въ годъ. Изъ свѣ-
„дѣній данныхъ въ *Hôtel des Familles*, усмат-
„ривается, что ДЕКАНОЗИ приходитъ туда ежедневно
„но для свиданія съ однимъ изъ своихъ друзей, нѣ-
„кимъ ДЖОРДЖАДЗЕ, выдающимъ себя за журналиста,
„32-хъ, приблизительно, лѣтъ, родомъ изъ Тифлиса.
„ДЖОРДЖАДЗЕ занимаетъ комнату подъ № 25, куда
„зачастую къ нему собираются его земляки."

„На всякій случай, привожу списокъ именъ
„проживающихъ въ этой гостинницѣ русскихъ подданныхъ:"

„Дѣвица ШИРКИ, Марія, докторъ медицины,"

„ - ТѢЛОКАОВА, Елена, учительница, родомъ изъ Тифлиса",

„Дѣвица НИКИТИНА,"

„ - ГАДЖИБЕКОВА, Надежда",

„Г.г. ГАБУНІЯ,

„АРЛИНФЕЛЬДЪ"
„ТИГРИНОВЪ съ женою"
„МОЛИКОВЪ".

Вышеприведенный докладъ филера, являясь дополненіемъ къ подслушенному разговору, подтверждалъ личность посѣтителя, являвшагося къ полковнику АКАШИ. Собесѣдникомъ АКАШИ былъ, такимъ образомъ, никто иной какъ ДЕКАНОЗИ. Впрочемъ, о визитѣ своемъ къ АКАШИ, ДЕКАНОЗИ своевременно предупреждалъ полковника личнымъ письмомъ, какъ сіе обнаружено было нами нѣсколько дней спустя, при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ, а именно: 3 и 4 Мая, воспользовавшись отлучкой полковника, агентурѣ удалось скопировать и сфотографировать наиболѣе интересные изъ бумагъ, хранившихся въ его дорожномъ чемоданчикѣ, а именно:

I, Письмо ДЕКАНОЗИ къ АКАШИ |Докладъ отъ I7 Мая, за № I40|:

„Парижъ, I Мая I905 г."

„Милостивый Государь и Другъ",

„Въ отвѣтъ на Вашу телеграмму, спѣшу из-

„вѣстить Васъ, что можете разсчитывать на меня „завтра между 3 и 4 часами по полудни. Въ ожи- "даніи удовольствія бесѣдовать съ Вами, шлю „Вамъ дружескій привѣтъ."

"Д".

2, Черновикъ незаконченнаго письма, писаннаго рукою АКАШИ, безъ указанія имени адресата |Докладъ отъ 3 Мая, за № I25|.

„Любезный другъ мой,"

„Васъ, вѣроятно, удивилс упоминаніе о Ган- „сѣ МАЙЕРѢ. Вамъ небезъизвѣстно, что онъ со- стоялъ моимъ сотрудникомъ въ редакціи „Novia" „Помолвка сдѣлала изъ него безнадежнаго агента. „Вы знаете также - лучше чѣмъ я самъ - что онъ ѣздилъ въ Норвегію, гдѣ ему удалось найти скром- „ное мѣсто въ одномъ изъ страховыхъ обществъ; „вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ корреспондируетъ по вопро- „самъ, такъ называемой свободной экономіи въ од- „ну изъ нѣмецкихъ газетъ".

„Я попросилъ его помогать мнѣ отъ времени „до времени, въ смыслѣ обогащенія матеріалами

"по моей работѣ".

„Я скоро буду въ Берлинѣ. Мой адресъ прежнiй. Если Вы нашли....."

3, Черновикъ телеграммы, писанной рукою АКАШИ, слѣдующаго содержанія:

„Einverstanden gregoire wartet Alexander 27 Augsburgerstrasse"

4, Рукописный документъ на Японскомъ языкѣ.

5, Городскую телеграмму, адресованную полковнику АКАШИ Княземъ Ichijo, на японскомъ языкѣ |По поводу послѣднихъ трехъ документовъ, см. докладъ отъ 8 Мая, за № 132|.

6, Письмо ЗИЛІАКУСА къ АКАШИ такого содержанія |Докладъ отъ 17 Мая, за № 140|:

„Копенгагенъ, 25 Апрѣля"

„Дорогой другъ,"

„Благодарю за письмо полученное вслѣдствіе „праздника слишкомъ поздно, чтобы можно было от„вѣтить въ Стокгольмъ. Что касается моего путе-

"шествія, то я намѣреваюсь въ пятницу вечеромъ
"выѣхать въ Гамбургъ, гдѣ пробуду день; въ суб-
"боту возьму поѣздъ въ Парижъ и буду тамъ въ
"понедѣльникъ пополудни. Въ Парижѣ я проведу
"всего нѣсколько дней, затѣмъ поѣду въ Лондонъ.
"Если-бъ Вы признали возможнымъ вручить мнѣ въ
"Парижѣ 4000 фунтовъ стерлинговъ, за счетъ тѣхъ
"лицъ, которымъ я обѣщалъ результатъ относитель-
"но американской коллекціи, я былъ бы Вамъ весь-
"ма признателенъ. Подготовительная работа подви-
"гается успѣшно, и деньги таютъ какъ снѣгъ на
"солнцепекѣ. Надѣюсь, что Вамъ передали еще до
"отъѣзда Вашего, обѣщанный отчетъ. Онъ отправ-
"ленъ отсюда въ субботу вечеромъ. Какъ только
"пріѣду въ Парижъ, сообщу Вамъ свой адресъ.Итакъ,
"до свиданія, - приблизительно черезъ недѣлю."

"Сердечно Вашъ"

"Кони ЗИЛІАКУСЪ."

7, Рукописный документъ ЗИЛІАКУСА, съ перечисленіемъ суммъ необходимыхъ для вооруженія русскихъ революціонеровъ |Докладъ отъ 15 Мая и телеграмма

отъ 20 Мая сего года|:

„Для С. Р.....	4000	здѣсь
„Яхта.....	2500	500 въ Ло донѣ.
„Экипажъ и пр.....	500	
„5000 ружей для Г.....	2000	
„I000 ружей для С. Р.....	800	I5 дней
„8000 ружей для Ф.....	6400	
„8000 ружей для С. П.....	4000	
„500 карабиновъ „Маузеръ"		
"для раздачи между Ф.и С.Р.	2I00	
	„23300"	

Что касается ЗИЛIАКУСА, то послѣдній посѣтилъ полковника АКАШИ два раза, а именно, 4 и 7 Мая, но въ виду того что АКАШИ перешелъ въ другую комнату, относительно бесѣды ихъ не удалось быть освѣдомленнымъ. Извѣстно только, что свиданія эти были весьма продолжительны; что, послѣ первой бесѣды съ ЗИЛIАКУСОМЪ, АКАШИ призналъ нужнымъ отложить свой отъѣздъ и что послѣ второго свиданія, состоявшагося 7 Мая, онъ чрезъ почтовую контору на Ainu Maisan

отправилъ въ Токіо шифрованную телеграмму въ 200 словъ, за которую уплатилъ I500 франковъ. Провожая посѣтителя до дверей гостинницы, онъ держался передъ ЗИЛІАКУСОМЪ, какъ передъ лицомъ, пользующимся его высокимъ уваженіемъ.

Въ теченіе пребыванія своего въ Парижѣ, полковникъ АКАШИ ежедневно посѣщалъ Японское Посольство, гдѣ видѣлся съ подполковникомъ ГИСАМАТСУ, но особенно близокъ былъ съ капитаномъ ТАКАДСУКА, котораго нѣсколько разъ посѣтилъ на дому. Онъ далъ обѣдъ персоналу Посольства въ *Hôtel International d'Iéna*; наконецъ, 8 Мая, въ 2 часа пополудни, онъ въ *Hôtel Albe* имѣлъ свиданіе съ барономъ СУЕМАТСУ, находившимся тогда проѣздомъ въ Парижѣ. II Мая въ 8 ч. 40 м. утра АКАШИ выѣхалъ въ Лондонъ черезъ Кале, при чемъ на сѣверный вокзалъ его провожали военный и морской аташе.

По отъѣздѣ полковника АКАШИ, вниманіе агентуры всецѣло сосредоточилось на ДЕКАНОЗИ и его корреспонденціи.

2I Мая означенный революціонеръ получилъ изъ Лондона отъ ЗИЛІАКУСА письмо нижеслѣдующаго со-

держанія |Докладъ отъ 24 Мая, за № 159|:

„Лондонъ, 20 Мая" -

„Любезный Господинъ ДЕКАНОЗИ",

„Наши дѣла здѣсь идутъ очень хорошо. Я,вѣро-
„ятно, съумѣю Вамъ выслать даже въ большемъ коли-
„чествѣ чѣмъ предполагалось, лишь бы Вы устроили
„такъ, чтобъ ихъ приняли. Въ виду этого дѣла, я
„буду въ Гамбургѣ 25-го и прошу Васъ быть на го-
„товѣ, на случай еслибъ, для окончательнаго
„устройства Вамъ понадобилось пріѣхать повидать-
„ся со мною въ Гамбургъ. Если Вашъ пріѣздъ ока-
„жется нужнымъ, я протелеграфирую Вамъ: „нужно"
„и тогда Вы спросите: M Zincler, въ Streits Ho
„Jungfernstieg ; всѣ извощики знаютъ эту го-
„стинницу".

„Нашъ общій пріятель просилъ кланяться Вамъ
„и передать, что въ этомъ дѣлѣ онъ съ нами".

„Вамъ преданный"

„ К. З."

24 Мая ДЕКАНОЗИ получилъ отъ полковника АКА-
ШИ нижеслѣдующее письмо |Докладъ отъ 26 Мая,за № 166|

„Милостивый Государь и другъ",

„Я еще здѣсь. Нашъ другъ З. извѣстилъ Васъ „уже, можетъ быть, что я отсюда выѣду въ Берлинъ „завтра вечеромъ, вѣроятно. Если Вы поѣдете на „свиданіе съ З.,я, несомнѣнно, повидаюсь съ Ва- „ми; я этого очень желаю, такъ какъ мнѣ, можетъ „быть,придется разсказать Вамъ кое-что. Поста- „райтесь поэтому съѣздить въ Г.".

„А пока - примите увѣреніе въ сердечныхъ „моихъ чувствахъ".

„ЖОРЖЪ"

„Лондонъ, 23, Вторникъ".

За упомянутымъ письмомъ, послѣдовала нижеслѣ- дующая телеграмма, полученная ДЕКАНОЗИ отъ пол- ковника АКАШИ:

„Лондонъ, 3 IO 22 25 9 ч. 45 м."

„ Dites Frédéric que Georges a
„ vera 4h. 45 gare Nord il veut le voir | Передайте Фридриху,
„что Жоржъ пріѣзжаетъ въ 4 ч. 45 м. Сѣвернымъ „вокзаломъ, гдѣ желалъ бы съ нимъ повидаться|".

Согласно указаніямъ означенной телеграммы ДЕКАНОЗИ отправился на Сѣверный вокзалъ встрѣтить АКАШИ, нанявшаго, немедленно по прибытіи въ Парижъ, комнату въ *New Hotel*, въ которой онъ провелъ нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ со своимъ единомышленникомъ. Въ Іо час. вечера, въ тотъ же день, АКАШИ выѣхалъ, со скорымъ поѣздомъ, въ Берлинъ.

Такимъ образомъ освѣдомленный о намѣреніи ЗИЛІАКУСА съѣздить въ Гамбургъ, для оборудованія неотложныхъ дѣлъ, я получилъ возможность своевременно командировать туда агентовъ, на которыхъ была возложена обязанность ближайшаго наблюденія за дѣятельностью и сношеніями упомянутаго агитатора.

Результаты такового наблюденія, подробно изложенные въ докладѣ отъ II Іюня, за №. 204, сводятся къ нижеслѣдующимъ главнѣйшимъ пунктамъ:

26 Мая ЗИЛІАКУСЪ пріѣхалъ въ Гамбургъ и остановился въ гостинницѣ *Streits*, подъ именемъ купца ЗИНКЛЕРА изъ Лондона.

Наружныя его примѣты: приблизительно, 50 лѣтъ, ростъ - I метръ 80 сант.; тѣлосложенія крѣпкаго, волосы, усы и борода съ просѣдью; борода подстрижена

въ подковку, на щекахъ сбрита; носитъ золотое пенсне.

27 числа его посѣтилъ полковникъ АКАШИ, проведшій у него въ гостинницѣ 2 часа - отъ 9 до II утра, послѣ чего въ этотъ же день выѣхалъ въ Берлинъ.

I Іюня онъ возвратился въ Гамбургъ.

2 Іюня, сопутствуемый нѣкимъ БУСТРЕМОМЪ | Bustroem |, шведскимъ подданнымъ, онъ посѣтилъ Контору Торговаго Дома Deuter et Kauffmann 25, Gr. Reichenstrasse, затѣмъ Контору Торговаго Дома Bauck et Durkoff, 6 Sandtorquai

Спеціальность обѣихъ этихъ фирмъ - ввозъ и вывозъ товаровъ. Въ тотъ же самый день онъ побывалъ въ Гарбургѣ, гдѣ посѣтилъ кораблестроительную фирму Holtz, располагавшую къ тому времени, однимъ лишь пароходомъ, носившимъ названіе „ Calixta Garcia

Какъ оказалось впослѣдствіи, внутреннее устройство этого парохода было возложено на упомянутаго Бустрема, отъ котораго тщательно скрыли имя покупателя и предстоящій курсъ плаванія.

Всѣ вышеприведенныя обстоятельства даютъ право

думать, что дѣло шло о покупкѣ ЗИЛІАКУСОМЪ парохода „Calixta Garcia", - на каковую покупку въ смѣтѣ расходовъ по революціонному движенію въ Россіи ассигновано 2500 фунтовъ стерлинговъ. Въ виду этого, „Calixta Garcia" былъ взятъ подъ наблюденіе; по полученнымъ изъ Гарбурга послѣднимъ свѣдѣніямъ, пароходъ стоитъ въ гавани, безъ груза, но готовый къ отплытію.

Фотографія парохода „Calixta Garcia" при семъ прилагается.

3 Іюня ДЕКАНОЗИ получилъ отъ полковника АКАШИ нижеслѣдующее письмо |Докладъ отъ 13 Іюня, за № 210|:

„Милостивый Государь и любезный другъ!"

„Въ Гамбургѣ намъ не везетъ, я теперь въ „Лондонѣ и пробуду здѣсь еще нѣсколько дней. Какъ „обстоятъ Ваши дѣла. Работайте энергично, придумайте какъ быть съ отправкой, - необходимо закончить безотлагательно. Что говорятъ въ Парижѣ. Я пробуду здѣсь, вѣроятно, до Среды, не мѣняя гостинницы. Вы успѣли бы еще мнѣ написать."

„А. К."

Graven Hotel, Graven Street, Charing Cross, London.

Суля по этому письму, дѣла агитаторовъ въ Гамбургѣ не устроились. Но что это были за дѣла - покупка ли парохода или оружія - пока еще неизвѣстно. На всякій случай, наблюденіе за „Calista Garcia" продолжается. Благодаря содѣйствію одного лица, принадлежащаго къ экипажу, мы будемъ въ курсѣ передвиженій парохода, буде таковой окажется собственностью агитаторовъ.

20 Іюня ДЕКАНОЗИ получилъ изъ Лондона отъ полковника АКАШИ нижеслѣдующее письмо |Докладъ отъ 21 Іюня, за № 237|:

„19|6"

"Милостивый Государь и другъ",

"Если остальное Вамъ необходимо заполучить "немедленно, Вамъ лучше будетъ пріѣхать сюда къ "г. Henry, № 3, Clifton Villas, Camden Square, Ca "либо же напишите по адресу: Georges Martin, Y. M. Martin, 3 Clifton Villas."

По немедленно наведенной въ Лондонѣ справкѣ установлено было:

I. Что Henry никто иной какъ ЗИЛІАКУСЪ, проживающій, дѣйствительно, по этому адресу, по которому онъ уже прожилъ разъ около I5 мѣсяцевъ, выдавая себя за купца;

2. Что подъ именемъ Georges Martin въ Лондонѣ скрывается полковникъ АКАШИ, который отъ времени до времени, наѣзжаетъ туда для свиданія со своимъ пріятелемъ.

За это время, на сцену выступила новая личность, а именно проживающій въ Парижѣ, 7, Rue Villaret-le французскій гражданинъ Baud, о роли котораго можно судить по нижеслѣдующей корреспонденціи:

I. Письмо, полученное ДЕКАНОЗОВЫМЪ отъ БО изъ Лозанны |Докладъ отъ 20 Іюня, за № 236|:

«Воскресенье, I8 Іюня".

«Вчера я, на основаніи извѣстныхъ Вамъ дан-
«ныхъ, подписалъ съ поставщиками предваритель-
«ный контрактъ, имѣющій войти въ основу оконча-
тельнаго контракта.

„Сегодня я имѣлъ въ Женевѣ свиданіе съ на-
„шимъ пріятелемъ; онъ одобрилъ всѣ условія контрак-
„та, за исключеніемъ сроковъ, которые онъ находитъ
„слишкомъ долгими".

„Мнѣ придется, слѣдовательно, снова повидать-
„ся съ поставщикомъ и постараться, чтобы часть -
„I8000 экземпляровъ - была сдана къ I2 Іюля.Завтра
„полагаю, буду уже имѣть благопріятный отвѣтъ, такъ
„что завтра вечеромъ либо во вторникъ утромъ мы
„можемъ условиться относительно всего. Закончить
„необходимо, ибо иначе мы рискуемъ совершенно
„остаться безъ этого товара, на который теперь
„очень большой спросъ. Мнѣ конфиденціально предста-
„лены несомнѣнныя доказательства таковаго спроса.
„я убѣдился въ этомъ воочію. Если желаете присут-
„ствовать при приложеніи подписей, Вамъ придется
„завтра вечеромъ съ поѣздомъ 8 ч. 50 м.,выѣхать
„Ліонскимъ вокзаломъ. Билетъ можете взять безраз-
„лично до Лозанны или Женевы; во всякомъ случаѣ
„я встрѣчу Васъ на вокзалѣ".

„Если полагаете безполезнымъ или невозможнымъ
„пріѣхать изъ за дѣлъ, не откажите протелеграфиро-

„вать мнѣ завтра утромъ, въ понедѣльникъ, по по-
„лученіи сего письма, Ваши desiderata и возраже-
„нія. Но полагаю, что все предвидѣно мною, сог-
„ласно Вашему желанію. Завтра я буду въ Женевѣ,
„у пріятеля. Телеграфируйте мнѣ по этому въ Же-
„неву, до востребованія. Имя подписывать безпо-
„лезно".

„Нашъ пріятель возьметъ всего 18 экземпля-
„ровъ, вмѣсто 22; я думаю, что Вы можете взять
„8 или 9, потому что сдѣланный между нами счетъ
„второпяхъ, передъ отъѣздомъ, оказался неточнымъ.
„Подсчитайте сами:"

„18экземпляровъ,предварительный вычетъ 0,50...9000
„18 200=36000 - - - 1, 36000

„И т о г о...45000"

„Въ телеграфномъ отвѣтѣ Вашемъ,скажите мнѣ,
„какое именно количество экземпляровъ Вы желаете".

„До поставщика отъ меня 4 часа ѣзды по же-
„лѣзной дорогѣ. Не смотря на это, я, какъ видите,
„не терялъ времени и разсчитываю благополучно до-
„вести до конца, возложенное на меня Вами пору-

"ченіе."

"Преданный Вамъ"

"Евг. БО".

2, Письмо изъ Лозанны, полученное ДЕКАНОЗИ отъ БО |Докладъ отъ 20 Іюня, за №. 236|:

"Дорогой другъ",

"Въ воскресенье я написалъ Вамъ подробное "письмо, которое Вы должны были получить въ по- "недѣльникъ утромъ, съ первой почтой. Я просилъ "Васъ пріѣхать либо телеграфировать въ Женеву, "гдѣ я вчера находился у нашего пріятеля. Не "получивъ ожидаемой телеграммы, я заключилъ,что "либо письмо мое не дошло до Васъ во время,либо "Вы признали безполезнымъ отвѣчать. Въ виду то- "го что нашъ пріятель торопился уѣхать обратно "и сроки сдачи товара были въ обрѣзъ, я вынуж- "денъ былъ заключить съ поставщикомъ контрактъ "на извѣстныхъ Вамъ условіяхъ на поставку 15000 "экземпляровъ и 2500000 брошюръ."

"Нашъ пріятель полагаетъ взять цѣликомъ всю "поставку, если не будетъ возраженій съ Вашей

"стороны; скажите поэтому, каковы Ваши намѣренія,
"ибо поставщикъ требуетъ, поменьшей мѣрѣ, мѣсяч-
ный срокъ."

"Буду въ Парижѣ въ концѣ недѣли - не позже
"воскресенья или понедѣльника."Если считаете цѣле-
"сообразнѣе повременить отвѣтомъ до моего пріѣз-
"да, я противъ этого ничего не имѣю, но мнѣ вось-
"ма желательно было бы получить отъ Васъ извѣщеніе
"о полученіи Вами настоящаго и предъидущаго мое-
"го письма."

"Совершенно преданный Вамъ"

"Евг. БО".

La Garenne-Lambert

3. Телеграмма къ ДЕКАНОЗИ |Докладъ отъ 21 Іюня, за № 240|:

"Лозанна, 1529 56 21 - 6 II ч. 15 м. веч.

"Получилъ Ваше депешу послѣ отправки пись-
"ма, которое придетъ къ Вамъ завтра. Поставщику
"протелеграфирую, но не разсчитываю на согла-
"сіе на такой коротній срокъ."Если бы пароходъ
"не ушелъ раньше 20 я могъ бы поспѣть пріѣхать.

"Телеграфируйте мнѣ точный день отплытія парохо-
"да. Сдѣлаю невозможное. Если не отложено, то
"сообщу отвѣтъ поставщика".

4. Письмо полученное ДЕКАНОЗИ отъ БО изъ Лозанны |Докладъ отъ 21 Іюня, за № 240|:

"Лозанна 21 Іюня".

"Дорогой другъ",

"Я былъ очень радъ Вашему письму отъ 20 се-
"го мѣсяца, такъ какъ Ваша телеграмма не дошла
"до меня, и этимъ объясняется выказанное мною не
"терпѣніе. Въ письмѣ отъ 18 Іюня я просилъ Васъ
"телеграфировать мнѣ до востребованія въ Женеву;
"туда ли Вы адресовали. Полагаю, что да, хотя
"въ тотъ день когда я ожидалъ писемъ, я нѣсколь-
"ко разъ справлялся на почтѣ, при чемъ въ послѣд-
"ній разъ въ 7½ часовъ вечера."

"Завтра я буду въ Женевѣ, гдѣ посѣщу Между-
"народное Общество Транспортированія кладей и
"зайду кстати на почту".

"Новаго у меня ничего; можетъ быть, Вы уже
повидались съ нашимъ пріятелемъ: онъ сегодня дол-

"женъ былъ быть проѣздомъ въ Парижѣ."

„Какъ я уже сообщалъ Вамъ, онъ заказалъ на
„12 Іюля 15000 и 2.500.000 картъ. Въ такой корот-
"кій срокъ онъ не могъ взяться за доставку боль-
"шаго количества. И такъ придется учинить поря-
"дочную доплату за спѣшное изготовленіе, за ящи-
"ки и перевозку большой скорости. Мнѣ удалось до-
"биться такого результата только въ виду лич-
"ныхъ сношеній съ поставщикомъ; онъ не сдѣлалъ бы
"этого для перваго встрѣчнаго."

„По полученіи Вашего письма сегодня утромъ,
„я телеграфировалъ моему поставщику, не можетъ ли
"онъ къ тому же сроку изготовить большее количе-
„ство. Только что получилъ его отвѣтъ. Онъ сооб-
"щаетъ мнѣ въ своей телеграммѣ, что можетъ изго-
„товить еще 1000 экземпляровъ и 200.000 картъ.
„Это меньше чѣмъ Вы просите. Но если Вы признае-
„те умѣстнымъ отправить дополнительный заказъ
„отдѣльной посылкой, то поставщикъ принялъ на
"себя обязательство черезъ 10 дней, - къ 22 или
„25 Іюля, - сдать просимые Вами 7000 экземпля-
"ровъ со 150 картами для каждаго изъ нихъ."

"Скажите мнѣ, какъ быть:

"I, Заказать ли I000 экземпляровъ и 200.000 "картъ, которыя поставщикъ предлагаетъ къ I2 Іюля?"

"2, или же 7000 и I50, какъ Вы о томъ проси "те съ отсрочкой поставки на I0 - I2 дней."

"Ваше присутствіе здѣсь безполезно, тѣмъ "болѣе что въ концѣ недѣли или въ понедѣльникъ "я пріѣду въ Парижъ представить Вамъ контрактъ "и все дѣло вообще равно, какъ условиться съ Ва- "ми относительно дальнѣйшаго."

"Вашъ пріятель сказалъ мнѣ, что по всей вѣ- "роятности, ему понадобятся еще экземпляры, но "въ такомъ случаѣ нужно, чтобы онъ поставилъ ме- "ня въ извѣстность относительно отплытія другаго "парохода и сообщилъ мнѣ объ этомъ какъ можно "скорѣе."

"Не откажите мнѣ написать завтра, въ чет- "вергъ,письмо, которое я получу въ пятницу ут- "ромъ и скажите, что собственно я долженъ сдѣ- "лать по поводу Вашего заказа. Какъ видите, мой "поставщикъ проситъ 25 - 30 дней."

"Чтобъ Ваше письмо могло уйдти вечеромъ,нуж-

"но опустить его въ почтовый ящикъ до 5/I .Еслибъ
"Васъ не было дома завтра и Вы не получили бы
"своевременно моего письма, то телеграфируйте
"мнѣ не позже пятницы вечеромъ, потому что, въ ви-
"ду краткости срока, я долженъ дать отвѣтъ не поз-
"же субботы".

"Письма и телеграммы шлите по моему адресу:
"La Jarenne. Lausanne.

"Примите, дорогой другъ, увѣреніе въ моихъ
"сердечныхъ чувствахъ"

"Евг. БО."

5, Телеграмма отправленная 22 Іюня ДЕКАНОЗИ въ Лозанну, по адресу БО.|Докладъ отъ 23 Іюня,за № 242|:
Baud, La Jarenne, Lausanne.

"Закажите все вмѣстѣ на 20 или 23 Іюля. Не
"отдѣльно".

|подписано| "РЕНУФЪ".

6, Письмо ДЕКАНОЗИ отъ БО изъ Лозанны |Докладъ отъ 24 Іюня, за № 245|:

"Лозанна, 22 Іюня вечеръ".

«Дорогой другъ мой, я получилъ сегодня Ва-
«ше письмо отъ вчерашняго числа и телеграмму,
«равно какъ и телеграмму Вашу изъ Парижа, отъ 19,
«7 вечера, оказавшихся въ Женевѣ, Poste Restante.

«Я не могъ получить эту депешу своевременно-
«почта закрывается въ 8 час. вечера. Въ Женеву
«я просилъ Васъ адресовать ради выигрыша време-
«ни, ибо въ этотъ день я имѣлъ свиданіе съ на-
«шимъ пріятелемъ".

«По полученіи вашей вчерашней депеши, о 7000
«и 150, я телеграфировалъ поставщику, приславшему
«мнѣ благопріятный отвѣтъ. Онъ обѣщаетъ отъ 5 до
«6000 экземпляровъ и 150 картъ, съ условіемъ до-
«полнительной платы за ускореніе изготовки, въ
«размѣрѣ отъ 1500 до 2000 франковъ, къ 16 Іюля".

«Съ другой стороны, Общество Международнаго
«Транспортированія обѣщало мнѣ сдѣлать все воз-
«можное къ отправкѣ товаровъ съ такимъ разсчетомъ,
«чтобы они поспѣли на пароходъ къ 20 Іюля. Я сдѣ-
«лалъ поэтому нужный заказъ, и надѣюсь, что все
«будетъ благополучно".

«Увѣряю Васъ, что поставщикъ мой сдѣлалъ все

"что могъ, чтобы удовлетворить Васъ. Вы сможете "судить объ этомъ, когда увидите сколько однѣхъ "телеграммъ было послано по этому поводу. Напрас- "но Вы даете такой короткій срокъ, когда дѣло "идетъ о такомъ важномъ заказѣ. Я даже не надѣял- "ся, чтобы можно было его выполнить: Нужно изго- "товить болѣе 2500 ящиковъ менѣе чѣмъ въ 20 дней, "затѣмъ провѣрить, смазать саломъ, упаковать и "пр. и пр. и нужно быть единовременно въ 5 - 6 "городахъ. Счастіе, что поставщикъ со мною въ "весьма дружескихъ отношеніяхъ, съ другимъ я "ничего не могъ бы добиться при подобныхъ усло- "віяхъ. Когда бумаги этого дѣла будутъ у Васъ "въ рукахъ, Вы сами убѣдитесь. Резюмируя свою "мысль, скажу, что въ общемъ, останетесь довольь- "ны, только, вмѣсто 7000, будетъ 6. Полагаю, что "еслибъ даже и такъ, то разница не окажется ощути- "тельной для Васъ, - Вы сами сказали мнѣ, что "съ нашимъ пріятелемъ Вы устроитесь. Можете, по "этому, положиться на меня. Завтра заключу контр- "актъ, и если что будетъ, сообщу Вамъ."

"Сердечно Вашъ"

" БО ".

7. Письмо отъ БО, изъ Лозанны, къ ДЕКАНОЗИ, отъ 23 Іюня |Докладъ отъ 24 Іюня, за № 245|:

„Лозанна, пятница, 8 ч. вечера."

„Дорогой другъ, нѣсколько словъ, второпяхъ, „Въ 6 ½ я телеграфировалъ Вамъ, что все въ порядкѣ. Сегодня днемъ я заключилъ контрактъ на 7 и „болѣе 150 на каждое. Придется заплатить за ускоренную работу. Объясню Вамъ все это въ понедѣльникъ, ибо буду въ Парижѣ въ воскресенье вечеромъ „или понедѣльникъ утромъ. Приходите ко мнѣ въ по„недѣльникъ въ какой угодно часъ, я Васъ буду „ждать. У меня не имѣется адреса нашего пріятеля, „я жду отъ него извѣстій по поводу надписей на „ящикахъ. Протелеграфируйте ему и просите указа„ній. Вы передадите мнѣ ихъ по возвращеніи моемъ „въ Парижъ."

„Я получилъ отъ Васъ":

1-е, одну телеграмму въ Женевѣ

2-е, 3 телеграммы здѣсь

3-е, 3 письма здѣсь,

„а всего 7 бумагъ; какъ видите, ничто не затеря„лось. Если у Васъ нѣтъ ничего спѣшнаго, не пишите

"мнѣ больше. Сердечный привѣтъ".

" БО ".

8. Телеграмма изъ Лозанны отъ БО къ ДЕКАНОЗИ, въ продолженіе предъидущаго письма |Докладъ отъ 24 Іюня, за № 245|.

"Инженеру ДЕКАНОЗИ", 18 Rue St Jacques Paris, Paris.

"Дѣло окончено. Буду Парижѣ понедѣльникъ, адреса пріятеля не имѣю."

" БО "

Вышеприведенная корреспонденція какъ нельзя болѣе убѣдительна. Смыслъ условныхъ терминовъ вполнѣ ясенъ: "экземпляры" - это ружья, а "брошюры" или "карты" - картуши.

Въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ о весьма значительномъ количествѣ ружей и боевыхъ припасовъ |около 25.000 ружей и 3.550.000 картушъ|, предназначающихся для русскихъ революціонеровъ и сконцентрированныхъ въ Швейцаріи.

Въ воскресенье вечеромъ, БО, согласно обѣщанію своему, пріѣхалъ въ Парижъ, откуда собирался вскорѣ возвратиться въ Лозанну. Къ нему приставленъ былъ наблюдательные агенты, которымъ поручено было выяснить настоящій складъ оружія и мѣстности, куда оно будетъ направлено.

24 Іюня ДЕКАНОЗИ получилъ слѣдующее письмо, на англійскомъ языкѣ |Докладъ отъ 24 Іюня, за № 245|:

„Дорогой ДЕКАНОЗИ",

„Жоржъ напишетъ Вамъ съ этимъ же курьеромъ и „попроситъ Васъ пріѣхать сюда переговорить о нѣко- „торыхъ вопросахъ, которые полезнѣе не довѣрять „почтѣ. Надѣюсь, что Вы пріѣдете, и мы сможемъ „тогда вырѣшить нѣкоторые важные пункты".

„Искренно Вашъ".

„Лондонъ, 23 Іюня".

Телеграмма отъ 24 Іюня изъ Лондона отъ АКАШИ къ ДЕКАНОЗИ |Докладъ отъ 26 Іюня, за № 247|:

„Лондонъ, 6257 I8 24 8 ч. II м. веч.

„Отлучаюсь на три дня возвращусь лишь вторникъ вечеромъ."

„МАРТЕНЬ".

Телеграмма къ ДЕКАНОЗИ, безъ подписи |Докладъ отъ 26 Іюня, за № 247|:

„Лондонъ, 362 I8 25 7"

„Ваше присутствіе здѣсь необходимо попроси-
„те пріятеля Б. обождать Вашего возвращенія."

Телеграмма изъ Лондона отъ 24 Іюня къ ДЕКАНОЗИ отъ ЗИЛІАКУСА |Докладъ отъ 29 Іюня, за № 250|:

„Жоржъ вернулся онъ я Васъ просимъ пріѣхать
„возможно скорѣе отвѣчайте адресу Christoof,
20 Bedford Mansion grosnor Street

Изъ вышеприведенной корреспонденціи не трудно усмотрѣть, что чѣмъ дальше, тѣмъ все рельефнѣе и яснѣе опредѣлялась дѣятельность всѣхъ упомянутыхъ агитаторовъ и тѣмъ все чаще и чаще становились ихъ переѣзды, изъ чего можно заключить, что подготовляемыя агитаторами рѣшительныя событія имѣютъ произойти въ неотдаленномъ будущемъ.

РУССКАЯ РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА В ВОЙНЕ 1904 – 1905 гг.

Документы

Составитель И.В.Деревянко

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 143

Раздел I.
РАБОТА СЛУЖБ РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ
В 1904 — 1905 ГГ. 158

Раздел II.
АГЕНТ-ДВОЙНИК (ДЕЛО ХОСЕ ГИДИСА) 272

Раздел III.
ДНЕВНИК ЯПОНСКОГО РАЗВЕДЧИКА 308

КОММЕНТАРИИ 318

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа секретных служб Российской империи до сих пор остается «белым пятном» отечественной истории. Между тем во все времена агентурная разведка и тесно связанная с ней контрразведка играли огромную роль при подготовке и ведении войны. Государственные деятели и военачальники стремились получать наиболее полную информацию о потенциальном и реальном противнике, предпринимая одновременно меры к исключению утечки подобной информации о себе.

В XVIII и начале XIX в. в России сбором агентурных сведений в мирное время занимались дипломаты, а в военное — офицеры квартирмейстерской части военного ведомства (впоследствии они стали называться офицерами Генерального штаба). Кроме того, командование пользовалось услугами так называемых «конфидентов» — лиц, вербуемых среди иностранных граждан и служивших исключительно за деньги. В это время еще не существовали специальные разведывательные органы. Руководство военным шпионажем находилось в руках высшего армейского командования.

Постепенно офицеры Генерального штаба начинают использоваться для разведки и в мирное время. Дело в том, что по мере развития военного дела доставляемые дипломатами сведения все меньше устраивали командование, поскольку не имели систематического характера и, как правило, являлись результатом деятельности людей, мало сведущих в армии. «Конфиденты» же во все времена считались агентами второго сорта. Командование им мало доверяло, и они использовались лишь как платные источники информации, нуждавшиеся в постоянном контроле.

В 1810 г., когда уже не оставалось сомнений в том, что Наполеон не остановится перед вторжением в Рос-

сию, русский военный министр Барклай-де-Толли командировал в помощь дипломатам офицеров, которые были временно зачислены на различные дипломатические должности. «Добывайте сведения во что бы то ни стало и какой угодно ценой», — наставлял их Барклай-де-Толли. Особенно отличился в этом полковник граф А.И.Чернышев[1], часто бывавший в Париже, где он развил активную разведывательную деятельность. В числе его осведомителей оказался даже чиновник французского военного министерства. Незадолго до начала войны А.И.Чернышев доставил своему руководству полный план нападения Наполеона на Россию.

После разгрома Наполеона в Европе наступило политическое затишье. Поле деятельности тайной войны переместилось на азиатские границы империи. После турецкой кампании 1828 — 1829 гг. много внимания уделялось разведке на Кавказе. Одним из агентов кавказского наместника графа И.Ф.Паскевича[2] был поручик артиллерии Г.В.Новицкий, человек большой личной храбрости. Переодетый горцем, он в течение месяца путешествовал по Кавказу и, благополучно избежав гибели, доставил своему начальству много ценных сведений. В целях разведки в районах Средней Азии русское военное ведомство отправило туда ряд офицеров, поставлявших данные по Афганистану, Хиве, Бухаре, Хоросану и т.д.

Выдающейся по своей смелости и полученным результатам была командировка прапорщика Виткевича, поехавшего в 1837 г. под видом хивинского купца в Афганистан. Ему было поручено выяснить, как будут реагировать правительства Афганистана и Персии на поход русских войск в Хиву. Пережив множество опасных приключений, Виткевич блестяще выполнил задание.

В середине XIX в. вновь осложняется политическая обстановка в Европе. В связи с этим русское военное ведомство вынуждено было активизировать разведку на западном направлении. Граф Чернышев, ставший за эти годы военным министром, вспоминает свой опыт разведчика, и к дипломатическим миссиям, так же как и в 1810 г., прикрепляются офицеры Генерального штаба.

Этот способ разведки оказался весьма эффективным, и им активно пользовались почти все европейские государства. (Формально офицеры считались, конечно, не шпионами, а официальными представителями армии за рубежом.)

В 1864 г. офицеры, прикомандированные к дипломатическим миссиям, получили официальный статус военных уполномоченных. Со временем их стали называть военными агентами (или атташе). Они числились теперь в составе дипломатического корпуса и пользовались всеми его правами: экстерриториальностью, дипломатической неприкосновенностью и т.д. Военный агент внимательно изучал армию той страны, в которой находился, наблюдая за маневрами, учениями и парадами, за отдельными ее представителями в обществе и при случайных встречах. Он изучал военную литературу и прессу и по возможности пользовался услугами тайных агентов-осведомителей («конфидентов»). Однако согласно установившемуся международному правилу атташе, уличенного в связях с тайной агентурой, немедленно выдворяли за пределы страны. Работа военного агента требовала от него живого ума, такта и наблюдательности, широкого образования, отличного знания военного дела и иностранных языков. В качестве примера можно назвать полковника П.П.Альбединского, русского военного уполномоченного во Франции в конце 50-х гг. XIX в. Будучи умным и образованным человеком, пользуясь большим успехом в светском обществе Парижа, он сблизился с высшими военными чинами, у которых искусно выпытывал сведения об организации войск и усовершенствовании огнестрельного оружия.

В марте 1857 г. он сумел завербовать одного из ординарцев французского императора и с того момента получил доступ к сокровенным тайнам французской армии.

Успешно использовались также так называемые «негласные военные агенты». Их направляли в те пункты, куда нельзя было назначить официальных военных атташе. При этом прибегали к помощи министерства иностранных дел, которое назначало фиктивно выходящих в отставку офицеров на должности консулов и вице-консулов. Разведку проводили также штабы военных

округов[3], но их возможности ограничивались, как правило, близлежащими пограничными государствами[4].

В течение XIX столетия общее руководство разведывательной службой постепенно переходило из рук армейского командования в генерал-квартирмейстерскую часть военного министерства. Ко второй половине XIX в. окончательно сложилась структура русской агентурной разведки. Ее схематичное изображение чем-то напоминает осьминога. Во главе — мозговой центр в лице генерал-квартирмейстера. От него расходятся щупальца к штабам военных округов и к военным агентам за рубежом, от которых в свою очередь тянутся нити тайной агентуры.

Кроме работы военных агентов, по-прежнему широко использовались официальные и секретные командировки офицеров за границу. При официальных командировках офицеры посылались на маневры иностранных армий, в различные международные комиссии в составе делегаций, для изучения иностранных языков и т.п. Им рекомендовалось вести работу легальными способами и во избежание международных скандалов не пользоваться услугами тайных агентов. Поэтому всегда оставались области, куда возможно было заглянуть лишь тайным образом и под ложными предлогами только командируемым с секретными поручениями офицерам и тайным агентам.

Накануне русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. в Болгарию были командированы полковники Артамонов и Бобриков, перед которыми была поставлена задача изучить переправы через Дунай и пути движения войск на Тырново — Габрово — Адрианополь.

Работа офицеров, отправлявшихся в секретные командировки, была сопряжена с огромным риском. В отличие от военных агентов, они не пользовались правом дипломатической неприкосновенности и в случае разоблачения их ожидало суровое наказание.

В целом следует отметить, что в XIX в. русская разведка была организована не хуже, чем в развитых в военном отношении европейских государствах. В ее работе были и успехи, и неудачи. Так, накануне войны с Наполеоном русское командование было прекрасно подготовлено в области разведки, что в немалой степени способствовало победе. Неплохо работала агенту-

ра в азиатских государствах (за исключением Дальнего Востока). А вот донесения военных агентов из Турции и балканских стран накануне русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. в значительной степени дезориентировали командование относительно численности, организации и боеспособности турецкой армии. К началу войны в тылу противника не была заблаговременно организована сеть тайной агентуры и исправлять положение пришлось уже в ходе военных действий. В конечном счете благодаря энергии и предприимчивости полковника Паренсова, который был назначен руководителем тайной разведки в Турции и на Балканах, удалось создать надежную сеть агентуры и наладить непрерывный поток необходимой командованию информации.

Во время русско-турецкой войны, так же как и в предшествующих войнах, кроме неподвижной агентуры, постоянно проживающей на территории противника, использовались агенты-ходоки, засылаемые в тыл противника на короткий срок для выполнения определенного задания. Наиболее яркой такой фигурой был К.Н.Фаврикодоров, в прошлом участник обороны Севастополя и георгиевский кавалер. Рискуя жизнью, он совершил целый ряд блестящих рейдов по турецким тылам и доставил командованию большое количество ценных сведений.

Разведчики типа Фаврикодорова, действовавшие из патриотических побуждений, выгодно отличались от «конфидентов», о которых уже говорилось выше. «Конфиденты», считавшиеся агентами второго сорта, работали исключительно из корыстных побуждений. К числу таких агентов можно отнести майора Карина, чиновника военного министерства Австро-Венгерской империи, завербованного русской разведкой в начале XX в. Роковую роль в его судьбе сыграла красавица жена. Чтобы иметь возможность оплачивать ее шикарные туалеты, любящий муж стал изменником и продавал русской разведке различные секретные сведения, известные ему в силу служебного положения. В основном «конфиденты» не попадали под категорию предателей, так как действовали в государствах, не являвшихся их родиной. Среди них было немало авантюристов и искателей приключений, причем иногда довольно ярких личностей. Так, в период русско-

японской войны 1904 — 1905 гг. одним из лучших тайных агентов России в Японии был французский журналист Бале. Он отлично владел японским языком, в совершенстве знал культуру и быт японцев и доставлял русскому командованию весьма ценную информацию.

Иногда услуги русской разведке оказывали представители разведывательных служб союзных государств. Так, в начале XX в. в тесном контакте с нашей разведкой работал французский военный атташе в Японии барон Корвизар. В июне 1903 г. по ходатайству русского военного агента в этой стране полковника В.К.Самойлова он был представлен к награждению орденом Св. Станислава 2-й степени.

С началом XX в. наступает эпоха бурного развития военной техники и тотальных войн. В связи с этим значительно возросло значение агентурной разведки, увеличилось число ее объектов и расширились способы ведения. Появилась насущная необходимость в более совершенной организации сбора и обработки разведданных. Между тем в первые годы XX столетия агентурная разведка Российской империи уже во многом не удовлетворяла требованиям времени. Ею попрежнему занимались военные атташе, дипломаты (а также представители министерства финансов за рубежом) и штабы военных округов. Однако разведка велась бессистемно и при отсутствии общей программы. В военных округах наблюдался определенный сепаратизм, и они зачастую не считали необходимым делиться с Главным штабом[5] добываемой информацией. Кроме того, в мирное время штабы военных округов не имели специальных разведывательных отделений. На работе разведки отрицательно сказывался недостаток финансовых ассигнований[6]. (Как известно, с 90-х гг. XIX в. по инициативе С.Ю.Витте[7] началось резкое сокращение всех военных расходов.) Необычайно остро стояла кадровая проблема. Офицеры, занимавшиеся агентурной разведкой, не получали никакой специальной подготовки. Курс тайной разведки был введен в академии Генерального штаба только после русско-японской войны 1904 — 1905 гг.

В наиболее плачевном состоянии оказалась организация сбора разведданных в Японии. Несомненно, что здесь сыграла свою роль недооценка ее как сильного и

опасного противника. Японской армии не придавали серьезного значения. Поэтому военное ведомство не считало необходимым расходовать большие средства на разведку в этом направлении. Вплоть до начала войны здесь полностью отсутствовала сеть тайной агентуры. Русские военные агенты не знали японского языка. (В академии Генерального штаба его стали преподавать только после войны 1904 — 1905 гг.) У них не было своих надежных переводчиков, а переводчики, предоставляемые в распоряжение военного агента местными властями, все сплошь были информаторами японской контрразведки[8]. Кроме того, разведка затруднялась спецификой этой страны. Если в европейских государствах военный агент, помимо негласных источников, мог почерпнуть большое количество информации из прессы и военной литературы, а в Китае продажные сановники императрицы Цы си[9] чуть ли не сами предлагали свои услуги, то в Японии все было иначе. Официальные издания, доступные иностранцам, содержали лишь тонко подобранную дезинформацию, а императорские чиновники, спаянные железной дисциплиной и проникнутые фанатичной преданностью «божественному микадо», не проявляли никакого желания сотрудничать с иностранными разведками.

Японцы с древних времен с глубоким почтением относились к искусству шпионажа и бдительно следили за всеми иностранными атташе, что еще более затрудняло их работу. В 1898 г. военным агентом в Японии был назначен полковник Б.П.Ванновский. Его отец был военным министром. Сам он в 1887 г. закончил Пажеский корпус[10], затем служил в конной артиллерии. В 1891 г. закончил с отличием академию Генерального штаба. В Японию его назначили вместо генерал-майора Янжула, попросившего шестимесячный отпуск по семейным обстоятельствам. Получилось так, что временное назначение перешло в постоянное, и Ванновский оставался военным агентом вплоть до 1903 г. Отправляя Ванновского в Японию, А.Н.Куропаткин[11], только что сменивший его отца на посту военного министра, поставил на представлении начальника Главного штаба резолюцию, в которой писал, что верит в добросовест-

ность Б.П.Ванновского и считает его кандидатуру вполне подходящей для должности военного агента.

Прибыв в Японию, Ванновский вскоре убедился, что его предшественник недаром так стремился в Россию. Несмотря на высокое жалованье, престижную должность и прочие блага, положение военного агента в Японии было незавидным. Он был подобен слепому, которого заставляют описать окружающее. Из-за отсутствия сети тайной агентуры и незнания японского языка военный агент в Японии видел лишь то, что ему хотели показать, и слышал лишь то, что нашептывали местные спецслужбы, изрядно преуспевшие в области дезинформации. Ко всему прочему, Ванновский, несмотря на энергию и добросовестность, о которых упоминал Куропаткин в своей резолюции, как и большинство строевых офицеров, был абсолютно некомпетентен в вопросах «тайной войны». Все это не могло не отразиться на результатах его работы. С некоторых пор генерал-квартирмейстер Главного штаба стал замечать, что из Японии поступает очень мало разведывательных донесений и содержащаяся в них информация не представляет стратегического интереса. Дипломатические отношения России с Японией уже балансировали на грани войны, и, хотя, по мнению большинства сановников, это государство не внушало особых опасений, подобное положение дел вызывало у генерал-квартирмейстера некоторое беспокойство. Ванновскому предложили исправиться, но у него ничего не получилось. Тогда генерал-квартирмейстер, вместо того чтобы разобраться в основных причинах, предложил заменить военного агента. Сведения стали поступать активнее, но, как выяснилось впоследствии, они мало соответствовали действительности. Чтобы Россия не успела к началу войны стянуть на Дальний Восток необходимое количество войск и боеприпасов, японцы старательно занижали данные о численности своих войск. Преемник Ванновского, подполковник В.К.Самойлов, обладавший незаурядным даром разведчика, но в силу объективных причин, о которых мы уже говорили раньше, так и не сумевший добиться существенных результатов, рапортом от 24 мая 1903 г. сообщил в Главный штаб:

«Все, что касается численного состава армии в Японии, составляет большой секрет, и достать какие-либо сведения можно только случайно. Сведения же, сообщенные мне иностранными военными агентами, хотя и разнящиеся от наших, не могут считаться достоверными»*.

В результате к началу войны с Японией Россия оказалась совершенно неподготовленной по части разведданных, что роковым образом отразилось затем на ее итогах.

Введенные в заблуждение японской дезинформацией руководители русского военного ведомства вплоть до самой войны не предпринимали никаких действенных мер для увеличения дальневосточной армии.

В начале военных действий сведения о противнике, получаемые от военных агентов (в Корее и Китае), доставлялись в разведотделение штаба армии через разведотделение штаба наместника[12], что вызывало определенную неразбериху. Контакты разведотделений затруднялись той враждебностью, которая была характерна для взаимоотношений командующего Маньчжурской армией А.Н.Куропаткина и наместника адмирала Е.А.Алексеева, который формально считался главнокомандующим. После назначения в октябре 1904 г. А.Н.Куропаткина главнокомандующим донесения военных агентов стали поступать в его штаб. Усиливало неразбериху и то, что чиновники МИДа, министерства финансов и военные агенты из европейских стран по-прежнему направляли донесения своему непосредственному начальству в Петербург, в результате чего командование действующей армией постоянно запрашивало военное министерство о разведданных.

В первое время организацией тайной разведки в штабе Маньчжурской армии ведал полковник Генерального штаба А.Д.Нечволодов, который накануне войны был назначен военным агентом в Корею, но не успел доехать к новому месту службы. В конце апреля 1904 г. он командировал в Японию и Корею трех тайных агентов из числа иностранцев — Шаффанжона,

* ЦГВИА СССР. Ф.400. Оп.4. Д.327. Л.384.

Барбье, Мейера, — которые посылали в штаб информацию кружным путем через Европу.

Вскоре после этого общая организация дальней разведки была поручена генерал-майору Генерального штаба В.А.Косаговскому, в распоряжение которого были назначены офицеры Генерального штаба (в том числе полковник А.Д.Нечволодов) и переводчик с европейских языков Барбье. С самого начала работы у В.А.Косаговского возникли серьезные осложнения с генерал-квартирмейстером Маньчжурской армии генерал-майором В.И.Харкевичем. В июне 1904 г. В.А.Косаговский писал в своем дневнике: «...Владимир Иванович Харкевич боялся, как бы я не стал ему поперек дороги, и употребил все от него зависящее, чтобы затормозить мне это дело. И увы, он благополучным образом достиг этой гнуснейшей цели на пагубу русскому делу. Харкевич не только не дал мне ни одного способного офицера Генштаба, но еще и подставлял всюду ножку, подрывая мой престиж и восстанавливая против меня Куропаткина, Сахарова[13] и вообще весь штаб. А меня он довел до такого нервного возбуждения, что я готов был задушить Харкевича»*.

Косаговский действовал независимо от разведотделения армии и передавал добываемую информацию непосредственно Куропаткину. Кроме него, вербовку тайной агентуры осуществляли разведотделение и военные агенты за рубежом.

Со временем число тайных агентов в дальневосточных странах значительно увеличивается. В документах военного ведомства они известны под именами Бале, Эшар, Колинз, Дори, Гидис и т.д.

Тайные агенты прикреплялись к определенным военным атташе или дипломатам, через которых передавали информацию и получали вознаграждение. Так, например, тайный агент в Иокагаме Бале был связан с военным атташе в Тяньцзине полковником Ф.Е.Огородниковым, Дори — с атташе в Париже полковником Лазаревым и т.д.

Однако сведения, добываемые тайными агентами, освещали в основном организацию тыла японской ар-

* ЦГВИА СССР. Ф.76. Оп.1. Д.217. Л.239.

мии. Их донесения поступали в штаб главнокомандующего кружным путем (через Китай или Европу) и почти всегда опаздывали. В начале 1905 г. после неудачного сражения под Мукденом[14] японцам удалось захватить часть штабных обзоров с делами разведотделения. Русские агенты в Японии оказались на грани провала, и многих пришлось отозвать. В их числе оказался уже известный нам журналист Бале.

В начале русско-японской войны руководство разведкой непосредственно на театре военных действий осуществляло разведотделение управления генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии. Работало оно неэффективно. Сводки данных о противнике составлялись не регулярно и предназначались только для высшего командования. Штабы дивизий, корпусов и отрядов до 26 октября 1904 г. не получали из штаба армии разведданных и были вынуждены довольствоваться сведениями своей войсковой разведки[15] (т.е. безотносительно к общей стратегической обстановке).

В октябре 1904 г., после разделения маньчжурских войск на три армии, при каждой из них создается свое разведотделение. Формально их деятельность объединялась разведотделением штаба главнокомандующего, но на практике они действовали без связи друг с другом, если не считать обмена сводками. По свидетельству сотрудника русской разведки полковника Генерального штаба П.И.Изместьева, сводки отличались низким качеством и бывали случаи, когда в них «документально устанавливалось то, что на другой день документально опровергалось». Между разведотделениями существовала конкуренция, и они постоянно стремились «щегольнуть друг перед другом богатством добываемых сведений». Кроме того, собственные разведотделения были в штабе Приамурского военного округа и штабе тыла войск Дальнего Востока. Разведка осуществлялась также штабами войсковых частей. Все они действовали практически независимо друг от друга. В результате налицо была полная дезорганизация в руководстве разведкой.

В мирное время Генеральный штаб не разработал никакой системы организации тайной агентуры в специфических условиях дальневосточного театра военных действий. У русского командования не оказалось

ни квалифицированных кадров лазутчиков, ни разведшкол для подготовки агентуры из числа местных жителей. Между тем японцы еще задолго до начала войны создали в Маньчжурии сеть резидентуры и подготовили кадры разведчиков. В Инкоу и Цзиньчжоу существовали созданные японцами специальные школы для подготовки тайной агентуры из китайцев. Русское командование только в мае 1905 г. создает подобную школу. Возглавил ее редактор издававшейся на средства русской оккупационной администрации газеты «Шенцзинбао»[16], который был в области разведки абсолютно некомпетентен. Вполне понятно, что школа не оправдала надежд командования и в конце июля 1905 г. ее закрыли.

Таким образом, во время русско-японской войны у русского командования не было какой-либо системы подготовки тайной агентуры. Агенты вербовались, как правило, из среды простого крестьянского населения и по причине низкого культурного уровня мало подходили для несения разведывательной службы. Пагубно сказывался недостаток финансовых ассигнований. Именно из-за этого русская разведка была вынуждена отказаться от вербовки агентов из наиболее грамотной части населения — крупной китайской буржуазии и высокопоставленных чиновников, которые зачастую сами предлагали свои услуги.

В конечном счете наспех подобранная и неподготовленная агентура не принесла существенной отдачи.

Один из современников писал по этому поводу, что русские, зная, что серьезные люди без тайной разведки войны не ведут, завели ее у себя больше для очистки совести, чем для надобности дела. Вследствие этого она играла роль «приличной обстановки», какую играет роскошный рояль, поставленный на квартире человека, не имеющего понятия о клавишах.

Положение русского командования было поистине трагическим. Не имея современных и надежных агентурных данных о противнике, оно уподоблялось боксеру, выходящему на ринг с завязанными глазами[17]. Несомненно, что неудовлетворительная работа разведки явилась одной из основных причин поражения России в этой войне.

Теперь рассмотрим в общих чертах работу контрразведки.

По законам Российской империи лица, уличенные в шпионаже в военное время, все без исключения подлежали смертной казни. В мирное же время к смерти приговаривали только чинов военного ведомства, уличенных в продаже иностранным разведкам особо важных государственных секретов, разглашение которых влекло за собой тяжелые последствия для России. Во всех прочих случаях шпионы из числа гражданских лиц приговаривались к тюремному заключению от 2 до 15 лет, а для шпионов из числа военнослужащих было предусмотрено наказание от полутора лет исправительных работ в арестантских ротах до пожизненной каторги. Уличенные в шпионаже представители дипломатического корпуса и военные агенты немедленно выдворялись за пределы страны. По сравнению с западноевропейским российское законодательство в отношении шпионов отличалось определенной гуманностью, так как предусматривало различную степень ответственности для военных и гражданских лиц.

Вплоть до начала XX столетия в Российской империи отсутствовала четкая организация контрразведывательной службы. Иностранными шпионами занимались одновременно Генеральный штаб, полиция, жандармы и пограничная охрана. Специального органа военной контрразведки в это время не существовало. В военном ведомстве контрразведкой занимались те же офицеры Генерального штаба, в ведении которых находилась разведка. Однако государство не выделяло им на организацию борьбы со шпионами никаких специальных ассигнований, а снабжение Департамента полиции финансами имело формальный характер*.

По мере развития в России революционного движения полиция и жандармы переключились в основном на борьбу с ним и все меньше внимания уделяли иностранным разведкам.

Однако к началу XX в. в связи с общим развитием агентурной разведки возникла насущная необходимость более прочной и надежной организации контрразведки. Это было тем более необходимо, что Герма-

* См.: ЦГВИА СССР. Ф.487. Оп.1. Д.2. Л.1 и об.

ния и Япония, занявшие к этому времени лидирующее место в области организации агентурной разведки, раскинули по территории России огромные шпионские сети.

К началу русско-японской войны японцы наводнили своими агентами все более или менее важные пункты намеченного ими театра военных действий. В Маньчжурии и Уссурийском крае японские шпионы проживали под видом торговцев, парикмахеров, прачек, содержателей гостиниц, публичных домов и т.д. Из-за отсутствия должной организации русская контрразведка в 1904 — 1905 гг. оказалась не в состоянии успешно противостоять вражеской агентуре. В районе действующей армии контрразведывательная служба была в значительной степени децентрализована. Общий жандармско-полицейский надзор был возложен на полковника Шершова, офицера отдельного корпуса жандармов, прикомандированного к Управлению этапами штаба главнокомандующего. Борьба с агентами из числа китайского населения была поручена известному китайскому коммерсанту Тифонтаю, который активно сотрудничал с русским командованием. Поимкой неприятельских лазутчиков занимались также агенты начальника транспортов действующей армии генерал-майора Генерального штаба Н.А.Ухач-Огоровича, разведотделение штаба Маньчжурской армии (до сентября 1904 г.) и штабы частей.

Для контрразведки в период русско-японской войны были характерны в принципе те же недостатки, что и для разведки, только положение здесь было еще хуже. Подробное описание работы контрразведывательных органов читатель найдет в отчетах разведотделений, публикуемых в данной книге.

В целом хотелось бы сказать, что в период русско-японской войны организация борьбы со шпионажем оказалась малоэффективной. Решающую роль сыграло отсутствие специального органа контрразведки, недостаток кадров, денежных средств и организационная путаница.

На протяжении всей войны контрразведка велась вяло и бессистемно, что обусловило на редкость высокую эффективность деятельности японской разведки и

способствовало широкой осведомленности японского командования о силах и намерениях русских войск.

Среди причин поражения России в войне можно назвать и неудовлетворительную организацию контрразведки[18].

Ниже мы предлагаем наиболее яркие и содержательные документы, которые рисуют подробную картину деятельности русской разведки и контрразведки в 1904 — 1905 гг. Все документы публикуются впервые.

И.В.Деревянко

РАЗДЕЛ I

РАБОТА СЛУЖБ РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ В 1904 — 1905 ГГ.

В настоящем разделе мы предлагаем вниманию читателей комплекс документов, созданных верховными органами руководства разведки на театре военных действий.

В первую очередь это Отчет разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии с начала войны по 26 октября 1904 г.* и Отчет разведывательного отделения штаба главнокомандующего, охватывающих период с 26 октября 1904 г. по 25 февраля 1905 г. Эти документы рисуют подробную картину работы русских секретных служб на Дальнем Востоке в 1904 — 1905 гг. Кроме того, в раздел включен ряд других документов, которые дополняют и уточняют информацию, содержащуюся в отчетах, а также рассказывают в общих чертах о работе японской разведки в тылу русской армии.

И.В. Деревянко

* 26 октября Маньчжурская армия была разделена на три армии.

Секретно

ОТЧЕТ № 1

ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ШТАБА МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ (С НАЧАЛА ВОЙНЫ ПО 26 ОКТЯБРЯ 1904 Г.) И ШТАБА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО (С 26 ОКТЯБРЯ 1904 Г. ПО 25 ФЕВРАЛЯ 1905 Г.)*.

I. ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВЕДКИ

А. Организация дальней разведки

Организация дальней разведки в начале войны была сосредоточена в штабе Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, которому непосредственно подчинялись наши военные агенты в Китае. Поэтому сведения о противнике, сообщаемые военными агентами, доставлялись в штаб армии через штаб Наместника.

По расформировании же штаба Наместника и подчинения военных агентов в Китае новому Главнокомандующему генерал-адъютанту Куропаткину, сведения их получались в штабе Главнокомандующего.

В непосредственном распоряжении штаба Маньчжурской армии с начала войны состоял для ведения дальней разведки наш военный агент в Корее Генерального штаба полковник Нечволодов, который был назначен на эту должность накануне открытия военных действий, но не успел доехать к новому месту служения.

Последний в конце апреля 1904 г. командировал в Японию и Корею трех тайных агентов, иностранных подданнных: Шаффанжона, Барбея** и Мейера (Франка), которые условным языком сообщали свои сведения кружным путем через Европу.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Т.1. Л.1 — 15 об.

** Так в тексте документа. В этом и во всех последующих документах, кроме явных опечаток, сохраняются орфография и пунктуация оригинала — *И.Д.*

Кроме названных лиц, сведения о противнике из Японии, Кореи и Китая доставляли: бывший посланник при корейском императоре Д.С.С.* Павлов, представитель министерства финансов в Пекине, член Правления русско-китайского банка статский советник Давыдов и наши консулы: в Тяньцзине — коллежский советник Лаптев и в Чифу — надворный советник Тидеман.

Специально для разведки в Корее в середине апреля 1904 г. Д.С.С. Павловым было предложено состоявшему при нашей миссии в Сеуле русскому подданному, корейцу М.И.Киму «установить непрерывные секретные сношения с местными корейскими властями и с тайными корейскими агентами, которые, согласно заранее сделанному в Сеуле условию, имеют быть посылаемы к Маньчжурской границе как от корейского императора, так и от некоторых расположенных к нам влиятельных корейских сановников»[1].

Для этой цели имелось в виду командировать Кима к р.Ялу для связи с нашими войсками, действовавшими тогда в этом районе.

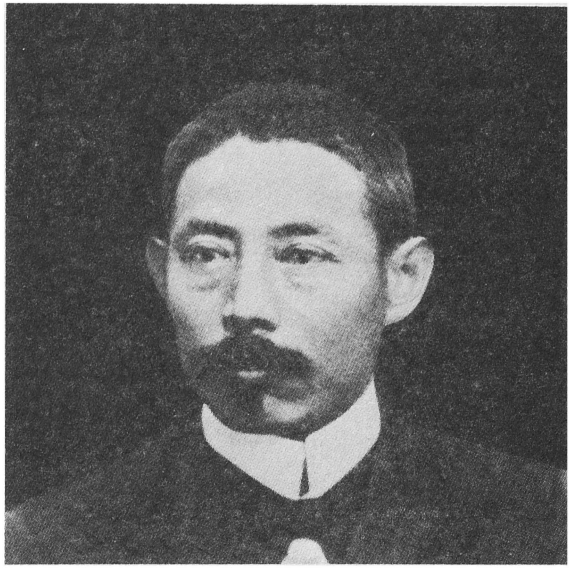
Но так как после Тюренченского боя[2] мы отошли от р.Ялу, то Ким был командирован в Приамурский военный округ для организации разведки в Северной Корее. Сведения из Кореи получались, кроме того, через посредство бывшего нашего военного агента в этой стране Генерального штаба подполковника Потапова, имевшего знакомых среди иностранцев в Сеуле.

В конце июня 1904 г. организация «дальней разведки на всем фронте Маньчжурской армии» (Доклад генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии от 29-го июня 1904 г.) была поручена Генерального штаба генерал-майору Косаговскому, коему был отпущен аванс в размере 50 000 рублей.

В распоряжение генерал-майора Косаговского были назначены: состоявший при разведывательном отделении капитан 12-го В.С. стрелкового полка Нечволодов, Генерального штаба: полковник Нечволодов, подполковники Потапов и Панов и капитан Одинцов, кроме того, переводчик европейских языков при разведывательном отделении г-н Барбье.

---

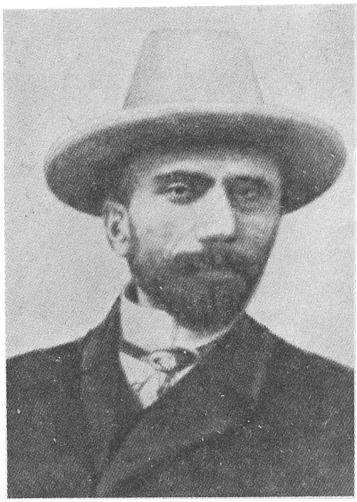
* Действительный статский советник. — *И.Д.*



М.Акаси

Е.Ф.Азеф

К.В.Циллиакус



Г.Г.Деканозов

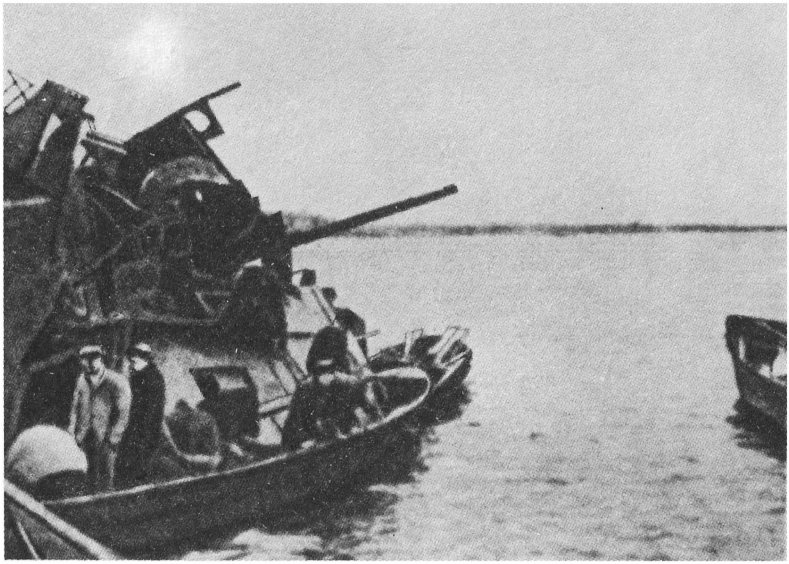
Г.А.Гапон

И.Ф.Манасевич-Мануйлов

М.Акаси с семьей

С.Курино

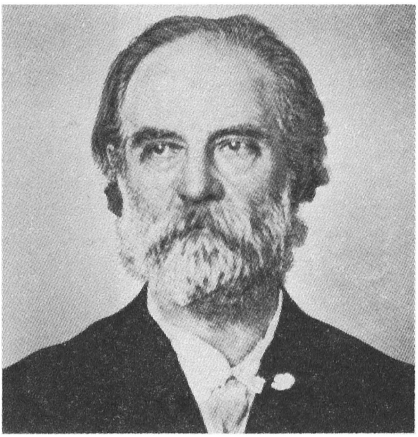
А.Ямагата



Обломки «Джона Графтона»

Е.К.Брешко-Брешковская

В.М.Чернов



Н.В.Чайковский

М.Р.Гоц

И.А.Рубанович (в центре)

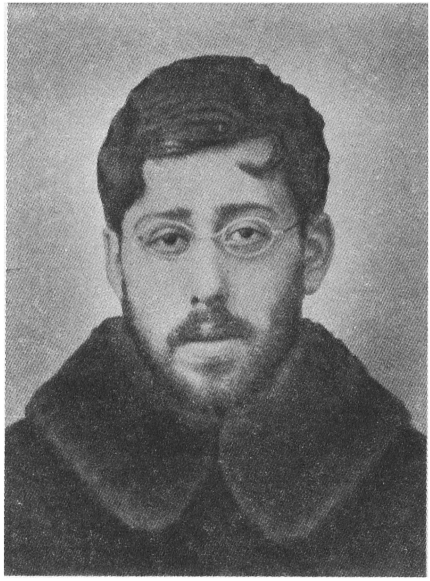
Ф.В. Волховский

П.М. Рутенберг

Ю.Пилсудский (в центре)

Р.Дмовский

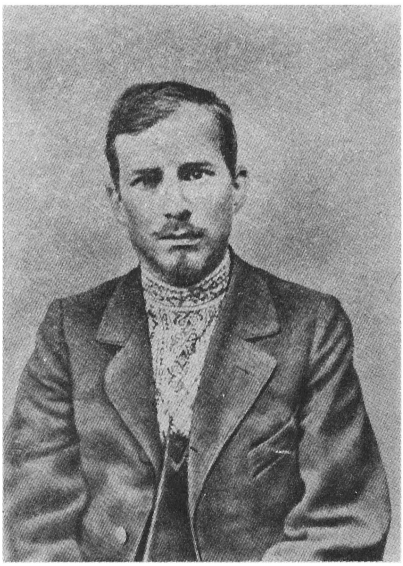
Г.Гуммерус



Ю.О.Мартов (Цедербаум)

Ц.М.Копельзон

В.Д.Бонч-Бруевич



А.В.Луначарский

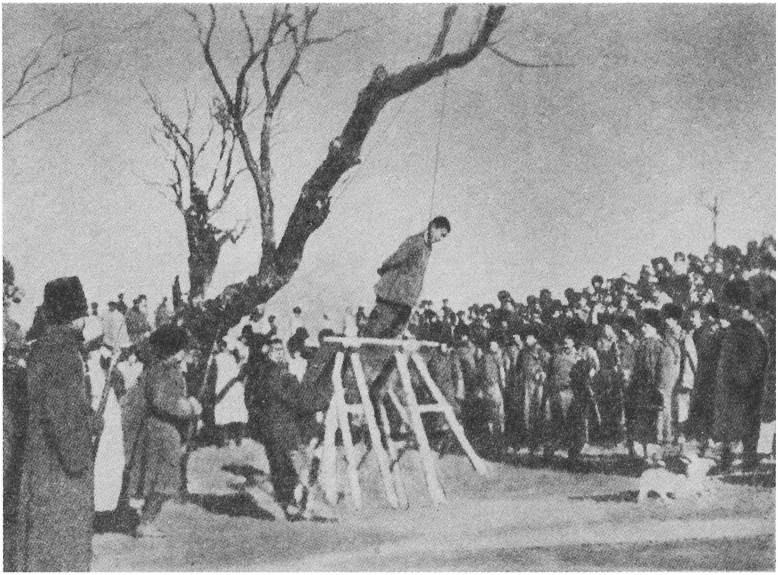
Л.Б.Красин

В.М.Смирнов

Н.Е.Буренин

Японцы рубят головы китайцам,
работавшим на русскую разведку.

Пойманный японский шпион.



Русские вешают японского шпиона.

Японский агент,
переодетый в китайское платье.

Подробности организации разведки генерала Косаговского и данные ему инструкции остались разведывательному отделению неизвестными, так как давались, по-видимому, самим Командующим армией или начальником его штаба. Донесения генерала Косаговского, кажется, поступали тоже непосредственно к Командующему армией; по крайней мере в разведывательном отделении было самое незначительное число его донесений.

В конце 1904 — начале 1905 г. старшим адъютантом разведывательного отделения подполковником Линда были заведены сношения с французскими подданными Эшаром и Плларром о привлечении их к дальней разведке.

Подполковник Линда был тоже командирован в штаб Приамурского военного округа и крепость Владивосток для организации на месте тайной разведки в Северной Корее.

Б. Организация ближней разведки

В начале кампании, соответственно тогдашнему расположению наших войск: восточного отряда на р.Ялу и южного авангарда на линии Инкоу — Кайчжоу, ближняя разведка посредством лазутчиков китайцев и корейцев была возложена: в восточном отряде на капитана 7-го В.С. стрелкового полка Кузьмина, а в южном авангарде на начальника 9-й В.С. стрелковой дивизии генерал-майора Кондратовича.

Капитан Кузьмин, как бывший инструктор корейских войск и знаток корейского языка и быта, являлся лицом вполне подходящим для организации и ведения этого дела в Корее, где высаживалась, по имеющимся сведениям, 1-я японская армия генерала Куроки.

В распоряжение капитана Кузьмина были назначены два природных и расположенных к нам корейца, флигель-адъютанты корейского императора — полковник Виктор Ким и поручик Николай Ким.

После отхода наших войск из Кореи и от р.Ялу капитан Кузьмин с назначенными в его распоряжение офицерами корейской службы был командирован в

штаб Приамурского военного округа для организации разведки в Северной Корее.

Тайная разведка в южном авангарде, как указано выше, была возложена в начале марта 1904 г. на генерал-майора Кондратовича по той причине, что он, как служивший раньше в Маньчжурии, имел знакомства между китайцами и местными миссионерами.

Районом его наблюдения было назначено побережье Ляодунского залива от устья р.Сяолинхе до мыса Хемотен. Что касается организации и ведения тайной разведки при разведывательном отделении штаба Маньчжурской армии, то она была возложена (в апреле 1904 г.) на капитана 12-го В.С. стрелкового полка Нечволодова. Этот обер-офицер был довольно продолжительное время помощником нашего бывшего военного агента в Китае генерал-майора Вогака и служил долго на Дальнем Востоке.

Капитану Нечволодову была дана особая инструкция.

Тайная разведка посредством китайцев в начале кампании шла неуспешно, преимущественно по следующим причинам:

1. Не было подготовленных заранее сведущих агентов.

2. Агенты из китайцев были исключительно временны и вовсе не заинтересованы в своем деле, да вдобавок их было весьма мало.

3. Вследствие постоянства успеха, сопровождавшего японское оружие, агенты-китайцы боялись предлагать нам свои услуги, тем более, что японцы расправлялись с беспощадной жестокостью со всеми китайцами и их родственниками, которых подозревали в сношениях с русскими.

Доказательством этому может послужить прилагаемый рапорт Генерального штаба подполковника Панова «О разведке при помощи китайских разведчиков».

В этом рапорте подполковник Панов подробно разбирает причины неуспешного ведения разведки посредством китайцев и предлагает прибегать к применяемому японцами средству — захвату заложников.

На более прочных основаниях был поставлен этот вид разведки в июле месяце, когда она была возложена вместо одного на двух офицеров, а именно на

штабс-капитанов 18-го В.С. стрелкового полка Афанасьева и 20-го В.С. стрелкового полка Россова, причем районы наблюдения были разделены между ними: штабс-капитан Афанасьев наблюдал преимущественно за центром и левым флангом противника (армиями Оку и Нодзу), а штабс-капитан Россов — за правым (армией Куроки).

Успешному ведению разведки способствовало нахождение при штабе лектора Восточного Института ученого китайца Ци*, через посредство которого штабс-капитан Афанасьев имел возможность добывать надежных агентов-китайцев (старались преимущественно привлекать бывших офицеров китайской службы) и облегчался разбор китайских донесений.

Для ускорения получения сведений от посылаемых китайцев и для освещения района, имевшего в данное время особое значение, названные офицеры командировались часто в передовые отряды, откуда они рассылали в расположение противника сеть лазутчиков.

При сформировании штаба Главнокомандующего штабс-капитаны Афанасьев и Россов остались в 1-й Маньчжурской армии, причем первый из них вскоре был назначен помощником нашего 1-го военного агента в Китае в г.Шанхай-Гуань, откуда вел дальнюю разведку, согласно особой инструкции разведывательного отделения штаба Главнокомандующего.

Ведение ближней разведки посредством китайцев, кроме разведывательных отделений еще и разведывательным отделением штаба Главнокомандующего было признано неудобным, так как донесения китайцев, высылаемых на разведку, получались по истечении значительного промежутка времени (недели и больше), вследствие отдаленности штаба Главнокомандующего от расположения противника. Ближняя разведка посредством китайцев при разведывательном отделении Главного штаба была учреждена только после Мукденских боев и возложена на штабс-капитана Блонского.

Кроме офицеров, находившихся в прямом распоряжении разведывательного отделения, сведения от ки-

---

* Здесь и далее все китайские фамилии и географические названия даются в написании документа. — *И.Д.*

тайцев доставляли еще следующие лица: представитель военного комиссара Мукденской провинции в г.Ляоян штабс-капитан Пеневский (с начала войны), штабс-капитан Блонский (с конца мая 1904 г.), военный комиссар Мукденской провинции полковник Квецинский (с конца июля 1904 г.), начальник транспортов Маньчжурских армий Генерального штаба генерал-майор Ухач-Огорович и хабаровский купец Тифонтай (с ноября 1904 г).

Штабс-капитан Пеневский, благодаря своему служебному положению и тому обстоятельству, что Ляоянский Тифангуан был расположен к нам, доставлял довольно достоверные сведения, в особенности из района действий армии Куроки. Нельзя не отметить, что первые агенты-китайцы, дававшие сведения о японских частях с названием номеров полков и дивизий, были лазутчики штабс-капитана Пеневского.

Тайная разведка посредством лазутчиков велась тоже штабами корпусов, отдельных отрядов и передовой конницей.

Деньги на эту надобность отпускались из штаба армии. В штабах корпусов и отрядов было предложено организацию и ведение тайной разведки возложить на особого офицера, преимущественно Генерального штаба. Штабом армии давались иногда войскам инструкции: например, в мае месяце кавалерийским отрядам генерал-майора Мищенко на восточном фронте, а генерал-майора Самсонова на западном, и в сентябре — корпусам.

Одновременно велась разведка через китайцев, служащих в Заамурском округе пограничной стражей, которые еще в мирное время имели своих тайных агентов среди местного населения.

В. Разведка флангов

С самого начала войны придавалось большое значение нашему правому флангу, ввиду того, что в штаб Маньчжурской армии поступали донесения о движении китайских войск генералов Юаньшикая и Ма к нейтральной полосе и даже в тыл нашего расположения (на Бамиенчен-Сыпингай), а истинные намерения

китайского правительства нам были неизвестны. Положительных данных о том, что Китай до конца войны сохранит строгий нейтралитет, не было; наоборот, предполагали, что при удобном случае и при условии производства Японией десанта, где-либо на западном побережье Ляодунского залива, Китай станет открыто на сторону Японии.

Для проверки слухов о движении Юаньшикая и Ма и вообще для освещения нашего правого фланга были приняты следующие меры:

а) В конце февраля 1904 года был отправлен прикомандированный к штабу Маньчжурской армии штатный слушатель Восточного Института штабс-капитан Колонтаевский в район р.Ляохэ — и Китайской железной дороги — Синмингин — Гоубаньцзы — Инкоу.

б) Еще до начала войны был сформирован отряд пограничной стражи под начальством подполковника Переверзева для наблюдения р.Ляохэ и охраны железной дороги на участке Инкоу, Ташичао, Ляоян, Мукден.

При отряде находился Командующий 21 сотней пограничной стражи поручик Коншин, который имел кадровых разведчиков из китайцев, корейцев и нижних чинов пограничной стражи, знающих китайский язык, и вел разведку в районе нижнего течения Ляохэ.

С открытием военных действий штабом Маньчжурской армии было предложено поручику Коншину усилить кадры своих разведчиков и продолжать разведку в районе р.Ляохэ — Синмингинской ж.д., высылая по временам разведчиков и в расположение войск генерала Ма. Ввиду ожидаемого движения генерала Ма на Ляоян — Мукден отряд полковника Переверзева был усилен полевыми войсками и переименован в Ляохэйский отряд, который продолжал усиленно вести тайную разведку посредством китайцев на нашем правом фланге.

в) Так как не было точных сведений о численности китайских войск генералов Юаньшикая и Ма, в особенности войск последнего, численность которых преувеличивалась иногда агентами-китайцами до 100 тысяч, то в конце марта 1904 г. был командирован штабс-капитан Россов в качестве датского корреспондента и купца в районы расположения войск Ма и Юаньшикая для выяснения на месте точной дислокации, чис-

ленности, состояния и качества китайских войск названных генералов.

г) Для этой же цели в апреле месяце того же года был командирован есаул Уральского казачьего войска Ливкин, под видом русского купца, снабженный удостоверениями Мукденского Цзяньцзиня и генерала Юаньшикая.

д) В целях разведки специально Монголии в районе Куло (в 150 верстах и более к западу от Синмингина) и севернее, где находились передовые конные части генерала Ма, было поручено коммерческому заготовителю Маньчжурской армии А.Г.Громову попутно с покупкой скота, которая им производилась в Монголии, собирать также сведения о противнике и местности. Для этой цели Громов давал своим агентам особую инструкцию.

е) С появлением японских хунхузских шаек под начальством японских офицеров на нашем правом фланге с целью нападения на железную дорогу было решено в июне месяце 1904 г., ввиду обширности района наблюдения к западу от железной дороги, разделить ее параллелью г.Телина между есаулом Ливкиным и г.Громовым; первому поручалось наблюдение южной части, второму — северной.

ж) Для усиления разведки правого фланга было вменено в обязанность помощнику нашего военного агента в Китае капитану Едрихину и начальнику почтово-телеграфного отделения в Шанхай-Гуане г.Крынину, наблюдать особенно за побережьем окрестностей г.Инкоу — Цинвандао, так как в обоих пунктах опасались высадки японских войск.

Наш крайний левый фланг освещался в течение всей кампании отрядом Генерального штаба полковника Мадритова. Район его наблюдения менялся по мере нашего отступления. Полковник Мадритов был, по прежней своей деятельности еще в мирное время, знаком с районом и имел надежных агентов-китайцев, которые составляли в его отряде отдельную единицу.

Г. Подготовка нашего тыла в отношении разведки

Еще до очищения нами фронта Инкоу — Ташичао (в начале июля 1904 г.) разведывательным отде-

лением штаба Маньчжурской армии было обращено внимание на важное значение подготовки тыла в разведывательном отношении. Особенное значение в силу своего географического положения, а также стратегического и коммерческого значения приобретал порт Инкоу.

Для устройства постоянной агентуры в этом порту был командирован капитан Нечволодов, который имел в виду подходящего для этого дела европейца, бывшего военного.

Проект капитана Нечволодова* был отклонен генерал-квартирмейстером штаба Маньчжурской армии, ввиду того, что дальняя разведка была тогда возложена на генерал-майора Косаговского.

При дальнейшем нашем отступлении эта задача подготовки тыла была возложена Командующим армией в Айсянцзяне на штабс-капитана Блонского, а в октябре в Мукдене на полковника Квецинского.

Агенты, нанятые штабс-капитаном Блонским из местных жителей окрестностей Айсянцзяна, по очищении нами Ляояна, никаких сведений о противнике не дали.

Насколько попытка полковника Квецинского увенчалась успехом, осталось неизвестным.

II. ПЕРЕВОДЧИКИ

С самого начала войны временно Командующий Маньчжурской армией генерал-лейтенант Линевич[3] возбудил ходатайство перед Наместником ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке о привлечении в армию в качестве переводчиков восточных языков студентов и слушателей-офицеров Восточного Института, причем студентам было установлено жалованье в размере 155 рублей в месяц и пособие на проезд в армию.

Число интеллигентных переводчиков восточных языков, в особенности японского, было столь незначительно, что их даже не хватало на тогдашний малочисленный состав Маньчжурской армии.

---

* Об устройстве агентуры в Инкоу.

В конце мая 1904 г. было командировано на театр военных действий Главным штабом 5 корейцев — учеников Казанской учительской семинарии.

Так как ко времени прибытия названных корейцев в штаб армии войска Маньчжурской армии уже очистили Корею, то надобности в названных переводчиках не ощущалось: один был эвакуирован по болезни, трое были уволены, как окончившие учительскую семинарию сельскими учителями в Уссурийский край, и только один остался в армии.

При разведывательном отделении штаба Маньчжурской армии состоял в качестве переводчика иностранных языков служащий в Пекинском отделении русско-китайского банка г-н Р.И.Барбье. Деятельность последнего сводилась преимущественно к переводу статей из английских и французских газет, имеюших отношение к военным событиям. В конце сентября Барбье был командирован в Пекин для сообщения штабу сведений о противнике. Барбье сообщал преимущественно официальные донесения японских начальников, указы и распоряжения японского правительства и т.п.

В заключение нельзя не упомянуть о простых китайцах-переводчиках, состоящих в ведении разведывательного отделения. Переводчики эти были конные и назначались сопровождать офицеров Генерального штаба, командированных на разведку, причем для перевозки офицерских вещей содержалось некоторое число «фудутунок» с проводниками-китайцами.

III. БОРЬБА СО ШПИОНАМИ ПРОТИВНИКА

Так как между иностранцами могли оказаться шпионы противника, то с объявлением войны возник вопрос принять меры по отношению иностранных подданных, проживавших в Маньчжурии в качестве служащих на нашей железной дороге, миссионеров, купцов и других, а также необходимо было решить, куда высылать всех тех лиц, которые заподозревались в шпионстве.

Представленный по этому поводу доклад и.д. начальника штаба Маньчжурской армии генерал-майором Холщевниковым 17 февраля 1904 г. и утвержден-

ный временно Командующим армией генерал-лейтенантом Линевичем, того же февраля, устанавливал по вышеупомянутым вопросам следующие положения:

1) Иностранцев, служащих на Китайской Восточной железной дороге, Наместником разрешено оставить в Маньчжурии под личною ответственностью Управляющего названной дорогой полковника Хорвата.

Прочих иностранцев, проживающих в Маньчжурии, и могущих приехать корреспондентов иностранных газет ни в коем случае не разрешать приезда в район сосредоточения армии на время, пока сосредоточение не окончится.

2) В отношении миссионеров соблюдать полную осторожность, прибегая к решительным мерам лишь в том случае, когда подозрение их в шпионстве или вообще в такой деятельности, которая, несомненно, направлена во вред нашим интересам, будет иметь веское документальное подтверждение.

3) Всех лиц, пребывание коих в районе действия армии по тем или иным соображениям будет признано неудобным, выселять в города и селения Западной Сибири, не расположенные по линии железной дороги, причем иностранцам предлагать выехать за пределы Российской империи через нашу западную границу.

С открытием военных действий в Маньчжурии выяснилось, что большое число китайцев и переодетых китайцами японцев занимаются шпионством, следя с сопок за движением наших войск, расположением наших батарей и т.п., сигнализируют об этом при помощи флагов, зеркал и проч.

Это невыгодное для наших войск обстоятельство вызвало приказание войскам Маньчжурской армии от 25-го июня 1904 г. за № 371, в котором Командующий армией приказывал при появлении подобных лиц на горах стрелять по ним.

К сожалению, это приказание не исполнялось войсками с должною последовательностью и энергией.

С начала войны, а в особенности по мере развития военных действий, доставлялись войсками в разведывательное отделение штаба Маньчжурской армии лица различных национальностей, преимущественно китайцы и корейцы, задержанные по подозрению в шпион-

стве, воровстве, сигнализации, порче телеграфов, мостов и т.п.

Эти лица препровождались большею частью без всяких указаний, где, когда и кем и по какой причине они арестованы.

Поэтому приходилось разведывательному отделению, вопреки ст.202 Положения о полевом управлении войск в военное время, непроизводительно тратить ежедневно массу времени на опрос этих лиц, в целях установления их личности и выяснения их виновности.

Такой ненормальный порядок вещей, отвлекавший чинов разведывательного отделения от прямых их обязанностей и возлагавший на них чуждые их деятельности обязанности военно-полицейского характера, вызвал приказание войскам Маньчжурской армии от 6-го сентября 1904 г. за № 540, в котором Командующий армией приказывал всех задержанных лиц препровождать к органам, ведающим военно-полицейскими надзорами в армии, в разведывательное же отделение препровождать вместе с протоколами опросов лишь тех лиц, кои могут дать сведения о противнике.

Надзор за шпионами противника, в особенности в начале войны, был весьма слаб за недостатком необходимого числа военно-полицейских чинов и сыскных агентов.

Правда, разведывательным отделением была сделана еще в конце мая 1904 г. робкая попытка установить негласный надзор за неприятельскими шпионами (через посредство прикомандированного к отделению переводчика корейского языка Г.Фоменко), но осязательных результатов достигнуто не было.

IV. СБОР И ОБРАБОТКА СВЕДЕНИЙ О ПРОТИВНИКЕ. СВОДКИ

Получаемые сведения от агентов дальней разведки, донесения от войск и агентов штаба и сообщения печати сопоставлялись и обрабатывались в разведывательном отделении и выливались в форму «сводок сведений о противнике».

Таким образом, в штаб Маньчжурской армии все сведения о противнике поступали в сыром виде.

По сформировании штабов Главнокомандующего и трех Маньчжурских армий до Мукденского боя включительно сведения в разведывательное отделение штаба Главнокомандующего поступали из армий в обработанном виде, в форме сводок. Все же остальные многочисленные данные дальней и ближней тайной агентуры штаба Главнокомандующего, разведки штаба тыла, Приамурского военного округа и Заамурского округа пограничной стражи получались в форме прямых донесений, почти без всякой обработки. Такой же характер носили и донесения полковника Квецинского, за исключением его ежемесячных сводок с приложением схем.

Наряду с этим получались копии всех тех войсковых донесений о противнике, которые уже послужили материалом для сводок штабов армий.

Необходимо подчеркнуть, что весьма многие сведения о противнике поступали, минуя генерал-квартирмейстера, непосредственно на усмотрение Командующего Маньчжурской армией, а впоследствии Главнокомандующего, без предварительной критики и обработки в разведывательном отделении. Сюда относятся отчасти донесения полковника Квецинского, генерал-майора Ухач-Огоровича, генерал-майора Косаговского, ротмистра Дроздовского и др.

Данные о противнике при разборе делились по степени достоверности:

1) на *документальные*, т.е. достоверные, не возбуждающие никакого сомнения (пленные, японские документы, карты, предметы обмундирования и снаряжения и проч.)

и 2) на *предположительные* — донесения военных агентов, сведения от лазутчиков, опросы пленных и т.п.

Последние источники давали лишь указания, на основании которых можно было делать более или менее правдоподобные предположения.

В начале кампании документальные данные совершенно отсутствовали и таковые начали получаться только в середине мая 1904 г.

В сводках получались следующие сведения:

1) О численности и группировке японских войск, преимущественно по армиям (вначале по группам: южная и восточная).

2) Об укреплениях.
3) О планах японцев.
4) Об устройстве тыла.
5) Об организации японских войск и ходе мобилизации в Японии.
6) О новых формированиях (с конца 1904 г.).
7) О китайских войсках генералов Ма и Юаньшикая (в начале кампании, когда опасались враждебных действий с их стороны).
8) О настроении местного населения (Маньчжурии, Монголии и Кореи) и
9) Разные сведения.

Необходимо отметить, что вследствие неоднократно подмеченного факта недробления японцами войсковых единиц (дивизий, бригад) было принято при документальном установлении одного полка дивизии (бригады) считать налицо в ближайшем районе и другие части этой дивизии (бригады).

Кроме сводок о противнике, разведывательными отделениями штабов Маньчжурской армии и Главнокомандующего были изданы справочные сведения для войск, а именно штабом Маньчжурской армии:

1) «Перечень начальников дивизий и командиров бригад японской армии» (два издания).

2) «Организация японских сухопутных вооруженных сил» (два издания к 1 июня и к сентябрю 1904 г.).

Штабом Главнокомандующего: «Боевое расписание японских армий по сведениям к 1-му декабря 1904 г.»

Сводки о противнике печатались в штабе Маньчжурской армии почти ежедневно только в 4-х экземплярах (для Командующего Маньчжурской армией, начальника его штаба, генерал-квартирмейстера и разведывательного отделения штаба армии).

Сводки в войска не рассылались, так как бывший генерал-квартирмейстер признавал это излишним. С сентября месяца для ориентировки корпусов и отдельных отрядов ежедневно посылались бюллетени об общем положении дел с краткими сведениями о противнике.

В штабе Главнокомандующего до Мукденского боя включительно сводки печатались в большем количестве и рассылались по одному экземпляру в штабы 3-х

Маньчжурских армий. Эти последние, если находили необходимым, перепечатывали их и рассылали в корпуса и отдельные отряды.

Порядок этот имел то неудобство, что сведения в войсках получались со значительнымм опозданием.

Кроме того, не могло быть и речи об обязательности распространения сводок штаба Главнокомандующего в отдельных войсковых частях.

К сводкам иногда прилагались схемы.

V. ПЕРЕПИСКА ПО РАЗНЫМ ДЕЛАМ, НЕ ИМЕЮЩИМ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К РАЗВЕДКЕ

Разведывательные отделения штабов Маньчжурской армии и Главнокомандующего, кроме вопросов, имеющих непосредственное отношение к разведке, ведали еще личным составом отделений, денежной отчетностью, перепиской по гражданским делам с военными комиссарами, перепиской с нашими военными агентами в Китае, сверх того, в отделении была сосредоточена переписка об иностранных военных агентах, о корреспондентах и крепости Порт-Артур.

С самого начала войны разведывательное отделение штаба Маньчжурской армии было, как упомянуто выше в отделе III настоящего отчета, завалено работой по опросу приводимых почти ежедневно в большом количестве лиц различных национальностей, по установлению их личности, выяснению их виновности и составлению соответственных протоколов.

Много времени отнимало тоже совершенно непроизводительно для прямого назначения разведывательного отделения ведение денежной отчетности по разведке, выдача жалованья переводчикам, проводникам, довольствие лошадей и мулов и т.п.

Согласно § 202 Положения о полевом управлении войск в военное время разведывательное отделение ведало военными корреспондентами. Вся переписка о них как с министерством иностранных дел, так и с Главным штабом была вначале сосредоточена в штабе Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, откуда корреспонденты командировались с удостоверениями штаба Наместника в штаб Маньчжурской армии.

Деятельность разведывательного отделения последнего штаба сводилась к следующему:

Прибывшим корреспондентам выдавались новые удостоверения, взамен выданных штабом Наместника, бралась подписка о том, что они не будут распространять никаких известий о военных приготовлениях, численности, расположении и передвижениях войск, о намерениях и планах войсковых начальников и пр., затем по желанию их и с согласия войсковых начальников они распределялись по корпусам и отрядам.

Во исполнение приказания Наместника от 29-го февраля 1904 г. за № 22 для цензуры известий военного характера, отправляемых по почте из Ляояна для опубликования в печати, Командующий армией приказал (приказание войскам Маньчжурской армии от 19-го марта 1904 г. за № 94) назначить комиссию в следующем составе: председатель — военный агент в Корее Генерального штаба полковник Нечволодов и члены: штаб-офицер для поручений при Управлении генерал-квартирмейстера Генерального штаба полковник Ромейко-Гурко, помощник старшего адъютанта разведывательного отделения Генерального штаба капитан Михайлов и чиновник по дипломатической части при Командующем армией коллежский советник Грущецкий.

Цензором известий, отправляемых по телеграфу, был назначен Председатель цензурной комиссии III Генерального штаба полковник Нечволодов и заместитель его, на случай отсутствия, старший адъютант разведывательного отделения Генерального штаба подполковник Слесарев.

Названная комиссия должна была руководствоваться «Правилами для опубликования в печати военных известий», приложенных к приказанию Наместника № 22. Так как все газетные корреспонденции на основании вышеозначенных «Правил» не были избавлены от военной цензуры и на местах выхода газет, то оказалось излишним иметь комиссию для цензирования корреспонденций, отправляемых по почте.

Ввиду вышеизложенного в отмену приказания от 19-го марта 1904 г. за № 94 Командующий армией приказал назначить (приказание войскам Маньчжурской армии от 27-го марта № 108) цензором известий,

отправляемых с театра военных действий только по телеграфу, сначала Генерального штаба подполковника Слесарева, затем Генерального штаба подполковника Люпова, заместителем, на случай отсутствия старшего адъютанта, помощника его Генерального штаба капитана Михайлова.

Ввиду последовавшего разрешения Наместника военным и частным лицам отправлять с театра войны телеграммы на иностранных языках и в иностранные государства, для цензирования таких телеграмм приказанием войскам Маньчжурской армии от 13 мая 1904 г. № 231 был назначен Генерального штаба капитан граф Игнатьев и чиновник по дипломатической части при Командующем армией коллежский советник Грушецкий, вместо последнего цензором иностранных телеграмм был назначен Генерального штаба капитан барон Винекен, прикомандированный к разведывательному отделению 14-го мая (приказание войскам Маньчжурской армии от 22 мая 1904 г. № 258).

Цензура телеграмм корреспондентов, находящихся при штабах корпусов и отрядов, была возложена на начальников соответствующих штабов или лиц по их назначению.

Подробный отчет о корреспондентах и о цензуре представляется начальником цензурного отделения штаба Главнокомандующего.

В разведывательном отделении штаба Маньчжурской армии, а затем штаба Главнокомандующего была сосредоточена также переписка по Порт-Артуру.

Эта последняя касалась, как видно из нижеследующего, снабжения осажденной крепости разного рода припасами и поддержания с ней связи.

Для снабжения Порт-Артура боевыми припасами (снарядами, патронами, вытяжными трубками и др.) было сделано несколько попыток: в июле месяце 1904 г. через посредство начальника транспортом Маньчжурской армии генерал-майора Ухач-Огоровича и купца Тифонтая, осенью того же года через посредство начальника Забайкальской области генерал-лейтенанта Холщевникова, наконец, третья через Владивосток.

Ни одна из попыток не увенчалась успехом, так как они отчасти были преждевременно раскрыты китайцами, отчасти не удалось прорваться через блокаду.

Подробностей о распоряжениях, сделанных штабом Главнокомандующего, не имеется, так как дела разведывательного отделения штаба Главнокомандующего до Мукденского боя включительно пропали при отступлении от Мукдена 25-го февраля 1905 г.

Снабжение Порт-Артура медикаментами, продовольствием, полушубками, сапогами и проч. было поручено посланнику Д.С.С. Павлову, представителю министерства финансов в Пекине статскому советнику Давыдову, нашим военным агентам в Китае и консулам: в Чифу — надворному советнику Тидемену и в Тяньцзине — коллежскому советнику Лаптеву.

С перерывом телеграфного сообщения с Артуром в конце апреля 1904 г. связь с крепостью могла поддерживаться исключительно посылкою отдельных лиц. Для этой цели посылались преимущественно офицеры-добровольцы с шифрованными донесениями для взаимной ориентировки штабов крепости и Командующего (впоследствии Главнокомандующего) армией о положении дел на театре военных действий, предстоящих планах, текущих событиях, сведениях о противнике и проч.

От штаба Маньчжурской армии (в период с мая по сентябрь 1904 г.) было послано несколько офицеров (5-го сибирского казачьего полка хорунжий Штенгер в июне месяце, 8-го сибирского казачьего полка хорунжий Костливцев в июле месяце, хорунжий князь Радзивилл, корнет Христофоров и уссурийского железнодорожного батальона поручик Экгардт в сентябре месяце), из которых только поручик Экгардт не достиг Артура, так как по дороге был взят японцами в плен. Кроме того, были командированы по собственному желанию несколько нижних чинов.

Для ускорения доставки сведений из армии в Порт-Артур таковые передавались шифрованными телеграммами из штаба армии в Чифу консулу Тидеману и полковнику Огородникову в Тяньцзине для отправления их на джонках в крепость. Но, судя по тому, что из осажденной крепости поступали жалобы на отсутствие

сведений из штаба Маньчжурской армии (впоследствии Главнокомандующего), в ноябре Главнокомандующий приказал посылать в Артур донесения ежедневно, но вследствие тесной блокады они большей частью не доходили по назначению.

Из Порт-Артура известия получались теми же путями; отчасти офицерами, гражданскими лицами, прибывавшими из осажденной крепости, отчасти китайцами, посылаемыми сухим путем, а также миноносцами и джонками через Чифу.

В предвидении, что Порт-Артур будет отрезан, в конце февраля было доставлено из порт-артурской военно-голубиной станции в распоряжение штаба Маньчжурской армии 45 почтовых голубей. Голуби эти были дрессированы из Ляояна в Порт-Артуре в течение 2-х лет и по прибытии в Ляоян помещены в голубятне пограничной стражи.

При очищении нами г.Ляояна корзины с голубями не успели взять на поезд, и голуби были выпущены нижним чином, ухаживавшим за ними. Из 45 голубей долетело до Порт-Артура 3 голубя.

Из всего вышеизложенного видно, насколько разведывательное отделение было обременено перепиской по вопросам, не имеющим никакого отношения к разведке. Это отвлекало чинов от прямых их обязанностей по сбору и обработке сведений о противнике и не могло не отразиться неблагоприятно на работе последних.

Такой ненормальный порядок вещей сознавался и давал себя чувствовать с самого начала войны. Поэтому, в целях более правильной постановки дела были приняты следующие меры:

1) Упомянутым в III отделе настоящего отчета приказанием войскам Маньчжурской армии от 6-го сентября 1904 г. № 540 полицейско-судебные функции по опросу задерживаемых подозреваемых лиц были окончательно изъяты из ведения разведывательного отделения.

2) В сентябре месяце 1904 г. денежная отчетность по всему управлению генерал-квартирмейстера и заведывание лошадьми для переводчиков и проводников была возложена на особого офицера казначея 124-го пехотного Воронежского пехотного полка штабс-капи-

тана Андерсона, прикомандированного в Управление генерал-квартирмейстера.

3) С расформированием штаба Наместника заведывание корреспондентами и цензура иностранных корреспонденций и телеграмм были окончательно изъяты из ведения разведывательного отделения и переданы во вновь учрежденное цензурное отделение при штабе Главнокомандующего.

4) Что касается, наконец, переписки по Порт-Артуру, то таковая была возложена в конце ноября 1904 г., когда было признано необходимым посылать донесения в Порт-Артур ежедневно на генерала для поручений при начальнике штаба Главнокомандующего Генерального штаба Г.М.Воронова.

Секретно

ОТЧЕТ №2 ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ С 4 МАРТА 1905 Г. ПО 31 АВГУСТА ТОГО ЖЕ ГОДА*

I. ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВЕДКИ

После Мукденских боев дело разведки было поставлено в весьма затруднительное положение, главным образом по следующим причинам:

1) Вследствие быстрого отступления наших армий на расстояние более 100 верст (Мукден — Сыпингай), связь с противником была прервана и соприкосновение с ним почти совершенно потеряно.

2) Мукденские события настолько сильно повлияли на впечатлительные умы китайцев, что почти все старые разведчики разбежались, а новых нельзя было подыскать, так как китайцы, даже за крупное вознаграждение не решались поступать на нашу службу тайными агентами из-за боязни японцев, беспощадно и жестоко расправлявшихся со всеми туземцами, подозреваемыми в каких-либо сношениях с русскими.

3) Пропажа обоза штаба Главнокомандующего при отступлении от Мукдена 25-го февраля с.г. сделала дальнейшее пребывание некоторых наших агентов в Японии небезопасным, так как в делах разведывательного отделения, попавших, как можно было думать, в руки японцев, содержались донесения с обозначением фамилий означенных агентов.

С одной стороны, ввиду вышеизложенных причин, а с другой — вследствие той важности, которую приобретали при новой стратегической обстановке наши фланги (Монголия и район Ажехэ — Гирин — Гуангай — Дьяпигоу — Тунфасы — Хуньчун — Нингута), а равно и тыл наших армий, в целях более прочной и широкой

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Т.1. Л.16 — 56 об.

постановки дела разведки пришлось принять целый ряд мер *по организации:*

А) дальней разведки,

Б) ближней разведки,

В) разведки флангов и

Г) подготовки нашего тыла в отношении разведки на случай отхода армий.

А. Организация дальней разведки

Предметом дальней разведки являлся сбор сведений о противнике в Японии, Корее и Китае.

Организация и ведение этой разведки была поручена еще штабом Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке отчасти нашим военным агентам в Китае, Генерального штаба генерал-майору Десино (в Шанхае) и полковнику Огородникову (в Тяньцзине), отчасти же бывшему нашему посланнику при корейском императоре Д.С.С.Павлову (в Шанхае).

Военные агенты в Китае, кроме исполнения своих прямых обязанностей по разведке, возложенных на них еще в мирное время, доставляли также специально сведения о противнике, согласно получаемых от штаба Главнокомандующего указаний.

Член Правления русско-китайского банка в Пекине статский советник Давыдов, поставив себя добровольно в распоряжение сначала Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, затем генерал-адъютанта Куропаткина и впоследствии генерала от инфантерии Линевича, взялся сообщать сведения военного характера о противнике и выполнять разные специальные поручения. Главным помощником г-на Давыдова в организации тайной разведки был служащий русско-китайского банка г-н Фридберг, который получал ценные сведения от секретаря японского военного агента в Чифу.

Независимо от этого г-н Давыдов посылал китайцев-разведчиков в Маньчжурию, которым поручалось, сверх сбора сведений о противнике, наносить вред в тылу неприятеля посредством поджогов его складов, порчи железных дорог и проч. (действительно удалось сжечь 1-го октября 1904 г. крупные склады в Шахецзахе).

Г-н Давыдов, как служивший до войны в Японии, продолжал поддерживать и во время войны связь с некоторыми иностранцами и японцами, благодаря чему сведения г-на Давыдова отличались всегда большою достоверностью и интересом.

Бывший наш посланник в Корее Д.С.С.Павлов в продолжение всей кампании доставлял нам сведения о противнике благодаря тем связям, которые он имел в Корее и Японии. Одним из лучших агентов его в Японии был французский подданный журналист Бале.

Еще до Мукденских боев, а в особенности после них, пребывание Бале в Японии становилось столь опасным, что г-ну Павлову пришлось вызвать Бале из Японии, благодаря чему мы лишились весьма полезного агента.

Из Шанхая г-н Бале приехал в Петербург, откуда был командирован Главным штабом в штаб Главнокомандующего (прибыл 30 июня с. г.).

Как отлично владеющий японским языком и будучи выдающимся знатоком японской армии, а также народного быта, истории и литературы Японии, г-н Бале принес нам большую пользу своими сообщениями о японской армии, переводами статей из японских газет военного содержания и чтением ряда лекций о Японии в штабе Главнокомандующего и в штабах 1-й, 2-й и 3-й армий. Лекции эти были напечатаны для распространения между офицерами, весьма поверхностно знакомыми с нашим противником.

В начале войны бывшим военным агентом в Корее Генерального штаба полковником Нечволодовым были приглашены на нашу службу тайными агентами в Японии, Корее и на острове Формозе иностранные подданные Барбье, Шаффанжон и Франк.

В апреле месяце г-н Павлов командировал на пароход из Батавии Шаффанжона, а в г.Амой Барбье для разведок о японской эскадре по просьбе генерал-адъютанта Рожественского.

Так как доставлявшиеся названными агентами сведения не были особенно ценны и не окупались, то эти агенты были рассчитаны в июне месяце с. г.

Необходимо еще упомянуть о наших консулах в Чифу и Тяньцзине надв. сов. Тидемане и Лаптеве, которые тоже доставляли сведения о противнике, хотя и

случайного характера, но нередко весьма интересные и ценные.

Справедливость требует отметить, что сведения, доставляемые г.г.Павловым и Давыдовым, отличались особой достоверностью и интересом.

После Мукденских боев в целях усиления дальней разведки в Японии были приняты следующие меры. Для этой цели были приглашены французские подданные Эшар и коммерческий представитель Французской Республики во Владивостоке г-н Пларр. Первый из них, с которым вошел в сношение еще Генерального штаба полковник Линда, был немедленно послан в Японию, т.е. еще в феврале месяце с.г., а второй вследствие разных осложнений и затяжек не мог быть отправлен ранее июня месяца, почему и не было получено от него никаких донесений.

Г-ну Пларру 30-го июня с.г. была дана инструкция для разведки, причем обращалось особенное внимание на сбор сведений в Японии о новых формированиях.

В апреле месяце был, кроме того, командирован в Японию под псевдонимом сербского корреспондента Маринковича поручик 11-го В.С. стрелкового полка Субботич, вызвавшийся добровольно на это столь важное и опасное предприятие.

Связь штаба с этими лицами была установлена: с Эшаром через полковника Огородникова, с Пларром через французского консула в Шанхае и подполковника Страдецкого в Хабаровске, а с Маринковичем через г-на Давыдова.

Ввиду той важности, которую приобретал при новой стратегической обстановке тыловой район японских армий и для облегчения работ наших военных агентов в Китае, в конце мая с. г. разведка в Маньчжурии была разделена между помощником 1-го военного агента в Китае капитаном Афанасьевым, которому была поручена эта разведка еще в январе месяце с. г.*, и штабс-капитаном 20-го В.С. стрелкового по-

* Инструкция от 5-го февраля с.г. за № 757, данная капитану Афанасьеву, не прилагается, т.к. потеряна при отступлении от Мукдена 25 февраля с.г.

лка Россовым, командированным для этой цели в июне месяце с.г. в г.Чифу, как удобный пункт для ведения разведки в портах Маньчжурии и в устье р.Ялу посредством джонок. При этом было предложено передать лучших своих агентов-китайцев: генерал-майору Десино — штабс-капитану Россову, а полковнику Огородникову — капитану Афанасьеву.

Штабс-капитану Россову было поручено наблюдение за портами Маньчжурии: Инкоу, Дальний, Талиенван, Бицзыво, Дагушань, Татунгоу, Шахэцзы и др., а также разведка специально Ляодунского полуострова и Восточной Маньчжурии примерно к востоку от меридиана Фынхуанчень. К западу от этого меридиана капитану Афанасьеву было предложено усилить наблюдение за противником, особенно за его левым флангом.

Для организации тайной разведки в тылу японских армий капитаном Афанасьевым были учреждены постоянные агентуры: в Инкоу, Ташичао, Ляояне, Фынхуанчене, Синминтине, Мукдене, Синцзинтине, Факумыне, Телине и в других местах, в зависимости от хода и развития действий.

Для наблюдения за контрабандой и линией железной дороги Шанхай-Гуань — Гоубаньцзы — Синминтин и бухтой Цинвандао у капитана Афанасьева были агенты по названной железнодорожной линии и в бухте Цинвандао.

В июне месяце была сделана попытка сквозного пропуска агентов через японское расположение: они высылались из Шанхай-Гуаня в расположение японских войск, где должны были наниматься на какие-либо должности у японцев и затем, пробыв некоторое время при какой-нибудь японской войсковой части, прорываться в разведотделения штабов армий и Главнокомандующего.

Для этой цели капитану Афанасьеву было предложено пропускать подобных разведчиков через Канпинсян, Факумынь, Сяотайцзы, Тунцзякоу, Телин, Кайюань, Пакошу, Синцзинтин, Синминпу, Хуайженсянь, Тунхуасянь.

Этот последний опыт, за кратковременностью его применения вследствие прекращения военных действий, не дал каких-либо положительных данных, на ос-

новании которых можно было бы судить о его пригодности.

Главными задачами, поставленными дальней разведке, были:

1) мобилизация в Японии;

2) призыв в Японии людей всех контингентов запаса (иобигун, кобигун, кокумин, ходзютай) и новобранцев;

3) формирование новых резервных и полевых частей;

4) учет отплывающих из Японии подкреплений в Маньчжурию и в Корею, места их высадки и назначения и

5) в общих чертах политическое, экономическое и финансовое положение Японии и Кореи.

Б. Организация ближней разведки

Предметом ближней разведки являлся сбор сведений о противнике непосредственно в районе расположения и действий его армий.

Органами ее были главным образом *разведывательные отделения:*

а) штаба Главнокомандующего и

б) штабов 1-й, 2-й и 3-й Маньчжурских армий, тыла и Приамурского военного округа.

Средствами служили:

а) *войсковая разведка* (захват пленных, добывание разного вида документов, предметов снаряжения, обмундирования и т.п.);

б) *тайная разведка посредством лазутчиков-китайцев* и

в) *сведения из печати,* преимущественно иностранной.

а) войсковая разведка

После Мукденских боев, когда наши армии стали на Сыпингайских позициях и, как было указано выше, тайная разведка не успела еще вполне наладиться, и связь с противником была почти потеряна, было предписано армиям и штабу Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи вести возможно энер-

гично войсковую разведку посредством конницы и охотничьих команд.

Равно в течение всего периода нахождения наших армий на Сыпингайских позициях, когда являлась особенная настоятельность в освещении всего фронта противника или какого-нибудь важного в данную минуту участка его, давались неоднократно штабом Главнокомандующего предписания армиям производить усиленные войсковые разведки с непременным условием добычи языка.

б) тайная разведка посредством лазутчиков-китайцев сосредотачивалась преимущественно в армиях.

На 1-ю и 2-ю армии, как стоявшие в передовой линии, была возложена разведка фронта, соответствующего фланга и ближайшего тыла противника, на 3-ю — как находившуюся в резерве, главными силами за правым флангом нашего расположения, — разведка в Монголии, преимущественно ближайшей к Маньчжурии полосы.

Армиям была дана инструкция, в которой указывалось на необходимость тесной связи между тайной и войсковой разведкой, причем тайная разведка возлагалась на высшие штабы, а войсковая — на низшие войсковые единицы.

В целях постановки тайной разведки на более прочных и серьезных основаниях, считалось необходимым при штабах отдельных отрядов и корпусов возложить ведение ее на одного, специально назначенного для этой цели офицера, который являлся бы и ответственным за сообщаемые им сведения о противнике.

В области ближней разведки роль разведывательного отделения штаба Главнокомандующего сводилась к контролю над разведывательной деятельностью штабов армий, взаимной ориентировке всех органов разведки и вообще к объединению их деятельности.

Таким образом, достигалось тройное наблюдение над фронтом и ближайшим тылом противника (корпусами, штабами армий, штабом Главнокомандующего).

Также признавалось необходимым иметь в непосредственном распоряжении штаба Главнокомандующего известное число свободных разведчиков-китайцев, которые держались бы наготове для посылки в

случае необходимости освещения какого-либо района, имеющего в данное время особое значение.

Заведывание разведчиками-китайцами и ведение тайной разведки при штабе Главнокомандующего предполагалось первоначально возложить на прикомандированных к Управлению генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем штабс-капитанов 11-го В.С. стрелкового полка Блонского и 20-го В.С. стрелкового полка Россова.

Оба этих офицера владели отлично китайским языком, были знакомы с местными условиями и руководили тайной разведкой почти с самого начала войны.

Район наблюдения предполагалось разделить примерно линией железной дороги. Но ввиду того, что штабс-капитан Россов получил другое назначение, а именно был командирован в Монголию вместо г-на Корелина, то разведка целиком была поручена штабс-капитану Блонскому.

Отчет штабс-капитана Блонского о деятельности разведчиков-китайцев при штабе Главнокомандующего и приемов ведения этой разведки при сем прилагается.

Под непосредственным руководством штабс-капитана Блонского велась также разведка с помощью Хабаровского 1-й гильдии купца Тифонтая.

Этот последний, благодаря своим широким торговым связям по всей Маньчжурии, имел возможность доставлять сведения из района расположения японских войск, в котором некоторые из его агентов поселялись под видом мелких торговцев, арбщиков и т.п. Тифонтай поставлял также надежных агентов-китайцев.

Тифонтаю давались, как и другим органам разведки, инструкции (письменная и устная) разведывательным отделением штаба Главнокомандующего.

Наряду с вышеназванными двумя лицами, действующими под непосредственным руководством штаба Главнокомандующего, сведения о противнике от китайцев доставлялись еще начальником транспортов Маньчжурских армий Генерального штаба генерал-майором Ухач-Огоровичем и военным комиссаром Мукденской провинции Генерального штаба полковником Квецинским.

Первый из них, имея сношения, благодаря роду своей деятельности, с разными слоями китайского населения, мог получать много сведений о противнике.

Сведения эти носили в большинстве случаев характер случайный и доставлялись без предварительной систематической обработки.

С формированием Управления транспортов армии (в июле месяце) генерал-майору Ухач-Огоровичу было предложено прекратить разведку, а своих разведчиков передать армиям и полковнику Квецинскому.

На более прочных основаниях было поставлено дело разведки китайцами у военного комиссара Мукденской провинции полковника Квецинского. Будучи представителем русской власти в Маньчжурии, полковник Квецинский имел возможность при непрерывных сношениях с китайской администрацией получать сведения о противнике, отчасти от последней, отчасти же от специально нанятых для этой цели китайцев-разведчиков.

Разведка велась под непосредственным руководством самого полковника Квецинского, помощником которого по этой части являлся особо назначенный офицер Генерального штаба (сначала причисленный к Генеральному штабу капитан Михайлов, а впоследствии Генерального штаба капитан Сапожников).

Нельзя не отметить важное нововведение, впервые примененное полковником Квецинским, — учреждение школы для подготовки постоянных разведчиков из китайцев. К сожалению, школа была учреждена только после Мукденских боев и нельзя не признать, что такого рода школы могли бы служить наилучшим средством для подготовки кадров надежных и сведущих разведчиков.

в) сведения из печати

Нельзя не отдать должное японской печати, которая замечательным умением хранила в тайне все, что касалось армии и военных действий[4].

«С первых же дней войны японская печать получила *беспрекословное приказание Правительства*: хранить в тайне все, что касается организации, мобилизации и передвижения морских и сухопутных сил их родины.

Правительство предостерегало прессу от разглашения военных тайн, подчеркивая, насколько печать мо-

жет вредить военным операциям, ссылаясь на примеры последней японо-китайской войны. Оно взывало к патриотизму печати не оглашать никаких сведений, которые, как бы они ни были интересны *для публики*, могли даже одними намеками принести пользу противнику, давая ему указания о намерениях или предполагаемых движениях японцев.

Насколько честно японская печать отозвалась на призыв Правительства, красноречиво доказано той непроницаемой тайной, которою были окутаны все движения кораблей адмирала Того и армии маршала Ойяма».

Хотя вышеприведенные строки (из газеты «The Japan Times» от 5-го июля н.с. 1905 г. № 2512) на самом деле вполне оправдались, все же из прессы можно было черпать кое-какие сведения о противнике. Сюда относились официальные донесения японских начальников (в особенности в начале войны), разбросанные сведения, объявления и т.д. в японских газетах и корреспонденции иностранных военных корреспондентов, побывавших на театре военных действий с японской стороны и напечатавших свои наблюдения без цензуры по возвращении на родину.

Последние давали преимущественно сведения о японской тактике, духе японской армии, ее житье-бытье и т.п.

Сведения об организации и численности были сравнительно редки.

Ввиду той важности, которая признавалась за прессой, как источником добывания сведений о противнике, разведывательное отделение штаба Главнокомандующего пользовалось печатью и добывало из газет сведения, хотя и запоздалые, но весьма иногда ценные, особенно из японских, английских и немецких.

Для этой цели выписывались названным отделением иностранные газеты.

Кроме того, было предложено начальнику цензурного отделения представлять генерал-квартирмейстеру при Главнокомандующем вырезки из всех получаемых названным отделением иностранных газет, содержащие сведения о японской армии.

Оценивая два главных вида разведки: *открытую войсковую* и *тайную посредством лазутчиков*, можно придти к следующим выводам:

1) Только правильное и разумное сочетание обоих этих видов разведки может дать положительные результаты.

2) И войска, и лазутчики в состоянии только в том случае добывать ценные сведения, если они умело направлены и снабжены надлежащими инструкциями.

Сведения, доставляемые как войсками, так и лазутчиками, не получившими надлежащих инструкций, сводятся к простому, бессвязному перечню численности войск (без указания частей) и названию деревень, урочищ и т.п.

Такие сведения лишены всякого значения. Наоборот, и войска, и лазутчики в умелых руках, снабженные надлежащими инструкциями, точно определенными задачами, могут давать сведения первостепенной важности.

Самые ценные сведения, устанавливающие или подтверждающие присутствие какой-либо части войск противника в известном месте, давались, бесспорно, войсковой разведкой посредством документальных данных.

К последним относились: пленные, предметы снаряжения и обмундирования с номерами, клеймами, грудными личными значками и т.д., записные солдатские книжки, дневники с кратким изложением действий войсковой части, карты (найденные в сумках убитых офицеров) с нанесением войск, конверты от писем с обозначением точного адреса воинского чина (армия, дивизия, полк, рота), бандероли от газет, казенная переписка (например, захват полковой канцелярии 2-го резервного пехотного полка у д.Хекоутай) и т.п.

Большинство пленных при опросе давали охотно и довольно полные и достоверные сведения.

Опыт показал, что мягкостью и сердечностью к пленным, в особенности играя на их самолюбии, можно было добиться большего, чем строгостью и запугиванием.

Опыт войны, равным образом, показал, что только надлежащим образом подготовленные, ознакомленные

с организацией японских войск и направленные с определенной задачей, лазутчики были в состоянии давать полные, достоверные и полезные сведения о неприятеле, добывая документальные данные в виде конвертов от писем, ярлыков, блях и т.п. или указывая номер части (полка, дивизии, армии).

Насколько сведения от китайцев-лазутчиков бывали, при соблюдении вышеназванных требований, полные и полезные, можно судить по прилагаемой в копии схеме* расположения войск противника перед фронтом 1-й Маньчжурской армии, составленной капитаном Афанасьевым исключительно на основании донесений от лазутчиков и по чертежам, составленным самостоятельно агентами-китайцами.

В. Разведка флангов

Новая стратегическая обстановка после Мукденских боев, в связи с подтвержденным опытом войны стремлением японцев совершать более или менее глубокие обходы флангов, заставила обратить самое серьезное внимание на наши фланги.

Особенное значение имел *наш правый фланг*, т.е. Монголия. Во-первых, получались многочисленные сведения о движении крупных отрядов противника (до 20/т. с артиллерией) через Монголию на Бодунэ-Цицикарь с целью развития действий на наши пути сообщения. Во-вторых, не было точно известно, как проходит граница между Монголией и Маньчжурией, т.е. линия, разделяющая театр военных действий от нейтрального Китая.

Была добыта японская карта, по которой монголо-маньчжурская граница тянулась в 30 верстах к западу от р.Дунляохэ, между тем как по нашим картам граница совпадала с названной рекой.

Наконец, сведения о Монголии в топографическом и статистическом отношениях были настолько скудны, что не представлялось возможным уяснить себе, насколько вероятны передвижения крупных отрядов по Монголии.

---

* Схема не сохранилась.

Вследствие вышеизложенного и в целях более подробного исследования Монголии был предпринят ряд мер.

Еще до Мукденских боев в середине февраля с.г. для проверки сведений о движении значительного японского отряда через Монголию на Цицикарь было предложено нашему консулу в г. Урге г-ну Люба послать надежных русских разведчиков в разные стороны Монголии для сбора сведений о противнике.

Организованный консулом разведочный отряд, под начальством г-на Долбежева 2-го, выступил из Урги 18 февраля с.г. и, перерезав сеть караванных путей, ведущих из Долон-Нора на север и проходящих с западной стороны Большого Хингана, достиг Цицикара по истечении сорока дней.

Разведка выяснила, что слухи об обходном движении японцев через Восточную Монголию не верны и не подтвердились. Попутно разведчики собрали подробные статистические данные о количестве рогатого скота и о ценах на него, а также об отношении местного населения к маньчжурским событиям и о симпатии его к той или другой из воюющих сторон.

После Мукденских боев (в начале апреля месяца) были командированы в Монголию штабом Главнокомандующего с целью разведки о противнике и местности причисленный к Генеральному штабу штабс-капитан Губерский и 20-го В.С. стрелкового полка штабс-капитан Россов.

На штабс-капитана Губерского (5-го апреля) было возложено выяснение следующих вопросов:

1) не происходит ли какое-либо движение японцев западнее р.Дунляохэ;

2) удобна ли вообще местность для такого движения, между предполагаемой нами границей Монголии по р.Дунляохэ и границей, принимаемой японцами по захваченной у них карте (т.е. в 30 — 40 вер. западнее р.Дунляохэ);

3) установить, насколько возможно, где в действительности проходит граница Монголии;

4) каким способом наиболее удобно наблюдать эту полосу.

Разведка выяснила:

1) что, по сведениям китайцев, в Монголии японских войск нет, кроме больших шаек хунхузов[5] в районе Чженцзятунь, руководимых японскими офицерами;

2) движение по направлению Факумынь — Чженцзятунь — Цицикарь по полосе к западу от р.Дунляохэ (за 40 вер.) вполне удобно;

3) в действительности граница Монголии находится западнее меридиана г.Чженцзятунь и

4) наиболее удобно производить наблюдение полосы между р.Дунляохэ и границей Монголии — из г.Чженцзятунь, который следует занять.

Для более глубокой разведки в Монголии был послан в конце апреля штабс-капитан Россов и переводчик монгольского языка при штабе Главнокомандующего студент С.-Петербургского Императорского Университета Владимир Шангин под видом датского корреспондента и состоящего при нем переводчика.

Маршрут их следования был следующий: ст.Фанцзятунь — гора Харбашань — г.Чженцзятунь — через хошун Бинту-Ван — на ст.Байцзыпу Синмингинской жел. дороги.

Их разведка выяснила:

1) что в Монголии крупных японских отрядов нет. Есть только шайки хунхузов, состоящих на службе у японцев и действующих под руководством японских офицеров;

2) что дороги по границе Монголии удобны для движения, но наступление крупных отрядов невозможно за недостатком местных средств;

3) монгольские князья южных хошунов склоняются скорее на сторону японцев. Что касается постоянной разведки в Монголии, то она была возложена на штаб 3-ей армии, штаб тыла Маньчжурских армий, пограничную стражу и на военного комиссара Хейлунцзянской (Цицикарской) провинции.

Все эти учреждения и лица имели своих постоянных агентов в Монголии, частью же получали сведения от монгольских князей и администрации, с которыми успели завязать дружественные отношения еще в мирное время.

Ввиду особой важности Долон-Норского района, через который ведут лучшие караванные пути к Цицикару, для наблюдения за этим районом наш консул в Урге, по соглашению с Главным начальником тыла, командировал в апреле месяце в Долон-Нор, под видом ученого-путешественника, служащего русско-китайского банка г-на Москвитина.

Еще с разрешения Наместника штабом Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи была снаряжена особая экспедиция подполковника Хитрово, которая в конце прошлого 1904 г. была направлена в Монголию для наблюдения за действиями противника в этой стране. Местом пребывания экспедиции была выбрана ставка монгольского князя, хошуна Чжасту, Вана-Удая, откуда посылались разведчики и разъезды во всех направлениях. Кроме сведений о противнике, экспедиция заводила дружественные отношения с монгольскими чиновниками и населением, составляла кроки местности и сообщала статистические данные о крае.

К разведке в Монголии был, между прочим, привлечен и коммерческий заготовитель для войск Маньчжурских армий А.Г.Громов.

Г-н Громов являлся для названной цели весьма подходящим лицом, как человек, знакомый еще в мирное время с Монголией и имевший сношения с монгольскими князьями.

Г-н Громов снабжал своих агентов, командируемых в Монголию и в Маньчжурию для покупки скота, особыми инструкциями для попутного сбора сведений о противнике.

Один из агентов г-на Громова, главноуполномоченный его фон Грунер, который находился для покупки скота в г.Чженцзятуни, доносил непосредственно генерал-квартирмейстеру при Главнокомандующем все попадавшиеся к нему сведения о противнике в ближайшем районе в Монголии.

Непосредственно в распоряжении штаба Главнокомандующего для ведения разведки на правом фланге, находился еще прикомандированный к Управлению генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем чиновник особых поручений Дмитрий Янчевецкий,

владеющий китайским языком и знакомый с местными условиями.

Районом его наблюдения посредством китайцев-разведчиков была полоса впереди нашего правого фланга, примерно к западу от Мандаринской дороги (Сяотайцзы, Пабоатунь, Юшитай) до монгольской границы.

Г-н Янчевицкий вел разведку, согласно получаемых каждый раз особых инструкций.

Наконец, нельзя не упомянуть еще о разведке, производимой штабом Забайкальской области.

Главным предметом разведки, веденной названным штабом, служила Гандчжурская ярмарка, где, вследствие большого стечения народа, можно было опасаться присутствия переодетых японских агентов, вербующих хунхузов для нападения на нашу железную дорогу и на ст. Маньчжурию, находящуюся недалеко от этой ярмарки.

Наблюдение за нашим левым флангом, преимущественно за районом Ажехэ — Гирин — Гуангай — Дьяпигоу — Тунфасы — Хуньчунь — Нингута, было поручено штабу тыла.

Вторым органом, ведающим за разведку на этом фланге, являлся военный комиссар Гиринской провинции Генерального штаба полковник Соковнин.

Сведения, доставляемые полковником Соковниным, отличались полнотою, достоверностью и разнообразием по характеру сообщаемого, благодаря тем широким связям, которые он за свое долгое пребывание на Дальнем Востоке успел установить с китайской администрацией и с представителями всех слоев местного населения.

Успешному ведению разведки много способствовало географическое положение г.Гирина, откуда военным комиссаром посылались китайцы-разведчики и разъезды из состава непосредственно ему подчиненных войск, для разведки о противнике, а также в сторону верховьев реки Ялу и Тумени для поддержания связи с нашими войсками, действовавшими в Корее.

Сверх разведки полковнику Соковнину было поручено еще в мае месяце с. г. принять всевозможные ме-

ры склонить на нашу сторону китайца Хандэнгю, предложив ему и его людям щедрое денежное вознаграждение, так как имелись сведения, что Хандэнгю и его люди поступают на службу к японцам.

Хандэнгю, главарь независимой Дьяпигоуской вольницы, игравший роль еще в 1900 году во время боксерского движения и бывший в состоянии выставить до 10 тысяч собственных хунхузов, приобретал для нас большое значение вследствие нахождения его области на нашем левом фланге.

В июне месяце с. г. полковник Соковнин вошел в сношение с Хандэнгю, поставив ему следующие условия:

1) его люди не должны оказывать содействия японцам,

2) они не должны поступать на японскую службу,

3) они должны вести непрерывную разведку и сообщать нам все сведения об японцах и

4) на организацию разведки мы дадим сумму по его назначению и примем меры, дабы населению не чинилось никаких притеснений.

В июле месяце Хандэнгю согласился на поставленные нами условия и аккуратно посылал своих людей для разведки.

Параллельно с названными органами, ведавшими специально за разведку на флангах, таковая велась еще соответствующими армиями и отрядами (1-й и 2-й армиями, отрядами полковника Мадритова, генерал-лейтенанта Ренненкампфа и генерал-адъютанта Мищенко).

Необходимо еще упомянуть о специально разведочных отрядах, действовавших преимущественно на флангах.

Такие отряды были сформированы из китайцев, согласно особо утвержденных Главнокомандующим штатов, причем право формирования туземных сотен было предоставлено исключительно командующим армиями и главному начальнику тыла.

Туземные сотни были сформированы (еще до Мукденских боев в феврале) генерал-майором Ухач-Огоровичем, штабом тыла, штабом Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи и штабом 3-й армии. Для действия в Монголии шта-

бом тыла были сформированы на тех же основаниях сотни из монголов.

В непосредственном ведении штаба Главнокомандующего находился туземный китайский отряд Пинтуй («все сбивающий перед собой»).

Отряд этот был сформирован добровольно на собственные средства купцом Тифонтаем, желавшим «послужить на пользу русских».

По сформировании его (10 июня с.г.) отряд был послан на наш левый фланг в районе действия генерала Ренненкампфа для освещения района Хайлунчень — Тунхуасянь — Хуайженсянь — Синминпу, в котором, по имевшимся тогда сведениям, было сосредоточено до трех новых японских дивизий.

Во главе отряда стоял полковник китайской службы Чжан-чжен-юань, лично известный Главнокомандующему.

Для наблюдения за действиями отряда при нем состоял сначала штабс-капитан 11-го В.С. стрелкового полка Блонский, а потом поручик 35-го В.С. стрелкового полка Суслов.

Туземные отряды в общем не оправдали возлагавшихся на них надежд по разведке и сколько-нибудь ценных сведений о противнике вообще не дали. Независимо сего постоянно поступали жалобы от населения на милиционеров-китайцев, состоявших на нашей службе, за чинимые ими грабежи и насилия, что заставило в конце концов отказаться от содержания на нашей службе китайских отрядов. К концу августа 1905 г. все эти отряды были распущены. Из туземных отрядов лучше других, организованней, являлся отряд Пинтуй, в котором, благодаря энергии и личному влиянию Чжан-чжен-юаня, поддерживалась во все время его существования железная дисциплина. Главная причина неудовлетворительной деятельности китайских отрядов заключалась в недостатке офицеров, знающих китайский язык, которые могли бы быть назначены состоять при названных отрядах для руководства и наблюдения за их деятельностью. В непосредственном распоряжении штаба Главнокомандующего состоял еще отдельный (сборный) дивизион разведчиков, сформированный еще генерал-адъютантом Куропаткиным из лучших войсковых разведчиков. Дивизион

состоял из двух сотен, из коих первая оставалась в распоряжении штаба Главнокомандующего, а вторая была назначена в распоряжение штаба 1-й Маньчжурской армии.

Г. Подготовка нашего тыла в отношении разведки на случай отхода армий

Опыт войны доказал, насколько отсутствие надлежащей подготовки тыла в отношении разведки отражалось вредно на ее продолжении после нашего неоднократного отступления. Было замечено, что соприкосновение с противником прерывалось каждый раз после боев на более или менее продолжительное время до возобновления связи с противником через посредство подыскания новых агентов.

Ввиду этого и в особенности по причине возможности дальнейшего нашего отхода к Куанчендзы было признано необходимым тотчас же после Мукденских боев озаботиться подготовкой ближнего тыла, примерно до параллели Куанченцзы. Купцу Тифонтаю было предложено штабом Главнокомандующего устройство агентов-резидентов в нашем ближнем тылу и при самих японских войсках, при каждой дивизии и резервной бригаде. Эти агенты должны были следить и немедленно доносить о всяком передвижении японской дивизии или бригады, при которой они состояли. Тифонтай нашел последнее невыполнимым, ввиду тех строгих мер, которые японцы предпринимали против наших лазутчиков. То же было предложено штабам армий, которые должны были учредить постоянных агентов-резидентов в важнейших пунктах ближайшего тыла, преимущественно узлах дорог, причем агентам-резидентам давалась для руководства особая инструкция.

II. ПЕРЕВОДЧИКИ

В настоящую кампанию обеспечение армий переводчиками являлось вопросом первостепенной важности. С языками противника и местного населения войска европейской России были совершенно незнакомы,

а в рядах войск Восточной Сибири число лиц, знающих эти языки, было весьма ограниченное.

Названный вопрос осложнялся еще тем обстоятельством, что на театре военных действий приходилось иметь дело, кроме китайского, также с корейским и монгольским языками. Таким образом, являлась потребность в переводчиках четырех восточных языков: японского, китайского, корейского и монгольского.

Насколько вопрос переводчиков был поставлен неудовлетворительно, можно заключить из нижеприводимых цифровых данных.

а) японский язык

Переводчиков японского языка на всю армию имелось всего 11 человек, из коих 8 Восточного Института и 3 вольнонаемных (из них один знал только разговорный язык). Таким образом, даже не было возможности снабдить переводчиками японского языка столь крупные единицы, как корпуса и отряды.

Из всех одиннадцати переводчиков только один, г-н Тихай, а впоследствии с мая месяца с.г. с приездом Г.Хан-пиль-меня, двое могли разбирать японскую рукопись. Это последнее обстоятельство имело специально для разведки ту невыгоду, что только эти два лица могли читать японские рукописные документы, какими являлись казенная переписка, частные письма, дневники и т.п., служившие важнейшими документальными данными для определения частей войск противника.

Между строевыми офицерами почти вовсе не было знающих японский язык.

б) китайский язык

Более благоприятно обстояло дело с переводчиками китайского языка, так как число офицеров из Восточного Института, знающих этот язык, было значительно большее. Почти все корпуса имели интеллигентных переводчиков-офицеров или студентов названного института. Кроме того, при строевых частях состояли простые китайцы в качестве переводчиков для сношений с местным населением.

Нельзя не отметить, что этот элемент был малонадежный: были даже неоднократно указания, что через посредство этих последних передавались японцам сведения о наших войсках и кроме того, эти китайцы зло-

употребляли нередко своим положением во вред местному населению, что вызывало жалобы и портило наши отношения к нему. Это вполне понятно, так как названная категория переводчиков комплектовалась исключительно из местных китайцев, служивших в мирное время у русских — подрядчиками, приказчиками и т.п. Жалованье им платили от 30 до 70 рублей без лошади.

в) корейский язык

Что касается переводчиков корейского языка, то их было достаточно: 1) потому, что в Корее приходилось действовать незначительному числу войск, и 2) в Южно-Уссурийском крае живут корейцы, русские подданные, которые очень охотно поступали в войска переводчиками.

Число лиц, знающих корейский язык письменно, было сравнительно немного.

Но недостаток в ученых переводчиках не ощущался особенно остро, так как несравненно большей части армии вовсе не приходилось действовать в Корее и поэтому сношений с корейским населением и властями почти не было.

г) монгольский язык

Знающих язык литературно, т.е. разбирающих монгольскую письменность, было только двое: студент С.Петербургского Императорского Университета В.Шангин и окончивший Восточный Институт Хионин. Что же касается разговорного языка, то таких переводчиков можно было находить в достаточном количестве между казаками бурятами.

Недостаток лиц, знающих монгольский язык, был менее ощутим, так как нашим войскам мало приходилось иметь дело с монголами.

Нельзя не отметить, что особенно ощущался недостаток в лицах, знающих японский и китайский языки.

Основательное знание японского языка, в особенности умение разбирать японскую рукопись, являлось необходимым условием для разбора японских документов, которые представляли самый ценный материал для разведки.

Между тем таким знатоком японского языка и рукописи, как выше указано, был на все три армии толь-

ко один — г-н Т и х а й, великолепно знающий японский язык, знакомый с Японией и с организацией японской армии (как уроженец г.Токио, сын бывшего псаломщика при Посольской церкви).

Г-н Тихай все время находился с начала кампании при штабе Маньчжурской (потом 1-й Маньчжурской) армии, куда и посылались неразобранные рукописные документы из других армий. В начале мая с. г. прибыл в штаб Главнокомандующего второй переводчик японского языка, умеющий разбирать японскую рукопись, служивший переводчиком при нашем консульстве в Чемульпо, бывший лектор Восточного Института, корейский подданный Ханпиль-мень.

Сравнительно небольшое количество офицеров, владеющих китайским языком, затрудняло в высшей степени разведку через китайцев, так как успешно мог вести таковую только офицер, знающий китайский язык.

Нельзя не отметить ту пользу, какую принес армии Восточный Институт (во Владивостоке). Строго говоря, слушатели последнего — офицеры и студенты — были единственные надежные и интеллигентные переводчики.

В заключение необходимо упомянуть о книгах-переводчиках, коими снабжались войска.

Общий их недостаток заключался в том, что слова и предложения изображались не иероглифами, а русскими буквами. Так как этим способом не могло точно передаваться произношение восточного языка, то слова и предложения часто оставались непонятными. Исключение составлял переводчик* китайского языка, составленный Яковом Брандтом (в Пекине), в котором слова и предложения изображены не только русскими буквами, но и китайскими иероглифами.

Этот последний способ имеет то огромное преимущество, что неправильность произношения русскими китайских слов пополняется прочтением китайцем соответствующих иероглифов в книге переводчиков.

---

* Так назывался словарь. — *И.Д.*

III. БОРЬБА СО ШПИОНАМИ ПРОТИВНИКА

Хотя на точном основании § 202 Положения о полевом управлении войск в военное время (приказ по В.В. 1890 г. № 62) в круг деятельности разведывательного отделения не входит принятие мер для борьбы со шпионами противника, но вопрос этот был в течение почти всей кампании так неудовлетворительно поставлен, что было признано необходимым дать некоторые руководящие указания в этом отношении.

Недостаток жандармско-полицейского надзора за малочисленностью личного состава (только с конца 1904 г. начали прибывать на театр военных действий полуэскадроны полевых жандармов, коих было всего только четыре и то под конец войны) и отсутствие опытных сыскных агентов делали борьбу со шпионами неприятеля почти невозможной.

Не лучше обстоял порядок судебного разбора дела со шпионами: между началом возбуждения судебного дела и окончанием его протекал нередко большой промежуток времени — иногда до 6-ти месяцев и более, между тем как скорый суд в делах о шпионах, в особенности, является вопросом первостепенной важности.

Ввиду вышеизложенного и в целях лучшей постановки дела надзора за шпионами и более скорого разбора судебных дел о них, было признано необходимым принять неотложно надлежащие меры.

Поэтому после Мукденских боев розыск неприятельских шпионов, преимущественно из европейцев (евреев, греков, армян, турок и проч.) и негласный надзор за ними имелось в виду возложить на некоего Персица (рядового 4-го Заамурского железнодорожного батальона) под непосредственным руководством заведующего жандармско-полицейским надзором Маньчжурских армий отдельного корпуса жандармов подполковника Шершова.

Названный Персиц казался по своим способностям, знанию иностранных языков и своей службе до войны в сыскной полиции лицом, вполне подготовленным для намеченной цели.

Ввиду имевшихся сведений, что очагом шпионства неприятеля являлся г.Харбин, Персиц был командирован в этот город, причем на организацию и ведение этого дела ассигновалось ежемесячно в распоряжение подполковника Шершова 1000 рублей.

Но попытка эта окончилась полной неудачей, вследствие того, что Персиц оказался нравственно несостоятельным и не сумел подыскать хороших сыскных агентов.

С большим успехом велась борьба с неприятельскими шпионами из китайцев. Лучшим приемом было признано ведение ее посредством китайцев же.

Дело это было поручено купцу Тифонтаю, агенты которого действительно вскоре раскрыли несколько шпионских гнезд, среди них самые значительные в Маймайкае и в Гунчжулине.

Поимкой неприятельских лазутчиков занимались также агенты начальника транспортом Маньчжурских армий Генерального штаба генерал-майора Ухач-Огоровича.

В течение мая с.г. были получены неоднократно сведения о том, что японцы высылают в большом количестве лазутчиков-китайцев в расположение наших армий, в тыл их и на все железнодорожные станции, преимущественно на участке Харбин — Гунчжулин, для сбора сведений о наших войсках, особенно для наблюдения за вновь прибывающими из России подкреплениями.

Ввиду этого отношением от 7-го июня с.г. за № 6883 был запрошен начальник военных сообщений при Главнокомандующем по следующим пунктам:

1) Какие приняты меры названным управлением относительно наблюдения и задержания японских шпионов.

2) На какие органы эти обязанности возложены в расположении армий, в тылу и на железнодорожных станциях.

3) Какие инструкции даны органам, на которые возложено законом наблюдение за шпионами и задержание их.

4) Принятие каких мер считалось бы желательным для более успешной борьбы со шпионами противника.

В ответ на это отношение была препровождена и.д. начальника этапов «Инструкция для руководства комендантам этапов для борьбы со шпионством».

Инструкция эта была препровождена военному следователю полковнику Огиевскому на заключение.

Инструкция с приложением заключения полковника Огиевского была препровождена для сведения и руководства в штабы: армий, Приамурского военного округа, тыла армий, Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи и военным комиссарам.

Для ускорения, а главное для объединения всех дел о неприятельских шпионах в руках одного лица, было возбуждено ходатайство о прикомандировании к Управлению генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем специального военного следователя.

Выбор пал на военного следователя 3-й Маньчжурской армии при 4-м армейском корпусе полковника Огиевского, который уже был несколько лет помощником военного прокурора, четвертый год состоял военным следователем, был уже знаком с организацией шпионства в Японии и по месту постоянного служения при штабе 4-го армейского корпуса жил близ штаба Главнокомандующего.

Сосредоточение всех дел о шпионах неприятеля в руках одного опытного лица имело еще то большое преимущество, что мы узнавали новые приемы ведения тайной разведки японцами, по мере того, как они выяснились из разбора судебных дел и которые японцы, как установлено, часто видоизменяли.

Прилагается доклад полковника Огиевского «Об организации шпионства в японской армии».

Кроме того, штаб получал сведения о всех подозрительных лицах из разбора судебных дел и захваченных вещественных доказательств.

Независимо от этого, находились на учете у полковника Огиевского все подозреваемые в шпионстве лица, сведения о которых получались разведывательным отделением от наших военных агентов, комиссаров, консулов и проч.

За все время прикомандирования полковника Огиевского к Управлению генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем было рассмотрено 8 дел о непри-

ятельских шпионах, всего о 25 обвиняемых, из коих осуждено и казнено 16 человек, а оправдано 9.

Из дел о шпионах было установлено, что японским лазутчикам из китайцев для сбора сведений о наших войсках указывалось обращать внимание главным образом на цвет и шифровку погонов.

Дабы затруднить японцам пользоваться этим самым безопасным и надежным средством для установления частей наших войск, был поднят вопрос о снятии нашими войсками погонов наподобие японской армии, но такая мера была признана неудобной ввиду дисциплины.

В заключение нельзя не отметить, что борьба со шпионами затруднялась в высшей степени еще тем обстоятельством, что японцы могли пользоваться для целей тайной разведки своими соотечественниками. Эти последние, по наружности похожие на китайцев, переодевались в китайское платье, привязывали косу и в среде настоящих китайцев делались неузнаваемыми для неопытного глаза наших войск. Местное население их не только не выдавало, но даже часто скрывало.

Случаи поимки таких шпионов были очень редки, за всю кампанию — 4, и всегда были случайными[6]. Но как видно, отчасти из опросов пойманных разведчиков-японцев, отчасти же из других источников, японцы, в особенности накануне больших наступательных операций, высылали всегда густую цепь переодетых китайцами разведчиков, преимущественно из офицеров и нижних чинов кавалерии.

IV. СБОР И ОБРАБОТКА СВЕДЕНИЙ О ПРОТИВНИКЕ. СВОДКА

Главной задачей разведывательного отделения была группировка всех разнообразных сведений о противнике, поступающих в штаб Главнокомандующего, и возможно частое сообщение их, в обработке, войскам. Выливалось это в виде «сводок сведений о противнике».

Настоящий отдел имеет целью рассмотреть следующие вопросы:

А. Источники, которые служили материалом для сводки.

Б. Группировку сведений.

В. Характер содержания и принятую форму сводки.

Г. Снабжение сводками войск.

А. Материал для сводки

Сведения о противнике, поступавшие в Штаб, делились:

1) на получившие предварительную обработку в низших штабах и

2) на сырой материал.

Первые обычно представлялись в форме «сводок», т.е. донесения из первоисточников, уже оказывались выжатыми; все наиболее достоверное и существенное в них отобрано и сделаны выводы на основании критического сопоставления с другими данными.

Так как в Штаб продолжало поступать много донесений непосредственно от войск пограничной стражи, и с целью снять с разведывательного отделения непроизводительную работу группировки и разбора сведений, которые должны были быть сведены в низших штабах, было предложено (в марте 1905 г.) штабу Заамурского округа представлять сведения в виде сводок.

Вследствие этих указаний донесения чинов пограничной стражи стали поступать в штаб округа в этой форме.

К той же форме перешел и Мукденский комиссар.

Поступление же в штаб Главнокомандующего донесений непосредственно от войск было ограниченно.

В последнее время материал для сводки уже распределялся так:

1. Предварительно обработанный
Сводки штабов:
1-й армии
2-й армии
3-й армии;
Приамурского военного о. (с 1 июля);
Заамурского окр. пограничн. стражи (с 2-го апреля);
Мукденского военн. комиссара (с апреля).

2. Сырой

Донесения:

а) Дальней и ближней агентуры штаба Главнокомандующего.

б) Штаба тыла.

в) Войсковых штабов: отрядов ген. Ренненкампфа и Мищенко.

Опросы
пленных,
(копии).

Выборки из газет.

Копии с донесений непосредственно от штабов отрядов генералов Ренненкампфа и Мищенко имели значение, так как отряды эти носили характер отдельных фланговых*.

Опросы пленных, показания которых уже входили в сводки армий, препровождались в копиях в штаб Главнокомандующего ввиду того, что показания эти давали богатый материал по вопросам организации японских армий.

Пользование японской печатью было крайне затруднено тем, что в нее не проникала военная тайна, кроме того, офицеры Генерального штаба разведывательного отделения были в руках малочисленных и сравнительно мало знающих переводчиков.

Б. Группировка сведений

Сведения о противнике при разборе было принято делить по степени вероятия на так называемые *документальные*, т.е. несомненные, и *вероятные*, приводившие к предположительным заключениям.

Документальные сведения получались посредством: захвата пленных, различных знаков отличий войск, записных книжек, писем и т.п.

Сведения эти служили *основой* при сведении в одно всех разнообразных данных. В канву документальных сведений вплетались, с тем или другим показателем достоверности, предположительные.

---

* Поступавшие иногда донесения от других войсковых штабов были случайными.

Эти последние получались из опросов пленных и донесений тайных агентов и, хотя весьма мало, из печати. Показаниям пленных, на основании опыта, давалась большая вера, так как показания их часто документально подтверждались. Сведения же тайной разведки, зависящие от надежности лазутчиков, по степени вероятия ставились на последнее место*.

После боя под Мукденом к лазутчикам, разведывающим расположение армий Ойямы, были предъявлены требования доставки документов. Донесения, сопровождаемые таким подтверждением, были оцениваемы выше.

Отдельную, сравнительно незначительную, группу сведений составляли выборки из прессы. Более ценные были почерпнуты из японских и английских газет.

Такие вопросы разведки, как устройство тыла противника, расположение глубоких резервов, подход подкреплений, новые формирования, мобилизация частей в Японии — освещались главным образом донесениями тайных агентов;

организация — главным образом — показаниями пленных и документами;

группировка сил, укрепления на фронте — преимущественно непосредственно войсковой разведкой, доставлявшей пленных и другие документальные данные.

Естественно, что самые точные сведения имелись в разведывательном отделении относительно группировки войск в ближайшей полосе и об организации (на основании результатов войсковой разведки) и менее достоверные — о глубоких резервах и о том, что делалось в далеком тылу до Японии включительно.

Как известно, после Мукдена связь с противником была совершенно потеряна; поэтому не лишен интереса характерный порядок, в котором картина положения японцев восстановилась**.

---

* Справедливость требует отметить, что некоторые донесения тайной агентуры были замечательно точны. Так, день высадки на Сахалине был предсказан за месяц (в середине мая) двумя донесениями: 1) бывшего корейского посланника г-на Павлова (№ 363), указавшего 20 июня и 2) генерала Десино (№ 612), передавшего сведения из Чифу от штабс-капитана Россова, указывавшего на 25-е июня. В первом случае ошибка на один день, во втором — на 4.

** Насколько она была верна — вопрос другой и дело истории.

В первых числах марта вошла в соприкосновение конница сторон и вырисовалась только линия передовых конных частей.

В середине марта вполне определилась линия пехотного охранения и места авангардов на важнейших операционных направлениях, а на крайнем востоке обнаружены части армии Кавамуры (в долине Хуньхе).

25 марта уже документально были установлены японские войсковые части в трех точках фронта, а именно: авангард армий Ойямы (Нодзу в районе Кайюань-Телин) и конные авангарды: бригада Тамуры (по дороге на Цзинцзятунь) и бригада Акиямы на (Цулюшу).

2 апреля (сводка № 36) в общих чертах намечались районы двух фланговых армий — Ноги и Кавамуры. Об армиях Оку и Куроки делалось предположение (на основании сведений лазутчиков и метода сопоставления), что обе они в резерве за серединой. Другими словами, рисовалось, что армии Ойямы были расположены в крестообразном порядке.

16 апреля (сводка № 47) первое документальное сведение об армии Куроки подтвердило существовавшее о ней предположение.

К 28 апреля расположение армий, кроме Оку и Куроки, остававшихся в резерве, было определено уже по дивизиям (сводки № 53).

2 мая выяснился выход из резерва армии Куроки и расположение двух ее дивизий (сводка № 56).

Наконец к 11 мая (сводка № 63) установлено появление головы армии Оку.

Таким образом, к этому времени порядок развертывания японских армий не возбуждал никаких сомнений. В резерве считались: 3, 4, 8 гвардейские полевые дивизии и все резервные части, не считая 1-й резервной дивизии Ялучжанской армии.

К середине мая, т.е. через 2,5 месяца после потери связи с противником, группировка была более или менее подробно восстановлена.

В общих чертах (по армиям) она была восстановлена 2-го апреля, т.е. через месяц.

В области организации и новых формирований группировка сведений, большинство которых было от тайных агентов, позволила сделать к августу месяцу несколько выводов, подтвердившихся затем докумен-

тально (сводки №№ 70, 74, 85, 99, 100). Так, была подмечена реорганизация резервных войск и установлено сформирование весной и в течение лета пяти новых полевых дивизий №№ 13 — 17.

Труднее всего было следить *за подходом подкреплений* к армиям Ойямы.

Благодаря тому, что в японскую печать никогда не проскальзывали подобные указания*, в документах также их почти не встречалось, а пленные, видимо, искренно не знали об этом, приходилось сопоставлять между собою *исключительно сведения лазутчиков*. Работа же этих последних была крайне затруднена отсутствием наружных отличий в японских войсках (сводка № 96).

Факт прибытия на Маньчжурский театр трех новых полевых дивизий (14-й, 15-й и 16-й) и их места были окончательно удостоверены лишь документами, захваченными в конце августа на фронте 1-й армии (сводка № 100).

До этого же времени прибытие подкреплений в виде новых дивизий, хотя и было признано (вследствие значительного числа показаний лазутчиков) весьма вероятным и, притом, именно в числе 3-х (сводка № 79 и др.), но не поддавалось определению: точное время их прибытия, пути подхода и районы сосредоточения.

Сравнение выводов, явившихся результатом разбора сведений о группировке армий Ойямы *на фронте* и сведений о подходе подкреплений, т.е. о том, что делалось у него в *тылу*, характеризует уверенность и твердость первых и гадательность вторых.

Думается, что гадательность выводов, построенных на донесениях из односторонних источников и при этом еще из наименее надежных (лазутчики), вполне естественна.

В. Характер содержания и форма сводки

Исследования велись по следующим вопросам.

1. Группировка на театрах Маньчжурском и Корейском. Укрепления.

---

* По законам военного времени японские газеты не имеют права свободно говорить о войне.

2. Подход подкреплений.
3. Планы японцев.
4. Устройство тыла.
5. Организация и состав войск.
6. Численность.
7. Новые формирования.
8. Тактика японской армии.

Сообразно с этим разделялись и отделы в сводках. При этом практика показала, что загромождение одной сводки ответами на все или даже несколько перечисленных вопросов, неудобно и что, наоборот, цельность как исследования, так и впечатления достигаются лучше при сводке, затрагивающей одну какую-нибудь сторону разведки или немногие из них зараз, такой тип сводки, стремящийся к возможной сжатости и избегающий разброски и был принят как наиболее отвечавший требованиям штаба Главнокомандующего.

Сведения, которые не могли быть включены в перечисленные крупные отделы и случайного характера, как то: настроение войск и жителей, вооружение, флот, данные исторического интереса и т.п., составляли отдел «разных известий».

В некоторых объяснениях нуждаются *отделы: группировки и численности войск.*

Группировка войск армии Ойямы составлялась в том предположении, что отдельные армии *сосредоточены*, т.е. части, которые в действительности могли быть в резерве, но могли быть и в сравнительном удалении на сообщениях, предполагались в резерве*.

Численность войск в ружьях давалась двумя цифрами: 1) штатного состава и 2) с 25% сверхштатной надбавкой, о которой с начала войны накапливались довольно определенные сведения.

В общем, для противника принимались самые благоприятные условия.

Что касается *формы сводки*, то, преследуя цель сжатости изложения, разведывательное отделение

---

* О группировке войск в Корее имелись бедные сведения. Отчасти это можно объяснить затишьем на этом второстепенном театре. В конце лета, когда в Северной Корее установилось тесное соприкосновение между враждующими сторонами, положение противника начало определяться более точно. (Сводки о Корее: №№ 32, 34, 36, 39, 48, 51, 52, 60, 62, 63, 67, 73, 75, 82, 85, 88, 89, 92 и 96.)

стремилось вынести из текста, что возможно, в *схемы* и *таблицы*.

Достигалась и наглядность, что особенно было важно для группировки войск. Схем группировки было дано за период с апреля по 1-е августа — 13, таким образом, примерно три раза в месяц давалась общая схема расположения противника.

Всего же различных отдельных схем было издано 22.

Кроме того, схемы частных положений помещались в тексте.

Таблиц с цифровыми данными за то же время (численность, состав) было помещено 12.

Наконец, те из исследований, которые требовали более пространного изложения, было принято выносить в *приложения*.

За рассматриваемое время были изданы следующие приложения:

1. Заметка о японской тактике (к сводке 4-го мая № 57).
2. Развертывание боевого порядка дивизии в наступательном бою (к сводке № 64).
3. Данные об организации запасных войск и мерах, предпринимаемых для увеличения боевого элемента в армиях (к сводке № 66).
4. О рекрутском резерве (к сводке № 85).
5. Воинская повинность. Состав сухопутных вооруженных сил Японии, прохождение службы (к сводке № 90).
6. Заметка о японской стратегии и тактике (к сводке № 95).

Кроме сводок о противнике, назначение которых заключалось в том, чтобы непрерывно держать войска в курсе дела, разведывательное отделение издавало справочные сведения для войск, а именно:

«Организация японских сухопутных вооруженных сил», «Краткое описание форм обмундирования» и «Перечень начальников»*.

Все эти данные, напечатанные в одной брошюрке, были изданы за время с марта по август дважды; первое издание

---

* Желательно было издать фамилии японских начальников, изобразив их иероглифами, ибо лазутчики-китайцы обычно называли генералов их настоящими иероглифами по китайскому произношению, затруднение возникло из-за неимения шрифта иероглифов.

— исправленное и дополненное по 12-е апреля 1905 г.; второе

— исправленное и дополненное по 20-е июля 1905 г.

Г. Снабжение сводками войск

В основании решения этого вопроса была положена мысль возможно широкой ориентировки войск относительно противника, т.е. положено было стремиться *к самому широкому распространению сводок в войсках.* Внешней причиной слабого распространения сводок до Мукдена включительно был недостаток *технических средств.* Сводки печатались на гектографе, дающем лишь небольшое число линючих оттисков.

В целях получения возможно большего числа экземпляров, в марте разведывательным отделением штаба Главнокомандующего был приобретен мимиограф, дающий хотя до 1000 оттисков, но требовавший сложной и долгой работы.

Во всяком случае, снабжение штабов армий сводками удалось усилить в расчете, примерно, по одной на каждый из штабов корпуса и дивизии.

В апреле была приобретена Управлением генерал-квартирмейстера от штаба 71-й пехотной дивизии походная типография. Будучи предоставлена в пользование, главным образом, разведывательному отделению, она окончательно разрешила вопрос снабжения войск сводками в достаточном количестве.

Первая печатная сводка вышла 7-го мая (№ 60)*.

С этих пор сводки высылались в штабы армий в расчете по одной на все войсковые штабы до пехотных и кавалерийских полков, артиллерийских полевых и парковых бригад включительно, всего до 500. Прямым следствием этого было предъявление требования — *обязательного* ознакомления всех офицеров со сведениями о противнике.

Следует отметить еще, что было признано полезным посылать сводки о противнике во все Управления

---

* Одновременно с приобретением типографии из Петербурга был выписан крупный шрифт для этой типографии, имевшей лишь трудно читаемый петит. Первая сводка, напечатанная новым шрифтом, вышла 19-го мая (№ 82).

штаба Главнокомандующего, а также в центральные и окружные штабы России.

Что касается *схем* к сводкам, то печатание их в таком же количестве (до 500), как и сводки, — оказалось невозможным.

Схемы исполнялись большей частью в две краски и печатались на шапирографе, приобретенном для разведывательного отделения. Шапирограф дает с одного оригинала не более 70 хороших оттисков. Поэтому для увеличения их числа приходилось вычерчивать оригинал в двух или трех экземплярах и с каждого из них снимать оттиски. Таким образом, общее число схем колебалось от 140 до 210 и значительная часть сводок оставалась без схем*.

V. МЕРЫ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ НАШЕГО ВЛИЯНИЯ В КИТАЕ, МАНЬЧЖУРИИ И МОНГОЛИИ. ПЕРЕПИСКА ПО РАЗНЫМ ДЕЛАМ, НЕ ИМЕЮЩИМ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К РАЗВЕДКЕ

А. Меры для усиления нашего влияния в Китае, Маньчжурии и Монголии

Японцы, по-видимому, еще до войны, а в особенности во время последней, прибегали к негласным субсидиям для привлечения на свою сторону иностранной печати на Дальнем Востоке в целях распространения своего влияния, сообщения благоприятных для них сведений и освещения текущих событий в выгодном для них виде, не говоря уже о распространении ложных слухов в целях демонстративных.

В виде противовеса было решено и с нашей стороны пользоваться иностранной печатью для поддержки русских интересов.

Еще приказанием Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, подтвержденным затем 15-го декабря 1904 г. генерал-адъютантом Куропаткиным и 29-го июля 1906 г. генералом от инфантерии Линевичем, с 10-го сентября 1904 г. издавалась за наш счет газета «China Review» под руководством 1-го военного агента в Китае Генерального штаба полковника Огороднико-

* В низших штабах — корпусных, дивизионных — применялся прием перепечатывания схем для войск.

ва. Издание газеты обходилось в месяц около 2,500 долларов. Цель, преследуемая изданием «China Review», заключалась в том, чтобы, на основании получаемых сведений от штаба Главнокомандующего, нашего посольства в Пекине, консулов и проч., передавать события войны в правдивом виде, так как англо-японская пресса на Дальнем Востоке была всегда склонна изображать наши неудачи в преувеличенных размерах и в самых мрачных для нас красках, при этом с большим уклонением от истины.

Для упрочения нашего влияния собственно в Маньчжурии и для распространения среди местного китайского населения достоверных и нам благоприятных сведений о положении дел на театре военных действий издавалась, с разрешения Наместника, на китайском языке в г.Мукден газета «Шенцзинбао» под руководством Мукденского военного комиссара Генерального штаба полковника Квицинского*. Личный состав редакции газеты состоял из вольнонаемных китайцев, а типография была частная.

Так как газета эта, являясь единственным по всей Маньчжурии печатным органом на китайском языке, приобрела большое распространение среди местного населения, то японцы начали преследовать посредством угрожающих писем редакцию и сотрудников-китайцев.

К газете относилось также весьма несочувственно китайское чиновничество, увидавшее в ней посягательство на права своего абсолютно бесконтрольного влияния и давления на настроение общества, и приняло поэтому все зависящие от него меры к прекращению газеты.

Ввиду названных причин издание газеты «Шенцзинбао» в конце прошлого года было прекращено, так как личный состав редакции разбежался, а хозяин типографии отказался продолжать печатать газету.

В начале нынешнего года бывший Главнокомандующий генерал-адъютант Куропаткин приказал возобновить издание «Шенцзинбао» и приобрести собственную типографию для того, чтобы печатание ее обходи-

* Он же Квецинский. — *И.Д.*

лось дешевле и чтобы редакция не зависела от частных предпринимателей.

Типография была приобретена в Шанхае и перевезена в Тяньцзин вместе с нанятыми редактором и 17 китайцами-наборщиками.

Занятие японцами г.Синминтина в феврале месяце с. г. задержало перевозку типографии и персонала.

После Мукденских боев новый Главнокомандующий нашел при тогдашнем положении вещей крайне необходимым безотлагательное возобновление издания китайской газеты.

С этой целью для перевозки типографии и личного состава редакции (18 человек) из Тяньцзина через Монголию в Харбин было отпущено 8000 лан. Но до конца войны типография не была доставлена в Харбин и возобновление издания газеты «Шенцзинбао» не состоялось.

Главными же проводниками нашего влияния в Маньчжурии являлись представители русской власти — военные комиссары: Мукденской, Гиринской и Хейлунцзянской (Цицикарской) провинций. В мирное время, когда в Маньчжурии находилось сравнительно малое число наших войск, а обстоятельства допускали некоторое промедление в решении дел, всеми делами, касающимися отношений русских и китайских властей, населения и наших войск, ведал в каждой из 3-х провинций военный комиссар, у которого имелся определенный незначительный штаб служащих.

С началом войны положение дел, сперва в Мукденской, а затем и в Гиринской провинциях резко изменилось: некоторые местности оказались сплошь занятыми войсками, жители обширных районов выселены, местные продовольственные средства пошли на потребность войск и т.п. При сложившейся, таким образом, благодаря войне, обстановке, военный комиссар со своим ограниченным штатом служащих мирного времени уже не мог решать сильно умножившееся число дел. Прежде всего вопрос о недостаточности штата военного комиссара возник в Мукденской провинции. Вследствие ходатайства Мукденского комиссара в начале этого года был объявлен новый, обширный штат военного комиссара Мукденской провинции.

С постепенным отходом наших войск к северу занятая нами территория Мукденской провинции постепенно уменьшалась, и, наоборот, Гиринская провинция приобретала важное значение, так как в ней приходилось производить различного рода работы, заготовки и прочее.

Ввиду изложенного были объявлены новые штаты для Мукденской (сокращенные) и Гиринской провинций. Кроме военного комиссара, в каждой провинции (кроме Цицикарской) были учреждены должности окружных помощников военных комиссаров и военные пристава.

Окружные помощники Военных комиссаров были учреждены: в Мукденской провинции, в Хуайженсяне, Масыкае и Таулу; а в Гиринской: в Куанчецзы, Бодунэ и Нингуте.

Военные же пристава: в Мукденской провинции: в Чженцзятуне, Бамиенчене, Херсу, Хайлунчене, а в Гиринской: в Гуангае, Лунване, Хуаничане, Улагае и Таингоу.

Эта последняя мера, т.е. учреждение окружных помощников военных комиссаров и приставов, имела целью урегулирование отношений между войсками и местным населением, в особенности, ограждение последнего от обид и притеснений со стороны войск и тем самым поднять авторитет русской власти в глазах китайцев.

Что касается настроения последних по отношению к нам, то нельзя не отметить, что китайцы относились к воюющим сторонам в общем безразлично, осторожно выжидая результатов борьбы и на чью сторону склонится успех, перед которым китайцы, как все азиаты, преклоняются беспрекословно.

Так как в течение войны счастье неизменно оставалось за японским окружением, то большинство китайцев, в особенности чиновничество под давлением Пекина, а местное население скорее из страха, чем из-за симпатий, были на стороне японцев.

Иначе дело обстояло в Монголии, в которой происходит борьба между коренным монгольским населением и китайским правительством, стремящимся к окитаянию населения и захвату монгольских земель для колонизации их китайцами. Южные хошуны Мон-

голии, окитаявшиеся уже в значительной степени и находящиеся под более сильным влиянием Пекина, тяготели скорее к японцам, северные же, отстоявшие свою самостоятельность более широко, искали в русских поддержку против Китая и, безусловно, сочувствовали нам. Тяготению к России способствует, между прочим, соседство и связь с нашими бурятами-монголами. Из монгольских князей, наиболее к нам расположенным, казался князь хошуна Чжасту Ван-Удай, который в мае месяце с. г. сам прибыл в Главную Квартиру, чтобы представиться Главнокомандующему. Необходимо отметить, что при ставке этого монгольского князя находилась монгольская экспедиция подполковника Хитрово, о которой упоминалось выше (отд. 1. лит. В). Поэтому, казалось, после смерти (24 февраля с.г.) князя хошуна Джалайт наиболее подходящим для нас кандидатом в Председатели Чжеримского сейма (10 хошунов) являлся князь Удай, но китайское правительство назначило, за неимением у князя Джалайта прямого наследника, временным заместителем — его помощника князя Южного Горлоса*, который и должен был править сеймом впредь до получения из Пекина указа Богдыхана[7] о назначении нового Председателя.

Так как князь Южного Горлоса не был особенно расположен к нам, то были сделаны в мае месяце с.г. попытки провести кандидатуру князя Удая на Председателя Чжеримского сейма, но тогдашнее наше политическое положение при пекинском дворе, в связи с тем обстоятельством, что Удай не пользовался расположением китайского правительства, заставило нас отложить это дело до окончания войны.

Единственно, что, казалось, можно было сделать в наших интересах, это воспрепятствовать утверждению князя Южного Горлоса Председателем Чжерим-

* Достойно внимания, что Джалайтские чиновники, не имея собственного войска, обратились к нам с просьбой дать конвой для охранения сеймской печати при перевозке ее в ставку князя Южного Горлоса. Главный начальник тыла Маньчжурских армий генерал-лейтенант Надаров, шедший всегда навстречу всему, что способствовало нашему сближению с Монголией, разрешил назначить для этого полусотню 26-ой сотни заамурцев под начальством поручика Коншина, имевшего связи с монгольскими князьями еще в мирное время.

ского сейма, но вопрос до настоящего времени стоит открытым.

В целях же расположить в нашу пользу князя Южного Горлоса, была сделана попытка заключить с ним договор, в силу которого он получал от нас ежемесячную субсидию в размере 5 тысяч рублей с обязательством охраны Китайской Восточной железной дороги на протяжении ее, противолежащем землям как княжества Южного Горлоса, так и всего Чжеримского сейма, т.е. от ст.Шитодчензы до ст.Гунчжулин.

Этим договором достигалась двойная цель: расположение князя Южного Горлоса, временно исполняющего должность Председателя Чжеримского сейма, в нашу пользу и охрана железной дороги.

В заключение нельзя не отметить особенно тот благоприятный случай, который представился нам в течение войны и которым было решено воспользоваться для установления более тесных отношений с монголами и для усиления нашего авторитета в их глазах.

Известно, что после занятия Лхассы англичанами, Далай-Лама[8] бежал и избрал временным местом жительства г.Ургу. Так как имелись сведения, что Далай-Лама был готов перейти под наше покровительство и переселиться в один из дацанов Забайкалья, то возникла мысль воспользоваться этим и сделать попытку к переселению его в наши пределы, тем более, что имелись сведения о готовившемся переселении Далай-Ламы в более отдаленные от нас южные хошуны Монголии, находящиеся под более строгим надзором китайских властей.

Доказательством симпатий Далай-Ламы к русским может послужить ответ его, данный монгольской депутации князя Удая: «Все тибетцы и монголы должны держаться только одного народа, именно русских и ни в коем случае не китайцев, англичан и японцев».

Для ведения этого сложного, но чрезвычайно важного для армии и России дела, переселения Далай-Ламы в пределы России, имелось в виду пригласить в армию тайного советника Позднеева, известного в России знатока Монголии и Дальнего Востока.

Запрошенные по этому поводу министр иностранных дел и Наместник на Дальнем Востоке не отнес-

лись, однако, сочувственно к вышеизложенному проекту, причем министерство иностранных дел находило наиболее соответственным — возвращение Далай-Ламы в Лхассу (секретная телеграмма министра иностранных дел Главнокомандующему от 16-го апреля с. г. за № 3817).

Таким решением вопроса, как указано в телеграмме Главнокомандующего генерал от инфантерии Линевича на имя Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке от 22 апреля за №4780, *«мы упускаем, может быть, навсегда случай получить возможность влиять в наших политических целях на весь религиозный мир Монголии, и, напротив того, восстанавливая религиозный центр в Лхассе, находящийся под непосредственным влиянием англичан, передаем это оружие в их руки».*

Б. Переписка по разным делам, не имеющим непосредственного отношения к разведке

Разведывательное отделение штаба Главнокомандующего, кроме вопросов, имеющих непосредственное отношение к разведке, ведало еще личным составом отделения, денежной отчетностью по разведке, перепиской по гражданским делам с военными комиссарами, с нашими военными агентами в Китае, а также в отделении было сосредоточено делопроизводство, касающееся иностранных военных представителей.

При иностранных военных агентах состоял Генерального штаба подполковник Базаров.

Между иностранными военными представителями находился принц Фридрих Леопольд Прусский, командированный на театр военных действий германским Императором Вильгельмом II.

Его Королевское Высочество прибыл в Главную Квартиру, на ст.Годзядян, 16 мая с. г., совершив путешествие через Монголию по маршруту: Пекин — Калган — Урга — Кяхта — Верхнеудинск — Чита — Харбин, так как предполагаемое следование принца по кратчайшему пути, т.е. по Синмингинской железной дороге, не могло состояться, в силу нахождения названной линии в руках японцев.

В последних числах мая принц посетил, между прочим, конный отряд генерал-адъютанта Мищенко, где присутствовал в деле, в ночь со второго на третье июня, под Ляо-янво-пынем. 31 августа с.г. принц Фридрих Леопольд Прусский покинул Главную Квартиру и, посетив крепость Владивосток и г.Хабаровск, отбыл с театра военных действий в г.С.-Петербург.

Свиту принца составляли офицеры германской и русской службы.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение всего изложенного в представляемом отчете о деятельности разведывательных отделений штабов Маньчжурской армии и Главнокомандующего нельзя не указать на некоторые выводы, которые можно сделать на основании опыта войны 1904 — 1905 гг. и которые могли бы в будущем оказаться небесполезными для успешной организации и ведения разведки.

I. ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВЕДКИ

А. Дальней

1) Дальняя разведка должна быть устроена на прочных основаниях еще в мирное время.

2) В военное время она является естественным продолжением того, что было сделано в мирное время. Желательно, чтобы военный агент или его помощник, в руках которых сосредотачивалась в мирное время разведка, по объявлении войны, становился во главе разведывательного отделения штаба Главнокомандующего или армии.

3) Еще в мирное время необходимо разработать способы доставки донесений дальних агентов.

4) Касаясь специально войны с Японией, следует отметить необходимость объединения мирной тайной разведки в Японии, Корее и Китае в одних руках, так как вероятный театр военных действий в будущую войну с Японией — Корея и Китай. Самым подходя-

щим — сосредоточить эту разведку в штабе Приамурского военного округа.

Записка о подобной организации была подана еще до японо-русской войны 1904 г. генерал-майором Вогак. Опыт показал, что необъединение разведки Дальнего Востока было причиной тому, что сведения, с какими мы начали войну, были малочисленны, разрозненны, малоосновательны и недостаточно обоснованы.

5) Еще в мирное время в стране будущего противника желательно наметить надежных тайных агентов, сведущих, интеллигентных, которые покрывали бы страну сетью пунктов наблюдений. Эти агенты должны продолжать свою деятельность и по открытии военных действий, дабы не было перерыва в разведке и чтобы не тратилось непроизводительно время на приискание агентов в самую горячую пору мобилизации неприятеля.

Поэтому они должны были быть выбраны из таких людей, которые по своей национальности и роду занятий не могут быть принуждены покинуть свои постоянные места жительства.

С объявлением войны на этих тайных агентов должна быть возложена разведка мобилизации, призыва разных контингентов, формирований новых частей, посылки подкреплений, подготовки и работы железных дорог, политического и экономического состояния страны и проч.

Заранее же должны быть выработаны меры по доставке сведений (шифр, условный язык и др.) на случай разрыва между государствами.

Подобно тому, как было в эту войну, желательно возложить во время войны разведывание тех же вопросов (п.5) на наших военных агентов в государствах, смежных с объявившим нам войну.

Б. Ближней

а) Прием, практикуемый *войсковой* разведкой в мирное время, т.е. стремление только глазом определить численность войск противника в том или другом пункте и фронте, занимаемый им, оказался недостаточным.

Разведка числа неприятельских войск *на глаз* имеет еще значение для небольших отрядов, но для создания картины общего положения армии противника этого совершенно недостаточно. При современных боевых условиях надо раз и навсегда расстаться с мыслью о возможности разъездам «заглядывать в тыл» и «в резервы противника». Такие задачи по плечу лишь крупным конным отрядам, высылка коих не может происходить часто. Результаты войсковой разведки только тогда полны и ценны, когда ею определяются войсковые части противника. Последнее достигается добычей пленных и документов.

Для того, чтобы захватывать из вещей только то, что имеет значение документа, необходимо знакомство войск еще в мирное время с организацией армии возможного противника, с наружными отличиями, форм одежды, если они есть*, и с теми предметами, которые следует отыскивать и подбирать. Еще в мирное время должна быть осознана войсками вся важность этих требований**.

После боя на реке Шахэ[9] войскам были предъявлены соответственные требования, и войска стали массами доставлять в разведывательные отделения предметы первостепенной важности для определения частей; прежде же многое застревало в войсках «на память», или даже бросалось как бесполезное.

Вместе с тем донесения начальников о противнике сделались тверже и обоснованнее.

б) Разведка лазутчиками. 1) Лазутчик должен быть грамотный, знающий язык противника, надлежаще ознакомлен с организацией и формой одежды противника. Подготовка может вестись в школах по типу устро-

---

* У японцев под конец почти не было — можно было различать только по родам войск, летом же сплошной наряд хаки не давал ничего. Погоны все войска сняли после Шахэ. Документами оставались личные нагрудные металлические знаки, фуражки, все конверты с адресами, бирки с ружей.

** В начале кампании, когда приемы разведки еще не установились и войска не имели надлежащих инструкций, был возможен случай, что конная бригада, находящаяся в продолжение около двух месяцев в соприкосновении с противником, не знала, какие части неприятеля действуют против нее. С другой стороны, один погон позволил определить, что в Дагушани высадилась 10-я пехотная дивизия (сводка 15-го мая 1904 г.).

енной в последнее время мукденским комиссаром. Показание лазутчика должно быть документально обосновано, насколько это возможно.

2) Лазутчик должен быть заинтересован в том, чтобы добросовестно выполнить поручение.

Штабс-капитан Афанасьев в штабе 1-й армии и штаб 4-го Сибирского армейского корпуса имели, например, по одному вполне надежному лазутчику, служившему из чувства мести за обиды, причиненные японцами их семьям.

Взятие заложников и крайняя суровость за обман до конца войны не имели у нас места. Японцы, насколько известно, широко применяли эти два средства и с пользой.

Плата лазутчикам должна отвечать качеству сведения: близорукая экономия вредит только делу.

3) Кроме разведчиков, посылаемых из штабов в расположение противника, крайне желательно иметь постоянных агентов в важнейших пунктах этого расположения (так называемых резидентов). Для передачи донесений полезно учреждение передаточных контор (род летучей почты), как это было организовано у японцев.

Кроме того, желательно иметь лазутчиков при самих войсках (например, в качестве мелких торговцев, возчиков, разносчиков и т.п.).

в) Печать. Пользование сведениями из печати было, как выяснено в своем месте, ограничено, главным образом потому, что японцы обратили самое серьезное внимание еще в мирное время на сохранение военного секрета.

Действительно, в то время, как наши газеты, не исключая и официальных, с поразительной откровенностью сообщали сведения от себя и перепечатывая официальные распоряжения, о составе и численности, усилении, группировке армий, мобилизациях в России, провозоспособности железной дороги и т.п., японская печать хранила о всем касавшемся войны глубокое молчание, военная цензура, единая для всей Японии, не пропускала даже зачастую имен начальников, не говоря уже о номерах частей и названиях пунктов. Японский Главный штаб сознавал, что недоста-

точно организовать разведку, но еще необходимо затруднить противнику таковую*.

Вот причина, по которой сведения из печати были скудны и почему такие вопросы, как подход подкреплений и тыл, могли освещаться исключительно тайной разведкой, т.е. менее всего надежной.

Но если сведения частной печати могли внушить японцам сомнения, то уже вполне достоверными и несомненными оказывались официальные сообщения «Русского инвалида» и «Военного сборника», печатавшие Высочайшие приказы, приказы по военному ведомству и по главным управлениям, содержавшие много такого, что должно было бы быть сохранено в тайне до конца войны.

Японцы же еще до войны, в конце 1903 г., прекратили печатáние в официальном органе военных мероприятий и крупных назначений. В начале войны в газеты еще проскальзывали официальные донесения японских генералов, которые могли служить до некоторой степени материалом для нас, но впоследствии редакция подобных сообщений не давала возможности сделать из них какие-либо выводы.

Кто бы ни был нашим противником в будущей войне, но нашему разведывательному отделению придется, вероятно, считаться с таким же отсутствием каких бы то ни было военных известий в прессе противника, как это было в только что окончившуюся японо-русскую войну.

Желательно и нам быть в будущем в равных условиях и не давать врагу лишнего козыря по разведке вследствие полного несоблюдения нашими газетами военной тайны.

Пример японцев, подчиняющих в военное время всю печать особым законам, весьма поучителен.

Другой причиной недостаточного использования и того скудного материала из японских газет, которым

---

* Японцы, наоборот, имели возможность с большою точностью знать обо всем, что касалось нашей армии, основываясь не столько на донесениях шпионов, сколько на бесчисленных точных и подробных сообщениях наших газет. Так в «Новом времени» было указание о том, когда прибыла к действующей армии 53-я пехотная дивизия, в какой отряд она вошла и, наконец, где именно расположена.

мы располагали, было незнакомство личного состава разведывательного отделения, не считая переводчиков, с японским языком.

Некоторые сведения в японской печати были так искусно прикрыты псевдонимами и условными оборотами, что требовали тонкого знания языка и самой страны.

Разбираться в них мог лишь один коллежский регистратор г-н Тихай, не считая г-на Бале, который пробыл при штабе всего около месяца.

На будущее желательно:

1) чтобы чины разведывательного отделения могли бы следить за всею печатью противника и др. — без помощи особого переводчика;

2) чтобы пользование прессой было самое широкое и внимательное;

3) чтобы наш собственный военный секрет тщательно соблюдался не только печатью, но и всеми воинскими чинами до рядовых включительно*.

Г-н Бале из отдела «объявлений» получил данные о разрядах контингентов по физической годности.

В японских солдатских письмах не встречалось ни названий частей, ни названий деревень. Те и другие обозначались 00. Из писем было видно, что японские солдаты сами отлично сознавали всю важность военной тайны.

II. ПЕРЕВОДЧИКИ

1) В мирное время желательно наметить лиц для занятия должностей переводчиков, хотя бы в расчете на штабы армий, если нельзя на корпуса; в особенности это необходимо по отношению восточных языков (например, турецкого, персидского, афганского и пр.). Переводчики должны быть образованные и преимущественно русские подданные.

2) Необходимо принять энергичные меры к усилению изучения среди офицерства корейского, китайского, японского и других языков.

---

* Г-н Тихай нашел, что в некоторых газетах дивизии именовались по названиям древних замков в городах, где части дивизий, о которых шла речь, были расположены в мирное время.

III. БОРЬБА С НЕПРИЯТЕЛЬСКИМИ ШПИОНАМИ

Вопрос этот имеет то отношение к работе разведывательного отделения, что разбирает одно из средств затруднить противнику его разведку о нас.

1) Поимка шпионов не должна быть предоставлена случаю. Даже это нуждается в прочной организации.

2) Орган, которому поручается это дело, имеет специальных агентов (в данном случае, на востоке, из туземцев) для поимки шпионов.

3) Войска получают указания на приметы, по которым можно узнать шпиона и их приемы разведывания и должны быть заинтересованы в поимке шпионов.

4) В районе армий необходим полицейский надзор за всеми подозрительными лицами. В эту войну полевых жандармов было мало* и притом многие не занимались своими прямыми обязанностями.

5) Суд над шпионами должен быть скорый.

IV. СБОР, ОБРАБОТКА И СВОДКА СВЕДЕНИЙ О ПРОТИВНИКЕ

1) Материал для сводки разведывательного отделения штаба Главнокомандующего должен быть очищен по возможности от донесений прямых, т.е. направленных непосредственно в большой Штаб без предварительной обработки и выводов на низших ступенях.

Неизбежным исключением будут донесения дальних тайных агентов, для которых скорость доставки сведений является одним из первых условий. Тем не менее желательно, чтобы и дальние агенты, помимо сообщений своих сведений по телеграфу, вели более подробный журнал в форме сводок с самостоятельными выводами; журнал этот по частям периодически должен быть по почте или по телеграфу сообщаем в

* У японцев было на дивизию (12 батальонов) 6 — 7 офицеров при 100 жандармах. У нас всего 4 полуэскадрона на 200 человек на все 3 армии.

разведывательное отделение штаба Главнокомандующего.

По содержанию сводку удобнее расчленять на отделы.

Сводка должна быть немногословна и наглядна, для чего необходимо прибегать к схемам и таблицам.

Время от времени необходимо давать в сводке полную картину всего расположения, чтобы, с одной стороны, напомнить ее войскам, а с другой — облегчить вновь прибывающим лицам и частям быстрое ознакомление с обстановкой. Такие сводки в особенности не должны затемняться мелочами и перечислениями изменений; лучшее решение — это один чертеж без всякого текста или таблица.

3) От степени распространения сводок зависит степень ознакомления войск со сведениями о противнике. Только при широком снабжении войск сводками возможно предъявить требования обязательного с ними знакомства. Широким оно может быть лишь в том случае, если разведывательное отделение (или Управление генерал-квартирмейстера) располагает достаточными техническими средствами для печатания текста и чертежей.

Типография и литография походного типа дадут возможность удовлетворять войска сводками и схемами в самом широком размере, до ротных командиров включительно.

Кроме рассмотренной деятельности разведывательного о т д е л е н и я на него же на основании ст.202 Положения о полевом управлении войск в военное время возложено:

а) сбор статистических сведений о театре войны;

б) заведывание корреспондентами.

Что касается первой задачи, то для исполнения ее разведывательное отделение не располагало средствами. Между тем дело это настолько обширно, что требовало особых органов, каковыми и являлись комиссары провинций, в войсках — корпусные коменданты.

Здесь уместно указать и на некоторое несоответствие этой задачи с работой разведывательного отде-

ления; опыт показал, что специализация его исключительно на противнике ведет к выигрышу дела; наоборот, разброска и неизбежные в таком случае уклонения в сторону переписки и занятий по предметам, не касающимся противника, безусловно, вредили делу*.

Вот почему, казалось бы, круг деятельности разведывательного отделения должен быть ограничен предметами, прямо или косвенно относящимися к его главной задаче.

Разведывательное же отделение должно пользоваться, между прочим, результатами занятий других специальных органов (топографические и статистические данные), но в той мере, в какой это будет необходимо для освещения положения противника. Что касается военных корреспондентов, то опыт войны показал, что заведывание ими и цензура их корреспонденций и телеграмм настолько обременительны, что пришлось в конце концов учредить специальное цензурное отделение.

Опыт войны, безусловно, показал, что присутствие военных корреспондентов на театре военных действий, как собственных, так и, в особенности иностранных является нежелательным.

Первые за погоней сенсационных известий, не останавливаясь ни перед какими соображениями, невольно могут выдавать иногда одними намеками, важные военные тайны, под личинами вторых легко и удобно скрываются неприятельские соглядатаи.

Равно нежелательно присутствие на театре военных действий иностранных военных агентов. Держание их в тылу возбуждает бесконечные жалобы и неудовольствия, нахождение же их при войсках небезопасно. В эту кампанию удостоверено несколько прискорбных случаев с иностранными военными агентами:

1) Один из агентов позволил себе бестактный поступок относительно нашей армии в присутствии других иностранных военных агентов и наших офицеров.

---

* Напомним, что до Ляояна включительно разведывательное отделение уделяло значительную часть времени на заведывание корреспондентами, цензуру и на определение виновности пойманных подозрительных лиц. Уделяло, несомненно, в ущерб прямой своей задаче.

2) Другой был обличен в недозволенном добывании сведений.

3) Двое остались при отступлении от Мукдена 25-го февраля в плену и выдали японцам, как оказалось впоследствии, военную тайну первостепенной важности.

В заключение нельзя не отметить, что разведка наша о противнике находилась в самых неблагоприятных условиях:

1) Отсутствие подготовки этого важного дела еще в мирное время.

2) Незнание местного и неприятельского языков нашими войсками.

3) Почти что полное отсутствие мер по затруднению разведки противника.

4) Ведение войны в стране, население которой склонялось скорее на сторону противника.

5) Отступательный образ действий, которого мы держались в течение всей войны.

Следует, безусловно, признать, что наступающий, имея преимущество почти во всем, имеет также преимущество и в разведке. Ему достаются поля сражений, полные документов, ему же принадлежат полосы отхода противником, полные рассказов.

Насколько удавалось, несмотря на все эти трудно поборимые препятствия, восстанавливать каждый раз перед решительной минутой картину истинного положения противника, покажет только будущее, когда беспристрастный суд истории поставит свой безапелляционный приговор.

Генерал-квартирмейстер
при Главнокомандующем Генерального штаба,
генерал-майор Орановский

1 сентября 1905 г.
ст. Годзядан

ОТЧЕТ ШТАБС-КАПИТАНА БЛОНСКОГО ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТАЙНОЙ РАЗВЕДКИ ПРИ ПОМОЩИ КИТАЙСКИХ АГЕНТОВ ЗА ПЕРИОД С ФЕВРАЛЯ ПО СЕНТЯБРЬ 1905 Г.*

ТАЙНАЯ РАЗВЕДКА ЧЕРЕЗ КИТАЙСКИХ АГЕНТОВ

Разведка о неприятеле через тайных агентов в период после оставления Мукдена и до конца войны в штабе Главнокомандующего была возложена на меня, как владеющего китайским языком. Первоначально предполагалось разделить фронт неприятельских армий на две части, приблизительно равные, и предоставить разведку в каждой из них отдельному лицу: в одной штабс-капитану Россову, в другой мне. Вскоре штабс-капитан Россов получил особое назначение и отправился в Китай, и мне одному пришлось заниматься разведкой на всем фронте. На практике выяснилось, что при том огромном протяжении фронта армий, какое они заняли после Мукденских боев, разведка едва ли может успешно производиться одним лицом, находящимся в штабе Главнокомандующего. Значительное, более 100 верст, удаление объектов разведки от лица, производящего ее через агентов, затрудняло производство разведки уже потому, что агенту надо пройти это расстояние, прежде чем достичь желанного пункта и затратить на это 7 — 10 дней времени; затем, употребивши несколько дней на самую разведку и 7 — 10 дней на обратный путь, агент мог явиться с добытыми им сведениями слишком поздно.

Таким образом я мог получать сведения от своих агентов приблизительно через три недели после отправления каждого из них из штаба Главнокомандующего. Изменить мое место нахождения представлялось неудобным, потому что я в то же время исполнял должность переводчика штаба Главнокомандующего, а во-вторых, это мало изменило бы положение мое в смысле приближения к объектам разведки; выехавши

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. 29090. Ч.1. Л.108 — 111.

в центр позиций, я был бы одинаково удален от флангов, а основавшись на одном из флангов, я попрежнему был бы удален от другого фланга и центра. Менять мое место нахождения мне было неудобно уже потому, что агентам трудно было бы разыскивать меня. Вследствие вышеизложенного я занимался разведкой преимущественно центра и левого крыла японских армий.

Система разведки заключалась в четырех главных моментах: 1) приискание агентов, 2) подготовка агентов, 3) командирование агентов на разведку и 4) вознаграждение за доставленные сведения.

Приискание агентов после отхода от Мукдена стало более затруднительным, чем до этого. Задача эта никоим образом не может быть возложена на офицера, не имеющего в своем распоряжении доверенного китайца. Дело в том, что китайцы, к которым офицер обращается лично с предложением принять его в качестве тайного агента — относится в большинстве случаев с недоверием к такому предложению и к обещаемому вознаграждению, а кроме того, в таком случае не известно, с кем приходится иметь дело. После Мукдена мне пришлось работать в районе, в котором никогда раньше я не бывал, и не имел связи с китайским населением, китайцы же, помогавшие мне в приискании агентов до отхода от Мукдена, остались там, и я потерял с ними связь. Таким образом, я принужден был найти и нового помощника по приисканию агентов, в чем мне оказали содействие известный купец Тифонтай и китайский полковник Чжан-Чжен-юань. Лучшими агентами можно было бы считать китайских офицеров новой школы*, как более знакомых с военным делом, но я лично не мог добыть таких агентов, так как не мог вступить с ними в личные отношения за дальностью расстояния (Тяньцзинь, Баодинфу). Главный контингент агентов составляли китайские солдаты, мелкие торговцы и простые деревенские жители, прельщаемые возможностью получать солидное вознаграждение, превышающее ежедневный заработок. Все эти агенты не имели представления о

* Т.е. офицеров новых войск «Чан-бей-цзюнь».

японской армии и способны были доставлять сведения, не имеющие никакой цены: «в д.Х. — 100 человек солдат, в д.У. — 50 конных» и т.п. Ввиду изложенного агентов приходилось подвергать специальной подготовке.

Подготовка агентов к производству разведки заключалась в том, что агентам преподавались перед отправлением в разведку краткие сведения об организации японской армии, о подразделении ее на дивизии, бригады, полки и т.д. и для облегчения этого дела им выдавалась таблица наименований японских частей и военных учреждений. Имея такую таблицу, агенту, заметившему ту или другую японскую часть и узнавшему точное ее название, оставалось лишь найти в таблице соответствующую графу и проставить в особо оставленных местах №№ и название места, где указанная часть замечена. Кроме того, агентам растолковывалось, на что именно надо обращать внимание (какие у частей войск отличия, как можно определить часть, наружные отличия, надписи на занятых помещениях, форменные бланки на официальных китайских бумагах, адрес на конвертах и обложках газет). Если агент проявлял способность к усвоению данных ему сведений, он получал командировку.

Командирование агента заключалось в том, что ему прежде всего давалась вполне определенная задача: разведать путь в таком-то направлении, выяснить, какие устроены переправы на №№ рек, возводятся ли в избранном районе укрепления, где именно и какие, какие части находятся в известном районе и т.п. Помимо этой вполне определенной задачи, агенту предписывалось попутно замечать и все происходящее в районе, который ему придется пройти по пути к выполнению его специальной задачи. Срок для выполнения возложенного поручения давался от 2-х недель до 1 месяца, смотря по обстоятельствам. Каждый агент снабжался особым удостоверением на проход через расположение наших войск, в котором отмечалась фамилия агента, № удостоверения, время выдачи и срок, в течение которого удостоверение действительно. Удостоверения эти делались нарочно очень маленького размера,

чтобы их удобнее было спрятать в складках платья, в обуви и т.п. на время производства разведки в неприятельском районе. При отправлении на разведку агентам выдавалось путевое пособие в размере около рубля в день.

Вознаграждение агентам за доставляемые сведения выдавалось мною в различном размере, колеблющемся от 100 до 25 рублей, причем в определении размера вознаграждения приходилось руководствоваться качеством сведения, т.е. его важностью, своевременностью и правдивостью. Замечено было, что некоторые из агентов вовсе не ходили на разведку, а проведя несколько дней в Маймайкае, Керсу и других местах, возвращались и докладывали сведения, явно добытые ими в опиумокурилках, постоялых дворах и т.п. Желая иметь какое-либо вещественное доказательство того, что агенты были в неприятельском районе — я требовал от них доставление каких-либо японских предметов, флажков, обложек от конвертов и прочее. Однако приходилось осторожно относиться, как к самим вещественным доказательствам, так и к сведениям, доставленным предоставившими их лицами: за время ведения мною разведки были случаи грубой подделки японских объявлений и флажков[10].

Отряд Пинтуй был сформирован купцом Тифонтаем с участием китайского полковника Чжан-Чженюаня с разрешения Главнокомандующего, о чем Тифонтаю было сообщено 31-го мая отзывом Генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем за № 6576.

Цель формирования отряда — разведка и партизанские действия. 10-го июня 1905 года отряд уже был сформирован и выступил на крайний левый фланг наших армий. В состав отряда вошли 500 человек китайских солдат, навербованных из бывших солдат, милиционеров и хунхузов, офицерские обязанности в отряде исполняли бывшие офицеры и унтер-офицеры китайских войск.

Отряд был отдан под непосредственное начальствование полковнику Чжану, а со стороны русских был назначен офицер (сначала штабс-капитан Блонский, а затем поручик Суслов) с разъездом в 10 человек и 2

фельдшера. В обязанность офицера, состоящего при отряде Пинтуй, вменялось: 1) руководить действиями отряда, 2) держать связь со штабом Главнокомандующего и 3) наблюдать за ним, чтобы отряд Пинтуй не обижал местных жителей.

Отряд был разделен на три сотни, причем в одной было 100 человек, а в двух других по 200.

Что касается пригодности отрядов типа Пинтуй для партизанских и разведывательных действий, то на основании прежнего моего знакомства с китайскими войсками и опыта, полученного за время пребывания при отряде Пинтуй, я пришел к такому выводу: отряды из милиционеров и хунхузов обладают многими неоцененными свойствами и могли бы принести нам огромную пользу, если же в действительности действия их оказались менее полезными, чем можно было ожидать — то это произошло по причинам внешним, от чинов отряда независящим.

Упомянутые выше полезные свойства китайских отрядов, принадлежащие каждому чину в отдельности, суть следующие:

1) знание местности,

2) умение ориентироваться на местности,

3) владение местным языком,

4) имение во многих пунктах театра войны родных и знакомых,

5) отношение населения, выражающееся в оказании всякого рода содействий отряду.

К вредным свойствам отряда надо отнести лишь абсолютное незнакомство с постановкой военного дела в европейских войсках и приверженность к китайской рутине.

Внешние причины, по которым отряды оказались малополезными, заключаются в том, что отряды формировались спешно и без всякой подготовки отправлялись в дело. Действовать, как разведчики им было трудно, потому что они не имели представления о том, о чем надо разведывать — о японской армии; для боевых же действий против европейски обученных войск они не были подготовлены и представляли из себя слишком слабые силы. Конечно, замеченные недостатки могли бы быть в значительной мере исправлены с течением времени, но пре-

кращение войны и вызванное им расформирование отряда, не дало сделать это.

В заключение считаю необходимым упомянуть о том, какие меры были приняты японцами для противодействия нашей тайной разведки, оказавшиеся весьма целесообразными. Меры эти заключались: 1) в строгой проверке всех гостиниц и постоялых дворов, производимой наемными китайцами вместе с японскими жандармами, 2) в наблюдении за дорогами посредством разъездов от хунхузских отрядов и, наконец, самая широкая и действенная мера — это возложение ответственности за появление каждого шпиона на все население и на местные милиции. Последняя мера была проведена твердо и неуклонно, а жестокие кары за нарушение требований терроризировали население и заставили его обращаться совершенно различно со шпионами нашими и японскими. В то время как последний открыто заявлял о своей деятельности и жители стремились оказывать ему всякое содействие, наши должны были тщательно скрывать свое отношение к русским и нередко были предаваемы в руки японцев. Ясно, насколько столь неравные условия вредили делу тайной разведки.

Штабс-капитан Блонский

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖАНДАРМСКО-ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА ПРИ АРМИИ ЗА ПЕРВЫЙ ГОД ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ*

До учреждения жандармско-полицейского надзора полицейская регистрация велась довольно вяло и документы заявлялись в полицию только теми лицами, которые в этом крайне нуждались, как то: имеющиеся открытые торговые заведения, коммерсанты, живущие в ближайшем районе станций, и люди, которым приходилось по каким бы то ни было надобностям свидетельствовать в полиции свои подписи, и т.д.

Другая же, большая часть мелких коммерсантов, подрядчиков, маркитантов, разных служащих и масса лиц без всяких определенных занятий, не считала нужным вовсе предъявлять свои документы в полицию, и все эти люди жили никем не стесняемы и никому не известные.

Негласного надзора за населением вовсе не существовало, выезд в Маньчжурию был никем не стеснен, а потому немудрено, что масса лиц, ищущих приключений в ожидании легкой наживы, наводнила район армии.

Тут были и бывшие сахалинцы, отбывшие свои сроки наказания, беглые каторжники, проживавшие по чужим или подделанным документам, тут были и евреи, кавказцы, греки, турки, армяне, немцы, французы, англичане и другие народности, которые занялись всевозможными делами и не брезговали никакими средствами для своей наживы, за всеми означенными лицами, проживающими среди расположения наших войск, между которыми было немало и темных личностей, необходимо было иметь самое тщательное негласное наблюдение. Из Шанхая, Тяньцзиня, Шанхай-Гуаня через Инкоу и Синмин-тин к нам легко проникал контингент людей самых неблагонадежных, и не удивительно, что среди этих иностранцев-авантюристов было и немало японских шпионов.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29017. Л.140 — 142 об.

Японцы, имея у себя хорошо организованное шпионство, несомненно, вначале широко пользовались указанным нашим промахом.

Все вышеизложенное и привело к необходимости возможно быстро организовать для наблюдения за всеми проживающими частными лицами в районе армии жандармско-полицейский надзор.

Ввиду крайне ограниченных средств, отпускаемых от Штаба на агентуру, и за неимением подготовленных для сего людей пришлось ограничиться весьма небольшим штатом.

На состоящего при армии жандармского штаб-офицера, которому подчинили вновь сформированную из 25 унтер-офицеров жандармскую команду, было возложено и заведывание в районе армии жандармско-полицейским надзором.

Для секретной агентуры и канцелярии было дано названному штаб-офицеру девять нижних чинов из запаса и ему удалось иметь весьма небольшое количество частных агентов.

Одновременно с учреждением агентуры при армии был введен жандармский надзор и на линии Китайской Восточной ж.д.

Благие результаты деятельности, хотя и с весьма ограниченными средствами этого надзора, заставили себя не долго ждать.

Ежедневно удалялись из района армии десятками лица, не могущие доказать своей полезности или причастности к армии.

Особенно много хлопот дали кавказцы, большую часть которых (около 150 человек) привез с собой подрядчик Громов и от которого они по прибытию своем в Маньчжурию вскоре все разбежались и занялись по китайским деревням и поселкам грабежами; большей частью грабили скот, арбы, лошадей и мулов.

Скот продавали подрядчикам и даже прямо в разные части, а арбы, мулов и лошадей доставляли в Управление транспортом.

Затем была введена регистрация всех частных лиц, проживающих в районе армии, стеснен допуск непричастных к армии лиц и приезд таковых разрешался только тем, которые для нее могли быть чем-нибудь полезны.

Лица, заподозренные в неблагонадежности или не исполняющие требования военно-полицейского начальства, немедленно удалялись из армии.

Жандармы командировались в разные местности расположения армии для проверки документов у проживающих там лиц.

На некоторых бойких этапах назначались для наблюдательной цели жандармские унтер-офицеры, но ввиду крайне ограниченного их числа не представилось возможности иметь таковых на всех этапах.

Благодаря принятым мерам по надзору в армии, большая часть нежелательного элемента частных лиц, частью удаленная из нее, а частью не имеющая возможности проникнуть в нее, обосновалась в тылу армии главным образом в Харбине, где и продолжает заниматься всевозможными темными делами.

Для более успешного надзора в армии требовалось учреждение негласного наблюдения и за лицами, проживающими в Харбине, ввиду чего генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего ныне поручил жандармскому подполковнику Шершову, заведывавшему агентурой в армии, организовать таковую и в Харбине, обратив при этом особое внимание на розыск японских шпионов.

Положением о полевом управлении войск в военное время совершенно не указаны ни круг деятельности, ни обязанности, ни права жандармского штаб-офицера при управлении этапов, и между тем на практике, как видно даже из сего краткого обзора, деятельность названного штаб-офицера, вследствие возложенного на него жандармско-полицейского надзора и секретного наблюдения в районе армий и отчасти тыла настолько разрослась и сделалась столько сложной и разнообразной, что совершенно не представляется возможным при существующем штате выполнить как бы хотелось в полном объеме все предъявляемые к нему требования, а потому для пользы дела нахожу крайне необходимым установление соответствующего штата.

Заведующий жандармско-полицейским
надзором Маньчжурской армии
отдельного корпуса жандармов,
подполковник Шершов

ВОЕННЫЙ АГЕНТ
В КОРЕЕ
28-го апреля 1904 г.
№ 53
г.Ляоян

Копия
В. Секретно

Генерал-квартирмейстеру
полевого штаба
Маньчжурской армии

РАПОРТ*

Во исполнение приказания Вашего Превосходительства докладываю, что мною организуется дальняя разведка на следующих основаниях:

1) В настоящее время я заключил от лица штаба армии условие с тремя иностранными подданными: французом Иваном Шаффанжоном, швейцарцем Оскаром Варбей** и германцем Отто Мейером, которые выезжают через Китай в Японию и Корею и под видом торговых людей будут следить за противником. Из упомянутых трех лиц первые два уже прибыли в Ляоян, третий же приезжает на днях.

2) Передача сведений, добытых агентами, будет производиться так: агенты телеграфируют доверенным лицам в Европу, эти лица передают телеграммы по условным адресам в Петербург, а оттуда телеграммы немедленно передаются в полевой штаб Маньчжурской армии.

Телеграммы посылаются из Японии и Кореи условными торговыми фразами, а из портов Китая — при посредстве особо установленного шифра, который агенты знают наизусть. Как условные фразы, так и шифр составлены для каждого агента отдельно.

3) Агентам даются инструкции для деятельности на все время кампании. В настоящее время мне поставлено первой задачей: а) определить состав и силу осадного корпуса, высаживающегося поблизости Артура, б) выяснить точно, какие части наступают из Кореи, кроме войск 1-й армии, а также и направление этих частей, в) следить за формированием 4-й армии, за временем ее посадки и за направлением транспортов.

Относительно вознаграждения с агентами заключены следующие условия:

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Л.60 — 61.

** Так в тексте. — *И.Д.*

а) Оскар Варбей получает в месяц... 1300 рублей, на покупку товаров — 1000 рублей, за каждое важное сведение, доставленное своевременно: 500 рублей. за первое, 1000 рублей — за второе, 1500 рублей за третье и т.д. По 500 рублей надбавки за каждое последующее важное сведение.

По окончании войны ему выдается 2000 рублей.

б) Жан Шаффанжон — по 1000 рублей в месяц, 500 рублей на покупку товаров и по 500 рублей за каждое своевременно сообщенное важное сведение.

По окончании войны — 2000 рублей.

в) Отто Мейер по 1300 рублей в месяц, 1000 рублей на покупку товаров, по 500 рублей за каждое важное сведение и 3000 рублей по окончании войны.

Всем агентам возвращаются — телеграфные расходы и им выдается при отправлении сведений по телеграфу аванс в 500 рублей каждому.

Агенты получают при отправлении жалованье за 5 месяцев вперед, а дальнейшее содержание высылается им ежемесячными переводами через иностранные банки.

Агенты желают, чтобы настоящие условия были бы ими официально заявлены штабом армии, также они желают быть уверенными, что будут продолжать получать содержание в случае моего назначения на другую должность или в случае моей смерти. В настоящее время ввиду прибытия Оскара Варбей и Жана Шаффанжона потребно отпустить:

1. Оскару Варбей — жалованье за два месяца — 2600 рублей.
   На покупку товаров — 1000 рублей
   Телеграфный аванс — 500 рублей
   ———————————————
   Всего — 4100 рублей

2. Жану Шаффанжону:
   Жалованье за два месяца — 2000 рублей
   На покупку товаров — 500 рублей
   Телеграфный аванс — 500 рублей
   ———————————————
   Всего — 3000 рублей

———————————————

Итого 7100 рублей

Подписал:
Полковник Нечволодов

Прикомандированный
к полевому штабу
Маньчжурской армии
капитан Нечволодов
№ 23
5-го июля 1904 года

Копия

Начальнику
разведывательного
отделения штаба
Маньчжурской армии

РАПОРТ*

Трехмесячный опыт ведения тайной разведки в районе расположения противника показал, как трудно установить постоянную тайную разведку в местах, нами оставленных, если этого не было сделано заблаговременно.

В настоящее время, когда отступление южной группы наших войск, хотя бы еще только на один переход, повлечет за собой оставление нами г.*И н к о у*, заблаговременная организация тайной разведки в этом пункте, по-видимому, является вопросом большой важности.

Г.Инкоу, как большой коммерческий центр, лежащий в узле путей морских, железнодорожных и речного, обладающий при этом крайне разношерстным и космополитическим населением, всегда представлял из себя пункт, наиболее хорошо осведомленный о всем происходящем не только в тяготеющей к нему Южной Маньчжурии, но также и далеко за пределами ее.

Нет сомнения, что с оставлением нами этого города, он немедленно будет занят японцами, а вследствие своего положения приобретет весьма важное стратегическое значение для дальнейших действий, а потому и содержание там наших тайных агентов, казалось бы, является делом весьма важным.

Вместе с тем, будучи признан открытым портом, г.Инкоу представляет из себя широкое и благодарное поле деятельности для тайных агентов, которые, в случае чего, всегда найдут защиту у своих консулов, а потому сравнительно мало чем рискуют. Кроме того, так как трудно предположить, чтобы при настоящем поло-

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.1. Л.70 — 71 об.

жении дел на театре войны войскам нашим пришлось отступить слишком далеко, доставка сведений из Инкоу в нашу Главную Квартиру не должно встретить сколь-нибудь серьезных затруднений, тем более, что может быть организована одновременно по трем направлениям: 1) из Инкоу в прямом направлении к месту нахождения нашей Главной Квартиры, на наши сторожевые посты, 2) из Инкоу по правому берегу р.Ляохэ (надо думать, он будет слабо наблюдаться японцами) на наш первый, находящийся на этой реке пост пограничной стражи и 3) из Инкоу по железной дороге в г.Шанхай-Гуань помощнику нашего первого военного агента в Китае, а в случае его отсутствия в г.Тяньцзин первому военному агенту в Китае.

Ввиду вышеизложенного я, с разрешения Вашего Высокоблагородия, отправился 2-го сего июля в г.Инкоу, дабы определить на месте, насколько представится возможным, если будет признано необходимым, устроить в этом городе тайную разведку.

Ниже я излагаю достигнутые мною в этом направлении результаты.

Прежде всего я обратился к г-ну Гроссе — градоначальнику г. Инкоу, который отнесся весьма сочувственно к делу организации тайной разведки в этом городе и обещал, если это будет признано необходимым, установить одну сеть китайцев-разведчиков, как в самом городе, так и в прилегающем районе.

После этого я предпринял переговоры с г-ном Пассеком на предмет устройства второй сети.

Г-н Пассек — германский подданный, теперь в запасе, делал поход в Китай в 1900 году, вообще проживает в разных местах Китая 8 лет и хорошо знаком с местным языком; также говорит немного по-русски. После похода 1900 г.[11], будучи уволен в запас, остался в Тяньцзине и занялся всякого рода подрядами для международных отрядов, я познакомился с ним, покупая у него лошадей. Последний год служил в Инкоу в фирме Винклера, а в самое последнее время вошел в компанию с солидным китайским купцом и вновь стал заниматься подрядами, поставляя преимущественно фураж офицерам нашей армии, приезжающим для закупки его в Инкоу.

Выслушав меня, г-н Пассек дал мне на другой день следующий ответ по поводу сделанных мною предложений, он говорил со своим компаньоном-китайцем, и они соглашаются принять их под условием, что за 6 месяцев работы им будет уплачено по 10000 рублей каждому, т.е. всего 20000 рублей. Деньги эти могли бы быть уплачены в два срока: половина через три месяца и другая половина через 6 месяцев. Кроме того, г-н Пассек желает получить ежемесячный аванс на расходы по содержанию китайцев-разведчиков.

На это я ему заявил, что было бы весьма желательно иметь дело с одним Пассеком, независимо, будет ли он пользоваться услугами своего компаньона-китайца и что вообще сумма вознаграждения в 20000 рублей представляется слишком высокой.

Тогда г-н Пассек согласился принять все дело на себя с оплатой всего 15000 рублей.

После этого я обещал г-ну Пассеку доложить начальству о моем разговоре с ним и дать ему в непродолжительном времени ответ. На случай же, если бы обстоятельства сложились так, что время не позволяло бы входить в дальнейшие переговоры с г-ном Пассеком, а было бы желательным все-таки воспользоваться его услугами, хотя бы и на предложенных им условиях, я дал ему самые подробные инструкции и вместе с тем поставил в известность обо всем деле г-на *Гроссе,* который обещал в случае получения на сей предмет соответствующих указаний, немедленно заключить условия с г-ном Пассеком на вышеизложенных началах, я также вручил г-ну Гроссе условный шифр для г-на Пассека.

В заключение считаю долгом добавить, что если будет желательно воспользоваться услугами г-на Пассека, но на условиях более для нас выгодных, то получив от Вашего Высокоблагородия надлежащие полномочия, я мог бы лично продолжить переговоры с ним.

Подписал: Капитан Нечволодов

Верно: Генерального штаба, капитан Михайлов

Прикомандированный
к полевому штабу армии
штаб-офицер
для поручения при
Командующем войсками
Квантунской области
подполковник Панов
31-го июля 1904 г.
№ 62
Та-ван-те-тунь

Копия
Секретно

О разведке при помощи китайцев-разведчиков
Резолюция
Командующего армией:
«Не успешно. Прошу доложить».
Куропаткин
7-го августа

Командующему Сибирской казачьей дивизией12
генерал-майору
Косаговскому

РАПОРТ*

Доношу Вашему Превосходительству, что за отсутствием заблаговременно подготовленных китайцев-разведчиков, несмотря на предлагаемые вознаграждения — нанять таковых до сих пор, т.е. с 9 по 31 сего июля, не удалось.

Приведенные поручиком Лашкевичем китайцы-разведчики из Давана при первых артиллерийских выстрелах бежали из Ташичао.

Вторично нанятые китайцы-охотники в Мукдене бежали, еще не дойдя до впереди стоящих войск. Из оставшихся трех нанятых китайцев один мною был послан в Канджоу. Прошло более трех недель, нет ни сведения от него, ни его самого.

Второй, посланный в Инкоу, не возвратился.

Третий, кореец, высланный мною на юг, принес явно неверные сведения. Вновь отправленный на Хайчен не возвратился. Дальнейшие попытки найти подходящих верных людей из китайцев в районе Ташичао, Хайчен, Ляоян, Инкоу, Ньючжуан — успе-

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.1. Л.65 — 66.

хом не увенчались. Китайцы или совершенно отказываются служить даже на самых выгодных предложенных условиях, или же, согласившись, уходят при первых выстрелах или при первом даваемом поручении.

Вместе с сим сделана попытка склонить, за значительную плату, некоторых жителей селений, покидавшихся нами при отступательном движении от Ташичао к Шеняопу, на нашу сторону, для службы в качестве шпионов, дабы при посредстве их знать, что делается в районе, занятом японцами за нашим отходом. Жители, ссылаясь на опасность, на жестокие наказания, налагаемые японцами за шпионство, совершенно отказывались поддерживать в этом отношении с войсками связь и даже заверяют, насколько справедливо — неизвестно, что вслед за уходом русских войск, все те китайцы, которые имели какие-либо сношения с русскими, должны покидать оставленные нами селения, иначе им грозит чуть ли не смерть от японцев, которые частью подкупом, частью угрозами узнают через других китайцев об их сношениях с русскими и всех подозревают в шпионстве. Насколько все эти заверения справедливы — проверить не представлялось возможным. Вероятнее же всего, что жители-китайцы боятся, что японцы имеют много приверженцев среди китайцев[13], которые и выдадут всех близких или сочувствующих русским; японцы же по одному лишь подозрению, лишают их имущества, семьи и даже жизни.

Таким образом, установить сеть шпионов-наблюдателей, имея таковых в оставленных нами или могущих быть оставленными селениях, не удалось, отчасти вследствие отсутствия преданных и заблаговременно подготовленных жителей-китайцев, отчасти вследствие боязни, а может быть, нежелания нам служить в ущерб японцам.

Считаю долгом доложить, что, мне кажется, решительная, правда, довольно жестокая мера, которая, может быть, заставит китайцев-жителей помогать нам по части сбора сведений, заключается в том, чтобы в больших селениях брать в качестве заложников, членов семьи, каких-либо 2 — 3 богатых или влиятельных на окружающее население фамилий. От глав

этих фамилий потребовать, чтобы они сами за вознаграждение, которое будет выдаваться нами, высылали своих шпионов и доставляли нам необходимые сведения. Вместе с тем главам семейств заложников внушить, что неверные сведения будут считаться заведомо ложными и тяжко отражаться на заложниках. Напротив, верные и своевременные сведения сразу же избавят их от тяжелого положения. Мера эта жестока и несправедлива, быть может, но она должна дать самые хорошие результаты[14], так как китаец пойдет на все, лишь бы выручить семью.

По некоторым данным и объяснениям китайцев, можно заключить, что японцы в системе приобретения шпионов-китайцев прибегали именно к этой жестокой мере, и, по видимым признакам, особой ненависти со стороны китайцев к себе не возбудили.

Подписал: Подполковник Панов

Верно: Генерального штаба, капитан Михайлов

ШТАБ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
всеми
СУХОПУТНЫМИ
И МОРСКИМИ
вооруженными силами,
действующими против
Японии

Приложение №

Копия

УПРАВЛЕНИЕ
генерал-квартирмейстера

Отделение разведыват.

Начальнику Военных
Сообщений при
Главнокомандующем*

25 марта 1905 г.
№ 3528
ст. Годзядан

По настоящее время надзор за шпионами противника был настолько слаб, что японцы могли почти беспрепятственно вести разведку в занятых нами районах не только через посредство китайцев, но и европейцев разных национальностей, между которыми нередко находились лица, служащие нам в качестве подрядчиков, маркитантов, содержателей буфетов и т.п. Такой порядок вещей является, конечно, крайне нежелательным.

Жандармская полиция, несмотря на всю опытность и знание своего дела подполковника Шершова, не могла принести существенную пользу в этом деле, не имея ни нужных средств, ни нужных людей, и будучи заваленной работой чисто полицейского характера.

Поэтому я вошел с представлением к начальнику штаба Главнокомандующего о постановке надзора за шпионами неприятеля на более прочных основаниях. В настоящее время нашлось лицо, рядовой 4-го железнодорожного батальона Иван *Персиц*, прошлая деятельность и знание языков которого делают его, по моему мнению, вполне способным к успешному выполнению вышеназванной задачи. Средства на это дело будут ассигнованы из суммы вверенного мне Управле-

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.1. Л.152 — 152 об.

ния в размере 1000 руб. в месяц. Но ввиду того, что при вверенном мне Управлении нет органов, могущих вести с успехом это дело, то я полагал бы самым целесообразным, чтобы вышеупомянутое лицо действовало под опытным наблюдением заведующего жандармско-полицейским надзором в районе Маньчжурских армий отдельного корпуса жандармов подполковника *Шершова*.

Ввиду изложенного, прошу Ваше Превосходительство не отказать сообщить, не встречается ли препятствий с Вашей стороны к возложению наблюдения за деятельностью *Персица* на подполковника Шершова.

В случае изъявления согласия Вашего Превосходительства на мою просьбу, прошу для пользы дела разрешить подполковнику Шершову относиться, по вышеизложенному делу, непосредственно с вверенным мне Управлением.

Уведомляю, что, по имеющимся сведениям, очагом шпионства неприятеля в настоящее время является г.Харбин, куда и предполагается командировать Персица.

Подписал: Генерал-квартирмейстер, генерал-майор Орановский

Скрепил: Генерального штаба,
подполковник Барон-Винекен
Верно: Генерального штаба,
капитан Михайлов

ДОКЛАД
Генерального штаба
подполковник
Барон-Винекен
8 апреля 1905 г.
№ 4502
ст.Годзядан

Резолюция Главнокомандующего:
«Доклад утверждаю и назначаю поручику Субботичу единовременно две тысячи и ежемесячно по одной тысяче. Все остальное на личном ответе и страхе поручика Субботича».

Линевич
14 апреля

Верно: Генерального штаба, капитан Михайлов

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
генерал-квартирмейстеру
при Главнокомандующем*.

Самым важным и вместе с тем наименее освещенным является в данное время вопрос о новых формированиях в Японии и тех источниках комплектования, которые еще остаются в распоряжении японского военного министерства. Имеющиеся по этому вопросу сведения весьма неясны и сбивчивы, часто противоречивы. Документально установлено только два факта, а именно: вновь сформировано 12 резервных полков (3-х батальонного состава), №№ 49 по 60, и в Японии формируются отдельные ополченские батальоны (из Государственного ополчения — кокумин) со своей особой нумерацией, сколько их, неизвестно, но есть некоторые признаки, по которым можно думать, что число их будет доведено до 52. Назначение этих батальонов, по-видимому, несение караульной и гарнизонной службы в пределах Японии.

Наша дальняя разведка, в особенности же тайная агентура в Японии, была поставлена, если и не блестяще, и не на таких широких основаниях, как это было бы желательно, но, во всяком случае, она давала много весьма ценных и оправдавших себя впоследствии сведений.

*ЦГВИА СССР. Ф. ВУА.Д. 29090. 4.2. Л. 95 —96 об.

В особенности выделялись сведения, доставленные агентами Д.С.С. Павлова и представителя министерства финансов в Пекине г-на Давыдова.

Но наша тайная агентура в Японии потерпела почти непоправимый удар, вследствие пропажи материалов с обозначением фамилий агентов, при отступлении от Мукдена; ввиду грозящей им жизненной опасности, почти все агенты были вызваны из Японии. Тем более полагал бы необходимым воспользоваться благоприятным случаем, который дает нам возможность командировать в Японию ныне же лица, знакомого с военным делом и заслуживающего полного доверия. Поручик 11-го В.С. стрелкового полка Субботич вызвался добровольно на столь опасное и рискованное предприятие. Его военное образование, нерусское происхождение, великолепное знание иностранных языков, немецкого и французского, заграничное воспитание, родственные связи в правящих сферах Сербии — все это данные, сулящие успешное и блестящее выполнение возложенной на него Вашим Превосходительством задачи.

Но для пользы дела я полагал бы необходимым, нисколько не скупясь на денежные расходы, открыть поручику Субботичу широкий кредит, дабы дать ему возможность жить в лучших гостиницах и вращаться в более интеллигентных слоях общества. Это является вместе с тем наиболее надежным способом не навлекать на себя внимания японской полиции.

Что касается способа доставки донесений, то казалось бы наилучшим воспользоваться для этой цели услугами представителя нашего министерства финансов в Пекине г-на Давыдова. Через посредство же г-на Давыдова можно будет пользоваться и иностранным банком, из которого поручик Субботич будет получать необходимые ему деньги. Как статский г-н Давыдов, по всей вероятности, находится под менее строгим надзором японских агентов, чем остальные наши официальные представители за границей, сношений с которыми поручик Субботич должен, понятно, всячески избегать.

Подписал: Генерального штаба, подполковник
Барон-Винекен

Верно: Генерального штаба, капитан Михайлов

ХАБАРОВСКИЙ 1-й
ГИЛЬДИИ
купец
ТИФОНТАЙ
16 мая 1905 г.
г.Куанчендзы

Копия

Генерал-квартирмейстеру
при Главнокомандующем*

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
В.А.ОРАНОВСКОМУ

Ваше Превосходительство,
Владимир Алоизович,

Поездка в Харбин не увенчалась успехом. Город слишком большой и многолюдный, чтобы можно было скоро покончить с известным Вашему Превосходительству делом, пришлось пробыть в Харбине две недели и несмотря на все старания разведчиков, ничего не могли найти.

Уезжая из Харбина, я оставил там десять человек наших разведчиков при одном китайском офицере Ли-Син-пу, чтобы они наблюдали и ловили японских шпионов. Возвратившись из Харбина, я убедился, что наша разведка дает ничтожные результаты и, как выясняется, главным образом потому, что противник предпринял очень строгие меры, так что наши разведчики почти все возвращаются, не достигнув цели.

Под Мукденом удобно было производить разведки, ввиду близкого расположения неприятеля и хороших пунктов, через которые можно было получать сведения, самое позжее через три дня, как то: Инкоу и Синминтин.

Теперь же, наоборот, очень трудно получать сведения, так как в места расположения японских войск никак невозможно пробраться разведчикам, вследст-

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.2. Л.144 — 145.

вие зоркости японцев. Так, например, сведения о Кайюане можно получить не ранее 10 дней, пока вернется оттуда разведчик, такой промежуток времени, все сведения, даваемые Вам, могут всегда быстро измениться, что, конечно, и вводит в заблуждение как штаб, так и наши войска.

Последнее же время, как, вероятно, известно уже Вашему Превосходительству, я привлек к делу разведки полковника Чжан-чжен-юаня. Этот человек всей душой предан русским. Обладая высшей степени хорошим умом, железной энергией и предприимчивостью, он очень полезен нам.

Я и полковник Чжан-чжен-юань согласились составить в полном смысле партизанский отряд, совершенно свободный в своих действиях. Начальником отряда будет Чжан-чжен-юань под фамилией «Пинтуй». Отряд будет состоять из 500 конных хунхузов. Цель отряда беспокоить тыл неприятеля, делать внезапные набеги, жечь склады, портить японский телеграф и железную дорогу, производить разведку.

Для вооружения отряда, я прошу выдать под мою личную ответственность 400 штук 3-х линейных винтовок кавалерийского образца с необходимым количеством патронов. Винтовки по минованию надобности будут возвращены обратно по №№.

Для удостоверения того, что будет сделано отрядом, необходимо командировать одного офицера или унтер-офицера с несколькими всадниками, которые постоянно будут находиться сзади отряда, по Вашему усмотрению, но с непременным условием не вмешиваться ни в какие распоряжения начальника отряда, которому необходимо предоставить полную свободу действий.

Полковник Чжан-чжен-юань изъявляет согласие служить без всякого жалованья. Жалованье людям, содержание полное их, а также лошадей, я, Тифонтай, даю пока из своих личных средств в продолжение трех месяцев.

Впоследствии, если окажется, что отряд был полезен и вполне оправдает назначение и если Его Превосходительство Главнокомандующий Маньчжурскими армиями найдет возможным, пусть правительство возвратит мне затраченные на отряд средства.

Если же отряд не оправдает себя, то он будет расформирован тотчас, как того пожелаете, а все расходы по нему я тогда принимаю на себя.

При этом прошу прикомандировать к отряду двух фельдшеров, с необходимым количеством перевязочных средств, для подания помощи при ранении кого-либо из отряда. Одновременно с этим письмом я подал доклад начальнику Управления транспортов генералу Ухач-Огоровичу, прося его ходатайствовать пред Его Превосходительством Главнокомандующим Маньчжурскими армиями об основании партизанского отряда, о чем прошу и Ваше Превосходительство, так как существующие разведки заменит партизанский отряд, который будет приносить гораздо больше пользы.

О последующем по сему ходатайству благоволите Ваше Превосходительство уведомить меня, я пока нахожусь в Гунчжулине и в случае надобности, по вызову, могу приехать лично с полковником Чжан-чженюанем.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в глубоком к Вам уважении и преданности.

Подписал: Хабаровский 1-й гильдии купец Тифонтай

Скрепил: Письмоводитель А.Гобе
Верно: Генерального штаба, капитан Михайлов

ДОКЛАД
Старшего адъютанта
разведывательного
отделения
штаба
Главнокомандующего
Генерального штаба
подполковника
Барон-Винекена
25 мая 1905 года
ст.Годзядан

Копия

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
генерал-квартирмейстеру
при Главнокомандующем*

Из дел, поступающих в разведывательное отделение штаба, видно, что японские шпионы проникают большими массами в район расположения наших войск, беспрепятственно собирают интересующие их сведения и потом также безнаказанно отсылают их японцам.

Легкость, с которой удается китайцам проносить эти сведения, сделала настолько популярным среди них подобное занятие, что вознаграждение, получаемое ими за доставку отдельного сведения, понизилось до 10, а в некоторых случаях и до 6 рублей. В то же время возможность проникнуть нашим агентам за черту расположения японских войск очень затруднительно и им удается это всегда с большим трудом и крайним риском.

Подобное положение вещей нельзя назвать нормальным, а между тем с нашей стороны есть полная возможность, если не вполне искоренить шпионов, то, во всяком случае, значительно сократить их вредную деятельность.

В числе мер, ведущих к этой цели, я нахожу наиболее действенными: своевременное знакомство военных начальников с теми приемами, к которым прибегают японские агенты при собрании сведений о нашей

*ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.2. Л. 165 — 165.

армии, так как только зная эти уловки, и можно более или менее успешно бороться с ними.

Опыт показал, что японские разведывательные отделения сообразно обстоятельствам войны меняют свои инструкции относительно деятельности агентов и потому было бы полезно, чтобы всякие изменения в этом смысле своевременно передавались в войсковые части.

Кроме лазутчиков, высылаемых японцами из мест своего расположения, противник имеет своих постоянных агентов и на службе в некоторых наших учреждениях, преимущественно на должностях прислуги, конюхов, переводчиков. Желательно, чтобы войсковые начальники получали соответственные инструкции и относительно наблюдения за такими лицами.

Успешное осуществление этих мер возможно только при условии объединения деятельности всех наших агентов под наблюдением одного лица.

С той же целью было бы крайне желательно сосредоточить в руках одного военного следователя, обладающего достаточной опытностью, все дела о шпионах для того, чтобы на него возможно было возложить руководящую деятельность и по принятию всех вышеизложенных мер.

По моему мнению, таким опытом обладает военный следователь полковник Огиевский, так как он уже несколько лет помощником военного прокурора, четвертый год состоит военным следователем, автор «Справочной книги по военно-судебным делам» и, как видно из других его литературных работ, знаком уже с организацией шпионства в Японии.

Подписал: Генерального штаба,
подполковник Барон-Винекен

Резолюция генерал-квартирмейстера: «Вполне согласен с мнением, изложенным в сем докладе. Полагал бы весьма полезным для указанной цели командировать полковника Огиевского в мое распоряжение».

Генерал-квартирмейстер,
генерал-майор Орановский

Верно: Генерального штаба, капитан Михайлов

ШТАБ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
всеми
СУХОПУТНЫМИ И
МОРСКИМИ
вооруженными силами,
действующими против
Японии.
УПРАВЛЕНИЕ
генерал-квартирмейстера
Отделение разведыват.
3 июня 1905 г.
№ 6785

Копия

Первому военному агенту
в Китае Генерального штаба полковнику
Огородникову*

Генерал-квартирмейстер доложил мне о замеченном им несоответствии получаемых путем тайной дальней разведки сведений с теми расходами, какие она вызывает.

Признавая вполне неизбежность единичных случаев непроизводительных расходов по разведке, когда агенту переплачивается за сравнительно неважное сведение, я не могу, с другой стороны, не обратить Вашего внимания на необходимость более тщательных рассмотрения и оценки приобретаемых сведений в отношении важности, которую они имеют для нас.

Отнюдь не желая ограничивать Вашей свободы деятельности по разведке в смысле денежном, я готов разрешить и крупный расход, если он окупается приобретаемыми сведениями; с другой же стороны, я требую более бережливого отношения в интересах казны, во избежание по возможности непроизводительных расходов.

В целях постановки дела дальней разведки на более прочных основаниях и установления более тесной связи с вверенным мне штабом, я решил изменить постановку дальней разведки на нижеследующих началах.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.1. Л.96 — 97 об.

Разведка делится по районам, а именно на три части:

1) Япония и Корея.

2) Маньчжурия — к западу от меридиана Фынхуанчень, — расположения противника на фронте и его тыле.

3) Порты Маньчжурии — Инкоу, Дальний, Талиеван, Бицзыво, Дагушань, Татунгоу, Шахэцзы и др.; и разведка специально на Ляодунском полуострове и восточной Маньчжурии, к востоку от меридиана Фынхуанчень.

При этом разведки эти возлагаются: а) первая на Первого военного агента в Китае (Тяньцзинь), с уменьшением ежемесячного аванса до 15000 рублей;

б) вторая — на его помощника (Шанхай-Гуань) с ежемесячным авансом до 7500 рублей;

в) третья — на особого офицера, место пребывания коего назначено в Чифу, как пункте, наиболее отвечающем условиям ведения этой разведки; при этом ежемесячный аванс определен в 7500 рублей.

Расходы на телеграммы в эти авансы не включены.

Для поддержания тесной связи между штабом Главнокомандующего и ведущими тайную разведку этим последним, в целях взаимной проверки, будет сообщаться вкратце сводка достоверных данных по телеграфу, не считая посылки на имя Первого военного агента в Пекине текущих сводок по почте.

Уведомляя об изложенном, прошу Вас принять на себя ведение тайной разведки Японии и Кореи.

Разведка эта обнимает сведения о вооруженных силах Японии, их организации, новых формированиях, комплектования, строевых и административных приготовлениях, о снабжении армии, о гарнизонах и передвижениях войск в Японии и Корее, наконец, сведения о Корейском театре и настроении жителей в обеих странах.

Каждый месяц Вы будете получать аванс в размере 15000 рублей, согласно прилагаемой сметы, причем ежемесячно же необходимо представлять отчет в израсходовании этой суммы для препроведения в контроль, согласно приказания войскам Маньчжурской армии 1904 г. № 144.

Предусмотренные сметой чрезвычайные расходы Вы имеете производить с особого, каждый раз, разре-

шения моего или генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем.

Что касается расходов на телеграммы, то, ввиду высокого телеграфного тарифа, прошу Вас в интересах казны при сообщении нам сведений тщательно делить их на срочные и важные, которые должны быть переданы по телеграфу, и несрочные, которые могут быть пересланы по почте (отчеты, данные исторического интереса, неспешная текущая переписка и т.п.).

31-го мая с.г. Главнокомандующий соизволил утвердить:

1) расход, произведенный вами на тайную разведку с 25-го февраля по 1-е мая нового стиля в размере 50674 рублей;

2) новый аванс для той же цели в размере 15000 рублей.

Вместе с сим Вам переводится означенная сумма.

Кроме того, 29-го мая на Ваше имя переведен аванс в 4 000 рублей на содержание тайного агента в Японии. Прошу Вас представить отчет в израсходовании этой суммы согласно приказания войскам Маньчжурской армии 1904 г. № 144.

Подписал: Начальник штаба,
генерал-лейтенант Харкевич

Скрепил: Генерал-квартирмейстер, генерал-майор Орановский

Верно: Генерального штаба, капитан Михайлов

ШТАБ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
всеми
СУХОПУТНЫМИ И
МОРСКИМИ
вооруженными силами,
действующими против
Японии.
УПРАВЛЕНИЕ
генерал-квартирмейстера
Отделение разведыват.
30 июня 1905 г.
№ 7843

Копия

Подполковнику
Страдецкому*

Прошу передать г-ну Пларру[15] следующую инструкцию для добывания для нас сведений:

1) необходимо выяснить число и номера новых японских формирований, т.е. номера новых полевых дивизий, резервных бригад и пехотных полевых и резервных полков, имея в виду, что нам известно 12 номерных полевых дивизий и одна гвардейская, 48 номерных резервных бригад и одна гвардейская, 48 номерных полевых пехотных полков и 60 номерных резервных полков.

2) Кроме того, нам известно сформирование новых 13-й и 14-й полевых дивизий и предполагаем формирования других полевых частей, но неизвестны их места нахождения в данное время, а именно находятся ли они еще в Японии или притянуты к армии Ойамы, или же образовали они новую осадную армию против Владивостока.

3) Нам известно существование шести армий: 1-й Куроки, 2-й Оку, 3-й Ноги, 4-й Нодзу, Ялучжанской Кавамура и Корейской Хасегава. Состав первых пяти армий, находящихся на Маньчжурском театре нам известен.

Необходимо выяснить состав Корейской армии и формируется ли новая армия для действия против Владивостока, ее название (номер), фамилию командующего этой армией, ее численность и какие дивизии или бригады входят в ее состав.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.1. Л.94 — 94 об.

4) По нашим сведениям, на Сахалине высадилась отдельная бригада или дивизия генерала Оки. Необходимо проверить эти данные и узнать, полевая или резервная и какие по номеру полки входят в ее состав.

При сем прилагается «Организация японских вооруженных сил» для сведения г-на Пларра.

Подписал: Генерал-квартирмейстер,
генерал-майор Орановский

Скрепил: Генерального штаба,
подполковник Барон-Винекен

Верно: Генерального штаба, капитан Михайлов

ДОКЛАД
ВОЕННОГО
СЛЕДОВАТЕЛЯ
3-й Маньчжурской
армии
при 4-м армейском
корпусе
5-го сентября 1905 г.
№ 568
ст.Годзядан

Копия

Приложение

ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
генерал-квартирмейстеру
при Главнокомандующем*

ОРГАНИЗАЦИЯ ШПИОНСТВА В ЯПОНСКОЙ АРМИИ

В настоящем докладе очерчены только наиболее характерные черты японской организации, насколько они выразились в наших военно-судебных процессах и документальных данных разведывательного отделения по этому вопросу.

До начала войны японцы имели своих тайных агентов не только во всех более или менее важных пунктах намеченного ими театра войны, но также и во внутренних губерниях России, благодаря чему они были прекрасно осведомлены о действительном положении дел.

В Уссурийском крае и Маньчжурии агентами являются по преимуществу японцы в виде торговцев, парикмахеров, содержателей гостиниц, меблированных комнат, публичных домов и т.п. учреждений.

Во внутренних губерниях контингент этот пополнялся еще евреями, греками, австрийцами, англичанами и другими нашими западно-европейскими соседями.

С началом войны, когда последовало распоряжение о выселении японцев и пребывание их на театре войны сделалось опасным, японцам пришлось довольст-

---

*ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.1. Л.166 — 171 об.

воваться услугами только тех китайцев, с которыми у них еще заблаговременно были завязаны сношения. В эту минуту японцев выручил тот хаос, который наблюдался в первый период войны.

До учреждения жандармско-полицейского надзора наблюдения за приезжающими почти не было, благодаря чему на театр войны хлынула масса всевозможных аферистов: бывшие сахалинцы, отбывшие уже свой срок наказания, беглые каторжники, проживающие по чужим или поддельным документам, евреи, кавказцы, греки, турки — все они стремились на театр войны исключительно ради наживы, не брезгуя никакими средствами. Ехали из Шанхая, Тяньцзиня, Шанхай-Гуаня, через Инкоу и Синмингин.

С этим людом проникло к нам и много шпионов, которые пополнили собой пробел, вызванный высылкой японцев.

В делах разведывательного отделения есть много данных, указывающих на то обстоятельство, что в этот период войны японцы пользовались услугами преимущественно таких лиц, работавших под видом корреспондентов, содержателей кафе-шантанов и особого типа меблированных комнат, содержимых больше для кутежей, чем для жизни в них. Число комнат в таких «номерах» было невелико, но обставлялись они насколько возможно роскошно; хозяйки их отличались большим гостеприимством, а одна или две хорошенькие компаньонки являлись деятельными помощницами собираний необходимых сведений. В это же время были наблюдаемы и попытки проникнуть в нашу армию так называемых «двойных шпионов», одновременно желавших служить нашим и японским интересам. Типичным представителем этого рода шпионства может служить португальский подданный Гидис[16].

Из дел, однако, видно, что как Гидис*, так и другие лица, пытавшиеся служить одновременно «двум господам», особенным успехом не пользовались и скоро теряли кредит как у нас, так и у противника.

Мало-помалу японцы убедились, что при наличности местных условий наилучшим материалом для формирования шпионства служат все-таки китайцы.

* Он же — Годдес, он же — Гайдес, он же — Геддес. — *И.Д.*

Помимо лучшего знания местных условий, китайцы, как шпионы, имели еще и то преимущество, что, теряясь в общей массе жителей, наименее обращали на себя внимание. Опыт войны показал, что они могли считать себя в полной безопасности, если одевались в костюм чернорабочего, не носили при себе письменных документов и не ходили часто одними путями. При наличности массы китайцев, вечно передвигающихся с места на место в поисках работы, лазутчики расплывались в этой массе и делались неуязвимыми.

Вербовке агентов из среды китайского населения не могло не благоприятствовать также и то обстоятельство, что, благодаря войне местная торговля свелась почти на нет и оставшиеся без работы приказчики и торговцы охотно принимали предложения японцев для формирования собой кадров разведчиков.

В первый период кампании, до образования школ для подготовки разведчиков, японцы ценили их труд главным образом в зависимости от степени грамотности, интеллигентности и знания русского языка, причем постоянное жалованье лучшим из них доходило до 200 иен в месяц, кроме отдельных вознаграждений за каждое удачно выполненное поручение; неграмотным и не знающим русского языка платили около 40 иен.

Сама система разведки велась следующим образом. В тыловые учреждения нашей армии шпионы высылались преимущественно небольшими группами в 3 — 4 человека, причем им от себя предоставлялось нанимать помощников для доставки донесений в японское бюро. Во главе такой организации ставился наиболее интеллигентный агент, хорошо владеющий русским языком, остальные играли роль «подручных». Ей давалась определенная задача — исследовать данный район в каком-либо отношении или проследить передвижение в нем войсковых единиц.

Для такой организации важно иметь основную базу, из которой можно было бы производить разведки в отдельных пунктах заданного района, поэтому японцы, высылая подобную группу, снабжали ее и необходимой суммой для открытия мелочной лавочки или еще чаще хлебопекарни. Булочная пред-

почитается, потому что в ней сходятся люди всевозможных положений и можно прислушиваться к самым разнообразным разговорам, тогда как в мелочную лавочку офицер уже не пойдет и посетители ее представляют собой слишком однообразную среду. Устроившись таким образом, один из лазутчиков вел торговое дело и выспрашивал интересующие его сведения на месте, в то время как его товарищи оперировали на стороне, под видом мелочных торговцев или, если это оправдывалось условиями разведки, работали в роли погонщиков при обозе, ресторанной прислуги в госпиталях и т.п.

Добытые таким путем сведения отсылались через специальных почтальонов, которые, чередуясь, устанавливали непрерывное сообщение с японским бюро.

В начале войны было несколько случаев поимки подобных переносчиков, почему, очевидно, руководимые свыше, они постоянно меняли свои приемы. Так, например, переносители писем в начале войны часто прятали их в подошвы своих башмаков, потом излюбленным приемом было вплетение документов в волосы своей косы, а когда это обнаружилось, агенты стали зашивать донесения в шов рубца на обуви и платья. Для того, чтобы найти подобный документ, необходимо распороть всю обувь или платье. На практике приемы эти в массах не применимы, а потому для большинства проносителей обыски кончались ничем. Наряду с этим простым, но остроумным способом, практиковались и другие, например трубочки провощенной бумаги с донесением зашивались в хомуты лошадей, вкладывались в выдолбленные пустоты повозок и т.п.

Ряд задержанных шпионов красноречиво говорит нам, как умело и практично японцы пользовались услугами даже неграмотных китайцев.

В январе месяце 1905 г. в одном из наших военных судов судился китаец за шпионство. На судебном следствии выяснилось, что китаец этот, под видом продавца махорки все время шатался в тылу войсковых частей, занимающих позиции южнее Мукдена. Его много раз прогоняли подальше от мест, занятых войсками, но он назойливо возвращался снова, пока в один день

проходивший мимо него переводчик не обратил внимания на то, что китаец, сидя на корточках, что-то вычерчивает на имеющейся у него бумажке. Китайца задержали и при дальнейшем расследовании оказалось, что бумажка была разделена красной чертой пополам и потом вся разделена на квадратики. Красная черта изображала железную дорогу к югу от Мукдена, а квадраты — участки прилегающей площади земли, на которых китаец должен был вычерчивать изображение погон тех частей войск, которые в данную минуту на них находились.

Задача эта наполовину была уже выполнена китайцем и изображения погон солдат довольно разборчиво были вырисованы в квадратиках.

Сопоставляя этот факт с аналогичными, следует прийти к заключению, что сущность данного приема сводилась к тому, что известная местность разбивалась на квадраты и в каждый такой квадрат посылались один или два китайца. Посланный снабжался листом бумаги, изображавшим собою план исследуемого участка. Бумажка эта, в свою очередь, делилась на квадратики, и вся задача импровизированного шпиона сводилась к тому, чтобы, бродя по своему участку под видом мелочного торговца, на каждом квадратике нарисовать изображение погон тех частей войск, которых он там встретит. Если на подобном участке сразу работает два человека, ничего не зная друг о друге, то они вместе с тем являются и контролерами по отношению один к другому. Получая, время от времени, зарисованные листки, японское разведочное бюро группирует их, подводит им итоги и всегда прекрасно осведомлено о том, какими войсками в данное время занят известный район.

К числу выгодных сторон подобной системы следует, между прочим, отнести и то обстоятельство, что при такой организации японцы, имея возможность утилизировать труд неграмотных китайцев, в то же время никогда не рисковали остаться без необходимых сведений, что всегда могло бы случиться при высылке одиночных агентов. В денежном отношении эта система также очень выгодна, ибо неграмотные китайцы ценили свой труд очень низко.

Есть данные, что в этот период кампании немаловажные услуги японцам оказывали китайские власти и некоторые их торговые фирмы. Так, например, незадолго до отступления наших войск от Мукдена, один из японских генералов в сопровождении китайского конвоя приезжал в Мукден и под видом китайского сановника разъезжал по его улицам. Мукденское купечество со своей стороны поддерживало сношение с неприятельским разведочным бюро.

Во внутренних губерниях России также были случаи поимки лиц, наблюдавших за ходом нашей мобилизации и затем передвижения войск к театру войны. Так, например, в Екатеринославле были задержаны два австрийских подданных, которые при помощи подкупа писарей воинского начальника получали все данные о ходе мобилизации и пересылали их затем через Австрию в Японию. Одновременно с этим японские агенты наблюдали за передвижением войск на многих станциях Сибирской железной дороги. Хорошей иллюстрацией того, как велось это дело, может служить случай задержания японского агента в Мукдене, незадолго до оставления его нами. Ко времени прихода воинских поездов в вокзал являлся китаец, пил за общим столом пиво и заносил какие-то заметки в записную книжку. При расследовании оказалось, что китаец записывал все, что ему приходилось наблюдать на вокзале: время прихода поездов, название прибывающих частей, число вагонов в поезде и проч. В числе сведений, занесенных им в свою книжку, между прочим, значилась следующая характеристика проследовавшего через эту станцию штаба одной из войсковых частей: «Офицеры очень молоды, к делу относятся легкомысленно, очевидно, многие из них назначены по протекции». Оставляя в стороне вопрос о близости к истине этой заметки, нельзя не обратить внимания на нее, как характеризующую японскую наблюдательность. Очевидно, от их внимания не ускользнула ни одна мелочь, так или иначе характеризующая нас как противника.

Шпионы их проникали всюду, даже в госпитали, где было несколько случаев поимки шпионов среди прислуги. Казалось, госпиталь сам по себе должен

представлять мало интересного для наблюдения, а между тем оно было систематизировано и в лечебных учреждениях, благодаря чему японцы были хорошо осведомлены как о числе больных и раненых, так и об уходе за ними. Несомненно, подобная организация наблюдения давала японцам полную картину мобилизации наших войск, их передвижения, боевого расположения, санитарного состояния и проч. Бой под Мукденом показал, что Япония умело пользовалась этими сведениями и японскому Главному штабу они сослужили большую службу.

Этим дело, однако, не ограничивалось. Установив самое важное наблюдение над Россией, Япония в то же время следит и за тем, что делается в Китае. В Пекине с этой целью была учреждена ими особая школа разведчиков, которые обязаны были не только наблюдать за положением дела в местностях, прилегающих к театру войны, но и вести там специальную японскую пропаганду.

Далеко не в таких благоприятных условиях оказались, однако, японцы, когда фронты армий отдалились один от другого и при штабе Главнокомандующего у нас, наконец, были организованы средства для борьбы с этим злом.

Находить желающих заняться шпионством сделалось труднее, да и сам сбор сведений усложнился. Старые приемы оказались малоприменительными и японцам пришлось приспосабливаться к новым условиям. Для непосредственного руководства своими шпионами они устраивают вдоль линии фронта ряд разведочных бюро, параллельно которым, но уже в нашем районе, были сформированы такие же бюро, с той только разницей, что в японском районе заведующими ими были японские офицеры, а в нашем китайцы. Обязанность первых состояла в общем руководстве несколькими партиями, оперировавшими в данном участке, и в то же время — прием, сортировка и направление полученных сведений в штабы своих армий; вторые же, т.е. начальники бюро, расположенных в нашем районе, руководили разведчиками, уже непосредственно посылая их в те или иные другие города или места скопления наших войск.

Много помогло японцам то обстоятельство, что к этому времени из среды китайцев у них успели образоваться кадры вполне надежных агентов и эти бюро получили опытных руководителей. Что касается формирования штата собственно разведчиков, то в этом отношении японцам пришла на помощь обычная их неразборчивость в выборе средств. Так, например, все те лица, которые так или иначе служили в наших войсках в виде переводчиков, подрядчиков, погонщиков, были причислены японцами к категории подозрительных и занесены в особые списки. Кто мог из числа этих подозрительных лиц, конечно, скрылся в части Маньчжурии, занятой нашими войсками, но скрыться оказалось не всегда удобным и возможным. Дело в том, что семьи этих лиц и имущественные владения оказались во власти японцев. И вот японцы с чисто азиатской откровенностью и жестокостью объявили этим подозрительным китайцам, что им легко перейти в категорию лиц вполне благонамеренных: стоит только сходить за неприятельскую черту расположения и принести им сведения о расположении русских войск. Пользуясь своими старыми знакомствами и связями, эти разведчики свободно проникали в расположение нашей армии и пристраивались к каким-либо воинским частям, находя приют у знакомых переводчиков. Для экономии труда разведчика в помощь каждому из них придавались два-три посыльных, — обязанность которых состояла в том, чтобы безостановочно переносить добытые сведения в китайское бюро, откуда начальники этих бюро сейчас же пересылали их за черту расположения войск в японские учреждения этого рода. Если принять во внимание, что глубина нашего фронта в большинстве случаев не превышала 40 — 50 верст, то при такой организации лазутчик, располагая тремя посыльными, мог непрерывно доставлять свои наблюдения и все, что им посылалось, достигало японцев на 3 — 4 день. Из мест же, ближайших к черте японских войск, сведения эти достигали своего места назначения гораздо ранее, так что сообщение устанавливалось почти непрерывное.

Типичным представителем такого рода организации может служить бюро или, как говорилось в донесении по этому поводу теплое «гнездо» шпионов в Маймайкае, организованное китайцами Ин-зай-пу и Ли-сянь-го, в доме местного купца Сюнь-цзао-вей. На судебном следствии по этому делу выяснились, между прочим интересные данные, во что обходилось японцам устройство подобных бюро или «гнезд» в данный период кампании. Ин-зай-пу — главный руководитель, получал сто рублей в месяц, остальные агенты получали единовременно в виде подъемных десять рублей, постоянного жалованья 40 рублей в месяц и 6 рублей за каждое донесение. Переносители сведений, или почтальоны, получали только издельную плату 5 — 6 рублей за переноску каждого сведения. Почтальоны эти вербовались преимущественно из местного пролетариата и при той низкой плате, которую они получали, трудно даже допустить, что они всегда вполне сознавали всю опасность принятых на себя обязанностей. По крайней мере на суде многие из них заявляли, что смотрели на свое занятие просто, как на средство заработать себе кусок хлеба.

В обществе думают, что японцы часто посылали в роли шпионов своих офицеров, а между тем это совершенно неверно. В делах разведывательного отделения, правда, встречались указания на то, что японские офицеры, переодеваясь китайцами, следят с сопок за движением наших войск и сигнализируют при помощи оптических приборов, но и только. В судебных же процессах о шпионах японские офицеры фигурировали в качестве обвиняемых только в редких случаях, где на них возлагались исключительные по своей важности задачи. В этом отношении обращает на себя внимание дело полковника Юкока и капитана Оки[17]. В феврале месяце 1904 г. эти офицеры вместе с четырьмя японскими студентами были командированы из Пекина для порчи нашей железной дороги в районе от Хинганского перевала до станции Цицикарь. Этот крошечный отряд под видом китайских купцов совершил очень тяжелый 40-дневный переход через Монголию, но был, одна-

ко, обнаружен и захвачен нашим разъездом, ранее чем успел достигнуть железной дороги.

По рассказу подполковника Юкока, подтвердившемуся другими данными следствия, он, также как и его спутники, отправились в эту крайне трудную и опасную экспедицию, будучи к ней совершенно неподготовленными. Оба офицера, также как и студенты, никогда не были кавалеристами и настолько слабо владели лошадью, что в первый же день выезда из Пекина половина их свалилась с коней.

Застигнутые нашим разъездом 30 марта около станции Турчиха, они не пытались даже сопротивляться, но это обстоятельство нисколько не помешало им также мужественно встретить смерть, как стоически перенесли они все невзгоды своего путешествия.

Вторым офицером, который судился по обвинению в шпионстве, был кавалерийский офицер Томако Кобаяси и унтер-офицер Кого.

Кобаяси, юноша 23 лет, единственный сын в семье, был послан из Кайюаня с разъездом в 5 человек в г.Гирин, чтобы собрать сведения о движении туда русских войск. Проехав до деревни Шеичиупу, он убедился, что дальше нельзя ехать и вести разведку открыто, о чем и донес своему полковому командиру, но в ответ получил категорическое приказание: «Задача должна быть выполнена». Продолжать дальнейший путь можно было только переодевшись китайцем. Отправив нижних чинов обратно в полк, поручик Кобаяси вместе с унтер-офицером Кого переоделись китайцами, привязали себе искусственные косы и, наняв китайскую арбу, под видом путешествующих купцов отправились дальше. Все шло удачно, вплоть до 16-го марта, когда в д.Тоисухе (20 верст южнее Гирина) они были узнаны нашим караулом и привлечены к судебному следствию как шпионы.

В обоих случаях офицеры судились, как шпионы, главным образом потому, что для успеха своей задачи они переодевались в китайские костюмы. Во всех же остальных отношениях нельзя не указать резкой разницы между мотивом и образом действий шпионов, действующих за деньги и этими офицерами, которые были посланы вопреки их желанию и шли

на опасное дело исключительно ради блага своей родины.

Резюмируя все вышеизложенное, следует придти к заключению, что тайная разведка в японской армии велась очень широко, умело применялась к местным условиям и давала сама собою контролируемый материал. Благодаря такой организации, противник прекрасно был осведомлен как о состоянии наших войск, так и о внутреннем положении России.

Военный следователь,
полковник Огиевский

РАЗДЕЛ II

АГЕНТ-ДВОЙНИК
(Дело Хосе Гидиса)

Имя этого человека уже знакомо читателю по мемуарам А.А.Игнатьева «50 лет в строю». Хосе Гидис был двойным агентом, работавшим одновременно на японскую и русскую разведки. Согласно версии А.А.Игнатьева, он лично завербовал Гидиса в начале войны, когда тот был захвачен русским разъездом и доставлен к нему на допрос. Игнатьев, по его словам, давал Гидису задания и получал от него информацию. Далее он писал, что зимой 1905 г. получил от Гидиса предсмертное послание, написанное в ночь перед казнью и посланное японским штабом по китайской почте в Мукден[1]. В этом письме Гидис сообщал, что из-за невежества русского офицера, заменившего Игнатьева в разведотделении, он разоблачен японцами, посылал Игнатьеву свое последнее «прости» и сообщал некоторые сведения из своей биографии*.

Но вот теперь в архиве найдены подлинные документы по делу Гидиса, из которых следует, что вся эта история, излагаемая Игнатьевым, не что иное, как фальсификация**. Правдой здесь оказалось только то, что Гидис действительно был двойным агентом и португальцем по происхождению.

Хосе Мария Гидис (он же Гайдес, он же Иосиф Геддес), сын владельца одной из шанхайских газет, по профессии коммивояжер и одновременно японский шпион, в апреле 1904 г. предложил свои услуги рус-

---

* Сведения абсолютно неверные, как читатель сможет сам увидеть из публикуемых здесь документов. Судя по всему, Гидис вообще никогда не писал этого письма.

** Автор этих строк, к своему стыду, вынужден признать, что в свое время сам стал жертвой этой фальсификации и в одной из своих статей вслед за Игнатьевым «похоронил» Гидиса (см.: Деревянко И.В. Русская агентурная разведка в 1902 — 1905 гг. //Военно-исторический журнал, 1989, № 5)

скому военному атташе в Тяньцзине полковнику Ф.Е.Огородникову, а затем консулу в Тяньцзине коллежскому советнику Н.Лаптеву. Хотя Гидис постоянно находился на подозрении у русского командования, услугами его пользовались, и иногда он сообщал весьма ценную информацию. Японцы тоже не особенно доверяли Гидису, подозревая, что он работает не только на них, но и на русских.

В мае 1904 г. они арестовали его как русского шпиона, выпороли хлыстом, приговорили к расстрелу, но спустя три дня за недостатком улик освободили. После этого Гидис долгое время благополучно работал на тех и на других, однако в декабре 1904 г. был арестован русским командованием и заключен в тюрьму, где и находился до конца войны. О том, как работал Гидис, почему он был арестован, что с ним происходило в тюрьме и как он получил наконец свободу, вы сможете узнать из публикуемых ниже документов.

И.В.Деревянко

ПЕРЕВОД ШИФРОВАННОЙ ДЕПЕШИ ВОЕННОГО АГЕНТА В ТЯНЬЦЗИНЕ ПОЛКОВНИКА Ф.Е.ОГОРОДНИКОВА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРУ ШТАБА НАМЕСТНИКА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ В.Е.ФЛУГУ ОТ 25 АПРЕЛЯ 1904 Г.*

Гидис сообщает: у Бицзыво высадились части 2-й и 3-й армий. Всего — 30 тысяч. Направляются к железной дороге, чтобы отрезать Артур. На будущей неделе японцы намерены осадить Артур и заградить вход**.

Огородников

ОТНОШЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА ШТАБА МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА В.И.ХАРКЕВИЧА НАЧАЛЬНИКУ ЛЯОХЭЙСКОГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ В.А.КОСАГОВСКОМУ ОТ 29 АПРЕЛЯ 1904 Г.***

Полевой штаб Маньчжурской армии.
Управление генерал-квартирмейстера.
Отделение разведывательное.
29 апреля 1904 г. Ляоян.

В среду 28 апреля выехал из Шанхай-Гуаня на Синминтин шпион Гидис с письмом полковника Огородникова, а для наблюдения за ним переодетый казак. В Синминтине Гидис должен был быть 28 апреля вечером. Гидис — португальский подданный, лет двадцати двух, сын владельца «Шанхай Дейли пресс», живший три года в Шанхае, бывший часто в Маньчжурии агентом торговой фирмы «Мостарт Эннинг», получил предложение быть японским шпионом, но обратился к полковнику Огородникову 1п. 93 об.1 служить нам. Приметы Гидиса: худощавый, без бороды и усов, очень моложавый, выше среднего роста, брюнет, черные волосы, как у японца, заостренное лицо, очень низкий лоб, уши торчат, наружные края бровей приподняты, пенсне, острый нос, на левой щеке у носа

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Оп.6. Д.7. Л.150.

** Слова «у Бицзыво», «2-й и 3-й армий» в подлиннике подчеркнуты и на полях стоит знак вопроса. — *И.Д.*

*** ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29789. Л.93 — 93 об.

едва заметная родинка, длинные пальцы. Капитан Едрихин в Гидисе узнал самозваного корреспондента американских газет; в начале февраля он был арестован в Артуре и после высылки распространял слух о том, что русские морили его голодом. В Шанхай-Гуане подделывал телеграммы Рейтера о гибели русских судов. Вследствие приказания начальника полевого штаба Наместника благоволите выследить и арестовать этого шпиона.

п. Г.-Кв. В.И.Харкевич

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА ШТАБА НАМЕСТНИКА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА В.Е.ФЛУГА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРУ ШТАБА МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ В.И.ХАРКЕВИЧУ*

Перевод шифрованной телеграммы,
полученной 30 апреля месяца 1904 г. от ген.м. Флуга.

3526. Наместник приказал не арестовывать Гидиса, а только установить за ним наблюдение.
2387 Флуг

Дешифровал 30 IV Генерального
штаба, капитан Михайлов

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕГРАФУ ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА ШТАБА НАМЕСТНИКА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА В.Е.ФЛУГА И ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА ШТАБА МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА В.И.ХАРКЕВИЧА

Генерал-майор Флуг: По поводу одного лица хочу с Вами переговорить, фамилию которого я не буду называть, но генерал догадывается, кто это такой. Это именно то лицо, которое он хотел арестовать, но я телеграфировал, что Наместник приказал не арестовывать. Так понял ли Его Превосходительство, о ком идет речь?

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29289. Л.78.

Харкевич: Его Превосходительство догадывается, хотя телеграмма Ваша только что получена и еще не дошифрована. Сейчас пошлю отмену приказания.

Флуг: Отмену приказания не нужно посылать, потому что это лицо уже прибыло сюда и находится здесь под строгим надзором.

Харкевич: Имеете ли Вы дать мне какие-либо указания?

Флуг: Могу рекомендовать этого человека. Полагаю, он может быть очень полезен для разведок неприятеля при условии строгого надзора за ним. В пользу этого могу привести следующие соображения. Он заявляет, что может свободно проникнуть через японские передовые посты и доставить какое угодно сведение. Полагал бы, что он мог бы быть весьма полезен для того, чтобы узнать о силах японцев, высадившихся у Бицзыво. Хотя он и двойной шпион, несомненно, но так как он находится вполне в наших руках и по отношению к нему могут быть приняты какие угодно меры наблюдения и предосторожности, вплоть до завязывания глаз, то присутствие его в нашей армии не будет опасно, между тем, как он нам может доставить весьма ценные сведения. Так вот, считает ли Его Превосходительство, чтобы я отправил этого человека в его распоряжение?

Харкевич: Считаю очень полезным, и сколько мне известно, Командующий армией высказывал мнение, что при осторожности им можно было бы с успехом воспользоваться.

Флуг: Я сам такого же мнения, но считаю необходимым все-таки спросить предварительно разрешение Наместника, что могу сделать завтра утром, после чего дам окончательный ответ. И должен предупредить, что он из европейских языков говорит только по-английски.

Харкевич: Будем ожидать Вашей телеграммы, и в утвердительном случае в котором часу его встретить?

Флуг: Это трудно определить, в котором часу я пришлю его под конвоем. Старший конвойный явится к Его Превосходительству и доложит.

Харкевич: Не имеет ли еще что сказать Его Превосходительство и спросить меня, так как я могу быть на позиции.

Флуг: Прошу направить его в разведывательное отделение подполковнику Люпову. Затем я прошу, чтобы для него какое-нибудь помещение было.

Харкевич: Хорошо. До свидания.

Копия

ПЕРЕВОД ШИФРОВАННОЙ ДЕПЕШИ ИЗ ПЕКИНА ОТ ВОЕННОГО АГЕНТА

Подана 1 мая 1904 г.
Получена 1 мая 1904 г.*
Мукден

Генералу Флугу

Вчера получил от Гидиса телеграмму из Синминтина: японцы 11 уехали Пекин и что подробности письмом. Сегодня в Тяньцзинь приехал со стороны Шанхай-Гуаня японец, переодетый китайцем, говорит французски. Пекин приехали три японца в штатском, один из тайной полиции. Из Калгана в Китай прибыли три японца. Дальнейшие справки о Гидисе обнаруживают, что он сам говорил некоторым лицам, что он на русской службе; один из офицеров японского штаба сказал, что сношения с ним прекращены, однако другой в частном разговоре сообщил о каких-то затруднениях Гидиса и необходимости для него какого-то паспорта; обнаружилось также, что Гидис был тайком у моего китайца, чтобы узнать, какие у меня сведения о японских офицерах китайской службы. Я требовал от него эту справку, а он не мог дать подробности. Если будет признано необходимым арестовать Гидиса, то удобнее теперь, пока за ним надзор Данилова, но некоторые сведения его были верны. 389. Огородников.

Верно: Генерального штаба,
подполковник Максимович

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29289. Л.103 — 103 об.

ПЕРЕВОД ШИФРОВАННОЙ ДЕПЕШИ ВОЕННОГО АГЕНТА В ТЯНЬЦЗИНЕ ПОЛКОВНИКА Ф.Е.ОГОРОДНИКОВА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА ШТАБА НАМЕСТНИКА*

От 18 мая 1904 г.
Мукден

Генералу Флугу

На днях Едрихин известил, что Гидис проехал по делу в Пекин, ко мне не являлся, но сегодня я получил от него из Пейтахо условным шифром следующую телеграмму: третий четвертый корпуса Ялу № 480. Огородников.

Верно: Генерального штаба,
подполковник Максимович

Копия

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА ВОЕННОГО АГЕНТА В ТЯНЬЦЗИНЕ ПОЛКОВНИКА Ф.Е.ОГОРОДНИКОВА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРУ ШТАБА НАМЕСТНИКА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Ф.Е.ФЛУГУ**

Тяньцзинь, 20-го мая 1904 г.

Гидис являлся 18-го ночью, доложил, что был в Пекине с разрешения штаба армии и по поручению командующего второй японской армией, переданному ему в Пуландяне полковником Ороко; он должен был передать японскому посланнику в Пекине слова: «теперь пора действовать». Смысл ему неизвестен. Гидис просит передать, что не мог тотчас вернуться Ляоян, как требовал штаб армии, ибо был арестован японцами в Шанхай-Гуане, держали три дня в темном каземате без пищи и питья, дали с промежутками двадцать пять ударов крепким хлыстом, требовали, чтобы сознался, что именно передал русским. Приговорили к расстрелу, но потом за недостатком улик отпустили. Теперь пока не рискует

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29289. Л.120.
** ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29291. Л.227 — 227 об.

уехать из Тяньцзиня без разрешения генерала Земба. Гидис подозревает, что его выдал Маглу, зять Буша, находящийся в Шанхай-Гуане, хотя вообще он был недостаточно осторожен, однако теперь, по словам Гидиса, все улажено; разговор Гидиса подозрителен, время отъезда из Шанхай-Гуаня не установлено, по его словам, японцы не знают, что у него наш паспорт, бывший у него в башмаке, но при обыске его должны были найти, сверх того, по приезде в Тяньцзинь он говорил небольшой компании о паспорте, скрыл его от меня, равно как и часть своих разговоров, например, о каком-то смотре войск в Мукдене или Ляояне Командующим армией. 499. Огородников.

Верно: Генерального штаба,
подполковник Максимович

ПЕРЕВОД ШИФРОВАННОЙ ТЕЛЕГРАММЫ ВОЕННОГО АГЕНТА В ТЯНЬЦЗИНЕ ПОЛКОВНИКА Ф.Е.ОГОРОДНИКОВА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРУ ШТАБА МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ В.И.ХАРКЕВИЧУ*

21 мая 1904 г.

(2-й экземпляр — генерал-квартирмейстеру штаба Наместника генерал-майору В.Е.Флугу)

Имея другие источники и действуя разными способами, я вынудил агента Гидиса к усиленной работе. Понесенное им от японцев наказание подтверждается, но благодаря упорству Гидиса японцы, по-видимому, ему поверили. С другой стороны, Гидис озлоблен на них за жестокость и скупость. В итоге сообщил следующие сведения, в общем совпадающие с другими имеющимися у меня данными. Сообщаю сведения:

Третий корпус Ямауки высажен в Дагуман, что при Тайванской бухте, и направляется через Кучунмхучау. В его составе имеется дивизия из Кумамото, полки которой участвовали во взятии Артура от китайцев[2]. На

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Оп.6. Д.7. Л.276.

побережье близ Кинчжоу построен понтонный мост для облегчения погрузки больших орудий, железная дорога и телеграф усиленно починяются.

Атака на Артур начнется по присоединении третьего корпуса к тяжелой артиллерии. Японцы рассчитывают взять Артур через 2 или даже 1 неделю, хотя бы пришлось потерять 10 тысяч людей[3]. Для обеспечения операции против Артура выдвигаются на север по одному отряду от третьей, четвертой и первой дивизий второго корпуса: один на Гайджоу, другой в направлении Таянхо, третий между ними. Известен пока состав лишь второго отряда от первой дивизии: 3 тысячи из пехоты, кавалерии и артиллерии при 18 орудиях. Красные погоны, желтые околыши. Из первого, четвертого и пятого корпусов предположено оставить для обеспечения тыла на Ялу две дивизии. Наступление против Ляояна считают трудным и возможным лишь после взятия Артура. Состав штаба первого корпуса Куроки: генерал-майор Таукамато, полковник Оки и майор Конуа.

Прошу разрешить задержать Гидиса в Тяньцзине. Впредь буду называть его № 1.

Огородников

Верно: Генерального штаба,
полковник Максимов

ТЕЛЕГРАММА ВОЕННОГО АГЕНТА В ТЯНЬЦЗИНЕ ПОЛКОВНИКА Ф.Е.ОГОРОДНИКОВА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРУ ШТАБА МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ В.И.ХАРКЕВИЧУ

22 мая 1904 г.*

Номер первый (Гидис) сообщил, что переданная им в Пекин фраза означала, что пора начать покушения на жизнь генерал-адъютанта Куропаткина и чинов штаба. Он сам получил такое предложение, но отказался.

Огородников.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Оп.6. Д.7. Л.286.

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА ШТАБА НАМЕСТНИКА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА В.Е.ФЛУГА ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРУ ШТАБА МАНЬЧЖУРСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ В.И.ХАРКЕВИЧУ*

От 30 мая 1904 г.

Перевод шифрованной телеграммы, полученной 30 мая месяца 1904 г. от ген.м. Флуга.

Гидис просит у Огородникова тысячу двести рублей, ссылаясь на то, что ему в штабе армии предлагали тысячу рублей, но он отказался, не предвидя теперешних затруднений. Прошу сообщить, верно ли заявление и была ли от Гидиса какая-нибудь польза.

Номер 3119 Флуг.

ПИСЬМО КОНСУЛА В ТЯНЬЦЗИНЕ Н.ЛАПТЕВА РУССКОМУ КОМАНДОВАНИЮ В МУКДЕНЕ, ПЕРЕДАННОЕ ЧЕРЕЗ СОТРУДНИКА КОНТРРАЗВЕДКИ И.Ф.ПЕРСИЦА, НЕГЛАСНО СОПРОВОЖДАВШЕГО ГИДИСА К МЕСТУ АРЕСТА**

Тяньцзинь, 12 декабря 1904 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Сегодня с г-ном Персицем пересылаю для передачи в руки наших властей португальского подданного Гейдиса (J.Guedes), бывшего моего агента, которого надлежит арестовать и держать под строгим караулом до окончания войны. Не откажите сделать все от Вас зависящее, чтобы привести в исполнение эту мою рекомендацию.

Из препровождаемого у сего моего открытого письма к Guedes'у, которое прошу Вас передать последнему по его аресте, Вы изволите усмотреть, что иностранец этот виновен во многом. Во-первых, он шантажист-шпион, все время получавший от нас деньги и продававший нас японцам. Во-вторых, он под разными благовидными предлогами взял у меня около 7000, ко-

---

*ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29289. Л.148.

**ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.127 — 128 об.

торые не передал по назначению. Это относится к предприятию. В-третьих, он, безусловно, стесняет свободу действий как моих, так равно и полк. Огородникова, будучи посвящен в знакомства с нашими агентами, некоторых из коих он рекомендовал и эксплуатировал самым бесчестным образом, держа «в страхе». Вообще, Гидис — в высшей степени зловредное нам лицо, и программа удаления его из здешних мест была давно намечена как мною, так и полковником Огородниковым. Например, он продал японцам мой секрет с пароходом, приобретенным неким Ханзава, причем явился к японскому консулу и выдал себя за капитана русской службы. Он будет обвинять в измене Ханзаву — это неправда. Ханзава — преданное нам лицо, которое оказывает много помощи; так, например, он спас этот пароход и ходит теперь свободно между Вей-хай-вей-ем и Дальним. Я в качестве португальского консула* беру на себя всю ответственность пред Португальским правительством по предмету этого ареста и заранее могу сказать, что этот мошенник никогда не осмелится объявить своей вины пред общественным судом.

Рекомендуйте держать его вдали от наших войск, не разрешайте ему сноситься с миром, кроме меня и министра Алтейда, и, вообще, учините строгий надзор. Он, безусловно, попытается сноситься с японцами и бежать из-под ареста.

Мои китайцы, безусловно, честные люди по отношению к предприятию, и они мне заявили крайним условием, что они могут работать, если злодей будет убран с севера Китая. Они убеждены, что Гидис, представивший их мне, вместе с тем имеет в виду выдать все предприятие японцам.

С этим португальцем заодно работает и работал китайский подданный Ло, именующий себя Гоад, которого я постараюсь также предать нашим властям, как одного из вреднейших нам субъектов. Повторяю, это — шантажисты, и у меня имеется достаточно доказательств их безчестности.

По поводу ареста Гидиса полковник Огородников сообщает отдельно генералу Флугу.

---

* Лаптев по совместительству выполнял обязанности и португальского консула. — *И.Д.*

Было бы очень желательно, чтобы г-н Персиц приезжал сюда на несколько дней однажды в месяц.

В Телине живет проститутка американка Голди. Благоволите предупредить, чтобы особенно наблюдали за этой особой, так как она состоит в переписке с заведомо японскими шпионами.

Если китаец Сун действует неуспешно, известите, вышлю другого — добавочного.

Письменную машинку не откажите вернуть; вышлю новую.

Извиняюсь за небрежность письма. Очень спешно.

Искренне преданный
Н.Лаптев.

Верно: Генерального штаба,
подполковник Березин

ДОПРОС ПОРТУГАЛЬЦА ГИДИСА (ОН ЖЕ ГАЙДИС)*

16-го января 1905 г.

Будучи самостоятельным коммивояжером, ознакомлялся с Дальним Востоком с разведывательными целями еще до русско-японской войны. В феврале 1904 г. собирал сведения о японских действиях, которые в мае сообщил русскому консулу в Тяньцзине Лаптеву и тогда же поступил к нему разведчиком. 8-го мая был послан Лаптевым в Мукден к генералу Флугу, а генералом Флугом в Шанхай-Гуань для разведки. 20 мая был арестован японцами по подозрению в шпионстве, но через четыре дня освобожден за недостаточностью улик, после чего вернулся в Тяньцзинь, где явился генералу** Огородникову и остался.

В декабре был послан в Мукден явиться к неизвестному ему [Гидису] генералу с письмом. По приезде в Мукден остановился в вагоне у австрийского доктора Персица, с которым только там познакомился. На третий день по прибытии в Мукден у того же Персица был арестован по причинам ему неизвестным.

На предложения дать какие-либо сведения о японской армии Гидис ответил (на опросе 16 января), что в мае месяце не был в тылу неприятеля и потому ничего не знает, но может рассказать о своем знакомстве с японским майором Ми-гара. На сообщение о приговоре, объявленном японцами португальцу Детко Коллинсу[4], ответил, что был лично знаком с Коллинсом и жил с ним вместе в июле в Тяньцзине.

По окончании опроса Гидису были выданы листки бумаги и предложено изложить на них сведения: 1) лично о себе, 2) о знакомстве с японским майором Ми-гара и 3) о Детко Коллинсе, прилагаемые в подлиннике и переводе.

Верно: Генерального штаба, подполковник Березин

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.98 об.

** Так в тексте. — *И.Д.*

ШТАБ
ТЫЛА МАНЬЧЖУРСКИХ
армий
Управление
генерал-квартирмейстера
Отделение разведывательное
30-го июня 1905 г.
№ 15173/1343
г.Харбин

Чиновнику
по Дипломатической
части при
Главнокомандующем

В ответ на отношение Ваше от 23-го июня с. г. за № 504 сообщаю, что португальский подданный Гайдис (Guedes), содержавшийся с 1-го января с. г. в Харбинском арестном доме, обвинялся по подозрению в шпионстве и в продаже японцам некоторых нюансов по снабжению крепости Порт-Артур боевыми припасами, причем по переписке по этому делу усмотрено, что обвинение его в шпионстве шло от русского консула в Тяньцзине коллежского советника Лаптева и при этом каких-либо несомненных доказательств виновности Гайдиса не имелось.

По словам Гайдиса, он лично известен нашему военному агенту в Тяньцзине полковнику Огородникову, у которого исполнял поручение по делам тайной агентуры. Весьма вероятно, что по роду своей деятельности, как наш разведчик, Гайдис и внушил подозрение консулу Лаптеву.

Я неоднократно запрашивал полковника Огородникова и консула Лаптева о причинах ареста Гайдиса, но ни от одного из них ответа не получил.

Наконец, после 3-х месячного тюремного заключения Гайдиса генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего на запрос мой, что делать с арестованным, уведомил меня телеграммой от 2-го апреля с. г. за № 3771, что в случае невиновности Гайдиса, препятствий к его освобождению и выселению через Сибирь и европейскую Россию на родину — не имеется.

Принимая все вышеизложенное во внимание, главный начальник тыла Маньчжурских армий признал возможным изъявить свое согласие на выселение Гайдиса с театра военных действий, что и было исполнено 15-го сего июня, когда Гайдис, распоряжением заведующего полицейским надзором, был выслан этапным

порядком в распоряжение Иркутского генерал-губернатора для отправления его под надзором за границу.

Где находится Гайдис в настоящее время, штабу тыла неизвестно.

Подписал: Начальник штаба тыла,
генерал-майор Глинский

Скрепил: Старший адъютант, подполковник Аносов

Верно: Генерального штаба, подполковник Бугунко

Копия с копии
3/16 ноября 1905 г.

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА*

ПЕТЕРБУРГ
ГЕНЕРАЛУ ПАЛИЦЫНУ

8065... Гидис доставлял негласные сведения также агентов-японцев. Его считали португальцем по документам нашего консула Лаптева, который также португальский консул. Решение выслать установлено с Лаптевым, ибо были серьезные подозрения, что Гидис выдал одного агента-японца, но следствие не установило этого, его освободили, об английском паспорте мне ничего не известно. Вообще словам Гидиса надо относиться крайне осторожно. Подлинную подписал: Огородников 1450.

Сверял: И.о.секретаря №

С копией *верно:* Генерального штаба, подполковник князь Волконский

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.93.

КОПИЯ ТЕЛЕГРАММЫ КОНСУЛА Н.ЛАПТЕВА ГЕНЕРАЛУ ОРАНОВСКОМУ*

от 19 декабря 1905 г.
(Получено 28-го декабря 1905-го г.)

Похлопочите, пожалуйста, чтобы выпустили португальца (Guedes) из Варшавской тюрьмы, где он, будто бы, задержан по настоянию генерала Надарова. Здешние португальские агенты очень хлопочут за этого мошенника, который, по-моему, уже достаточно наказан. Передают, что здоровье [Гидиса] внушает опасение.

Подписал: Н.Л. (Н.Лаптев)
(19-го декабря 1905 г.)

Сообщено генералу Орановскому 28-го декабря 1905 г.

ЧИНОВНИК
по Дипломатической части
при Главнокомандующем**

Секретно — Срочно

Начальнику штаба тыла

В декабре прошлого года, по указанию консула нашего в Тяньцзине, был арестован в Мукдене, для содержания под строгим надзором, португальский подданный Гайдис (Guedes).

Иностранец этот, служивший негласным агентом военному агенту полковнику Огородникову и консулу коллежскому советнику Лаптеву, был заподозрен ими в целом ряде недобросовестных действий, в присвоении доверенных ему сумм и в тайных сношениях с японцами.

---

*ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085.
**Там же. Л.133— 133 об.

Согласно предписанию начальника этапов 1-й армии, комендант Мукденского этапа отправил Гайдиса коменданту г.Харбин, при надписи от 7-го января за № 273.

Вследствие поступившего ныне ходатайства г-на Лаптева о содействии возвращению Гайдиса в Тяньцзинь, ввиду того, что отец Гайдиса и португальский консул в Шанхае обещают покрыть присвоенные Гайдисом деньги, имею честь просить Вашего Превосходительства не отказать уведомить меня: 1) где содержится в настоящее время Гайдис, 2) чьим распоряжением он может быть освобожден и 3) куда можно его выслать; наиболее удобным было бы доставить его в распоряжение нашего пограничного комиссара в Кяхте.

По получении Вашего уведомления я снесусь немедленно по телеграфу с г-м Лаптевым и о последующем не премину сообщить Вашему Превосходительству.

Подписал: Чиновник по Дипломатической части
А.Грушецкий

Верно: Генерального штаба, подполковник Березин

М.В.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
УПРАВЛЕНИЕ
ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕРА
Часть 3-го обер-квартирмейстера
19 мая 1906 г.
№ 278

В штаб войск
Дальнего Востока*

В декабре 1904 г. по указанию российского консула в Тяньцзине и по соглашению с нашим 1-ым военным агентом в Китае полковником Огородниковым из Тяньцзиня был выслан английский подданный Иосиф Годдес, выдававший себя за португальца Хозе Гайдиса.

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.88 — 89 об.

В Мукдене Годдес был арестован русскими военными властями, затем отправлен в Харбинскую тюрьму, а оттуда этапным порядком выслан в Варшаву.

Вследствие запроса Великобританского посольства министерство иностранных дел обратилось в Главное управление Генерального штаба за выяснением обстоятельств дела. На запрос начальника Генерального штаба получены были прилагаемые при сем в копиях телеграммы: 1) полковника Огородникова от 3 ноября 1905 г. № 1450 и 2) начальника штаба тыла Маньчжурских армий генерал-майора Глинского от 7 декабря № 8061. Содержание этих ответов было министерством иностранных дел сообщено Великобританскому посольству.

Тем не менее Британское правительство ныне вновь обратилось в министерство иностранных дел по тому же вопросу, настаивая на компенсации Годдеса значительной суммою (до 100000 руб.) и прося о производстве нового тщательного расследования.

Препровождая при сем перевод с заявления г-на Годдеса, сообщающего новые данные по обстоятельствам дела, Главное управление Генерального штаба просит о производстве дополнительного расследования.

Соответственное отношение одновременно с сим отправлено и в канцелярию иркутского генерал-губернатора.

Приложение: телеграммы №№ 1450 и 8061, заявление г-на Годдеса.

За генерал-квартирмейстера, генерал-майор
[неразборчиво]

За обер-квартирмейстера,
подполковник князь Волконский

Перевод

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ ИОСИФА ГЕДДЕСА В АНГЛИЙСКОЕ МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ*

Лондон, 23 декабря 1905 г.

«Приблизительно в конце октября 1904 г. генерал Огородников просил меня купить небольшой корабль... Через несколько дней я купил.

10 декабря 1904 г. генерал Огородников просил меня отправиться в Мукден, чтобы показать в Главной Квартире план купленного корабля, а также потому, что Штаб имеет купить нечто, что может принести мне хорошие комиссионные. Генерал Огородников дал мне тогда русский военный паспорт и другие документы для моей безопасности. 12 декабря 1904 г. я выехал из Тяньцзиня в Мукден. На пути между Тяньцзинем и Мукденом я познакомился с одним господином по имени доктор Персиц[5] (Persitz), который, как я потом узнал, был русским офицером. По приезде я был арестован капитаном Персицем и другим офицером, причем мои бумаги были отняты и разорваны капитаном в клочки.

Оба офицера приказали часовому держать меня в запертой комнате (в обществе японца, обвинявшегося в шпионстве) и осмотреть мою одежду.

На следующий день вечером комендант Мукдена вошел вместе с другим капитаном и расспросил меня обо мне и моих родителях, когда все было записано, мне объявили, что «на следующее утро в 6 часов я буду расстрелян». На вопрос, в чем его обвиняют, комендант ответил Геддесу: «Вы сами знаете лучше меня». Далее комендант сказал мне, что он очень жалеет (меня) и спросил, не хочу ли я написать письмо или завещание... Комендант приказал принести бумаги и в его же присутствии я написал лишь 2 слова: «Прощай, отец» и подписался. На следующее утро в 6 ч. никто не пришел, я попросил

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.90 — 91 об.

стражу пригласить коменданта, который и пришел часа через 2... Я спросил его, почему же я не был расстрелян, как было приказано генералом Куропаткиным, ибо это ожидание крайне тяжко. Он ответил, что приказ еще не подписан. Вечером он опять пришел и сказал, что я буду расстрелян на следующее утро, но, как и накануне, никто не явился и так повторялось изо дня в день — в течение 10 дней.

На третий день моего ареста пришел капитан Персиц и предложил мне подписать заявление, что я продал японцам план П.-Артура. Я ответил, что если бы я подписал такое заявление, то это было бы совершенною ложью, и отказал. Услыхав это, он приказал караульным обнажить и высечь меня. Двое из караульных дали мне несколько ударов по спине, а 4-й несколько раз меня ударил ногой. В то же время капитан сказал, что, пока я не подпишу документа, солдаты не перестанут меня сечь. Я ответил, что пусть меня засекут до смерти, я никогда документа не подпишу... После этого он объявил, что будет в отсутствии в течение 2 — 3 дней и что он оставляет мне бумагу для подписания в любое время, и что пока я не подпишу, мне не дадут есть. Два дня меня держали без пищи, на 3-й капитан Персиц пришел и сказал: «...Было бы гораздо лучше, если бы Вы подписали, я имею приказание генерала Куропаткина расстрелять Вас во всякое время, когда пожелаю». Я ответил, что он может расстрелять меня хоть сейчас... Но что я бумаги не подпишу. Тогда капитан ушел, и я его никогда больше не видал. На 11-й день моего ареста пришел комендант и сообщил, что генерал Куропаткин простил меня и что меня не расстреляют... «Я очень благодарен за любезность генерала Куропаткина, но я не вижу, в чем я должен быть прощен». Затем он объявил мне, что я буду препровожден под конвоем в Харбинскую военную тюрьму. По прибытии в (эту) тюрьму я был помещен в маленькую холодную комнату, иметь шерстяное одеяло или разводить огонь не разрешалось. Через несколько часов я попросил поручика чаю или горячей воды для питья. Он ответил, что получил определенное приказание не давать мне ни теплого питья, ни топлива. Скоро я заболел, мои руки и но-

ги и тело обмерзли и распухли. Холод был ужасен, лежать и в особенности ходить было для меня мученьем. Я попросил доктора, и через несколько дней пришел доктор, сказавший, что я должен немедленно отправиться в госпиталь, но никаких мер к моему передвижению принято не было. Каждые два дня ко мне приходил новый доктор и говорил то же самое, пока, наконец, после визита пятого доктора, меня не послали — не в госпиталь[6], а в уголовную тюрьму, где по прибытии я был помещен один в маленькую комнату. Я прибыл в тюрьму 27-го января 1905 г. Меня стерегли двое караульных и мне было воспрещено говорить, писать, петь и свистеть. 15 июня 1905 г. меня взяли из карцера и отправили вместе с 40 другими заключенными в Иркутск. В течение всего этого времени я ни разу не был опрошен, ни разу мне не сказали, за что меня посадили в тюрьму. Только перед самым отъездом в Иркутск я получил билет, указывающий, за что я был заточен...

26 июня я прибыл в Иркутск и был помещен в Центральную уголовную тюрьму, с этого дня до 27 сентября 1905 г. (т.е. до дня, когда, пройдя через все сибирские и другие тюрьмы (всего до 15 тюрем), я прибыл в Варшаву), я подвергался тому же режиму, как все уголовные и выполнял все работы, которые в виде наказания выполняет преступник... Я перенес еще большой позор — я прошел 15 городов Сибири и европейской России с цепями на руках. По прибытии в Варшаву я послал письмо Британскому консулу... 3 ноября 1905 г. я был освобожден.

Прилагаю при сем доказательства того, в чем меня обвиняло Русское правительство, а именно в том, будто 1) я шпион и 2) будто я продал планы Порт-Артура японцам, в чем я неповинен — я никогда не был в Порт-Артуре или близ него. Я вел удачные дела в Тяньцзине, и за убытки, причиненные арестом, я требую возмещения согласно прилагаемому расчету».

Перевел:
Генерального штаба,
подполковник князь Волконский

ШТАБ
ВОЙСК ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА
УПРАВЛЕНИЕ
генерал-квартирмейстера
Отделение
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ
19 июня 1906 г.
№ 3969

Начальнику штаба тыла
войск Дальнего Востока*

Телеграммой от 24-го января с. г. за № 8061 Вы сообщили в Управление Генерального штаба, что строго произведенным расследованием установлено, что английский подданный Хозе Гайдис никакого рода насилиям не подвергался, ввиду чего жалобы его неосновательны.

Вследствие отношения от 19-го мая с. г. за № 278 генерала Алексеева, в копии при сем препровождаемого, прошу уведомить, известны ли Вам были подробности претензий Гайдиса при производстве упоминаемого Вами расследования и нельзя ли дополнительным расследованием доставить фактические доказательства, указывающие на несправедливость его жалоб.

Вместе с тем прошу препроводить мне копию ранее произведенного по сему делу расследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копия отношения за № 278 с приложениями.

Подписал: И.д. начальника штаба, генерал-майор Орановский

Скрепил: Вр. и.д. генерал-квартирмейстера Генерального штаба, подполковник Вальтер

Верно: Генерального штаба, подполковник Березин

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.94.

ШТАБ
ТЫЛА ВОЙСК
УПРАВЛЕНИЕ
генерал-квартирмейстера
5 июля 1905 г.
№ 21665
г.Харбин

Начальнику штаба тыла
войск Дальнего
Востока

На № 3969

РАПОРТ

Генерал *Палицын* шифрованной телеграммой от 11-го октября минувшего года за № 8064, при сем прилагаемой в копии, просил уведомить правда ли, что *Гайдис*, «находясь в тюрьмах Мукдена и Харбина, был высечен поясным ремнем и лишен два дня пищи, топки, одеяла и медицинской помощи».

Вследствие этой телеграммы были запрошены комендант и полицмейстер г.Харбина, сообщившие, что за время нахождения Гайдиса под стражей в г.Харбине с ним не происходило ничего такого, что давало бы ему повод заявлять претензии, указанные в телеграмме генерала Палицина № 8064.

Что же касается времени нахождения Гайдиса под стражей в гор.Мукдене, то вопрос этот остается несколько невыясненным.

Однако, принимая во внимание некоторые данные, можно полагать, что претензии Гайдиса совершенно несправедливы и относительно Мукдена. Так, ни в одном из семи прилагаемых при сем в подлинниках прошений, поданных им в Харбине (одно на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя, два генералу Надарову и четыре коменданту города), ни слова не говорится о каких-либо насилиях и притеснениях, коим подвергали Гайдиса в Мукдене, о чем он, конечно, не преминул бы заявить, если бы подобные факты действительно имели место.

Те же собственные документы Гайдиса свидетельствуют о полной заботливости и даже предупредительности, которые оказывались Гайдису во время содержания под арестом в Харбине.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.97 — 97 об.

ности, которые оказывались Гайдису во время содержания под арестом в Харбине.

Наконец, жалобы Гайдиса на какого-то русского капитана Персица, по-видимому, не более, как вымысел, ибо на опросе в Харбине, при сем прилагаемом, он заявил, что «по приезде в Мукден остановился в вагоне у австрийского доктора Персица, с которым только там познакомился», и у которого на третий день был арестован.

Вообще, насколько можно судить, все жалобы и претензии Гайдиса не имеют решительно никаких оснований.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копия переписки и подлинные прошения Гайдиса на английском языке.

Начальник штаба,
генерал-майор [неразборчиво]
Старший адъютант,
подполковник [неразборчиво]

КОПИЯ ШИФРОВАННОЙ ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ ХАРБИНА ГЕНЕРАЛА ГЛИНСКОГО ОТ 3 НОЯБРЯ 1905 Г. ЗА № 4241*

ЛОШАГОУ — ГЕНЕРАЛУ ОРАНОВСКОМУ

Генерал Палицин номером 8064 телеграфирует для сообщения министерству иностранных дел: Прошу уведомить: правда ли, что высланный из Пекина в первой половине года португалец Хозе Гайдис, оказавшийся ныне англичанином, находясь в тюрьмах Мукдена и Харбина, был высечен ремнем и лишен два дня пищи, одеяла и медицинской помощи. Относительно Харбина вместе с сим наводятся справки, что же касается времени пребывания Хозе Гайдиса в Мукдене, то об этом в штабе тыла сведений не имеется, почему и прошу зависящего распоряжения о производстве расследования по заявленной жалобе. О результатах прошу телеграфировать для донесения генералу Палицину.

Номер 4241. Глинский.

Верно: За старшего адъютанта, поручик [неразборчиво]

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.103.

УПРАВЛЕНИЕ
коменданта города
Харбина
ноября 6 дня 1905 г.
№ 9275
г.Харбин

Копия:

В штаб тыла
Маньчжурских армий

РАПОРТ*

Относительно бывшего португальца, ныне англичанина Хозе *Гайдиса*, спрашивать никого не могу, за неуказанием им, когда именно и где с ним случился описываемый им казус (на гауптвахте ли, или в тюремной больнице, ибо содержался как тут, так и там). Полагаю только, что заявление Гайдиса легко опровергнуть тем, что: он меня видел неоднократно и имел возможность (мне) заявить лично о всех своих нуждах и просьбах, что он и делал не только устно, но даже письменно, все его письменные заявления и просьбы (написанные на английском языке) представлялись мною в штаб тыла и все его желания по возможности исполнялись[7] (включительно: покупка чая, сахара, табака, гильз, доставка книг). Если бы имел жалобу, то нужно полагать, что не скрывал бы, между тем он мне их не заявлял.

Подписал: И.д. коменданта города, подполковник Дунтен

Верно: За старшего адъютанта, поручик [неразборчиво]

АКТ ДОЗНАНИЯ**

1905 г. ноября 18 дня помощник Харбинского полицмейстера штабс-ротмистр Пономарев производил дознание по заявленной португальцем Хозе ГАЙДИС жалобе на то, что он, содержась под стражей в Харбинском арестном доме, в первой половине с. г. был высечен поясным ремнем и лишен два дня пищи, одеяла и медицинской помощи, причем оказалось:

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.102 — 102 об.
** ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.100 — 100 об.

1) Опрошенный 18 ноября заведующий Харбинским арестным домом поручик *Гельднер* показал: «Хозе Гайдис по прибытии, как больной был помещен в тюремную больницу, возле него постоянно находился часовой из числа караула, наряжаемого от войсковых частей. По выздоровлении Гайдис помещен был в одиночную секретную камеру, возле которой тоже находился постоянный часовой из состава караула. На прогулку арестованный выпускался всегда отдельно от прочих арестантов с конвойным. Ежедневно посещая его камеру, я ни разу не получал от него никаких заявлений на обиды и притеснения, а тем более побои. От надзирателей же я несколько раз получал доклады, что Гайдис очень часто отказывается от обеда и ужина, довольствуясь одним чаем и булкой».

2) Опрошенный 18 ноября старший надзиратель Харбинского арестного дома фельдфебель Федор Иванович *Митин* показал: «Хозе Гайдис все время до отправки содержался в одиночной камере, под охраною отдельного часового, из состава караула. Никаких жалоб от него на надзирателей не получал, да надзиратели к нему и не могли иметь особого отношения, так как он даже на прогулку выпускался отдельно от прочих арестантов, под охраною особого часового. Знаю, что Гайдис часто не брал для себя казенного обеда и ужина, а предпочитал довольствоваться чаем и булкой, о чем я докладывал поручику Гельднеру. Больше показать ничего не могу».

3) Опрошенный 13 ноября младший надзиратель Харбинского арестного дома ефрейтор Филипп Матвеевич *Логачев* показал: «Хозе Гайдис сначала содержался в тюремной больнице, а когда выздоровел — в одиночной секретной камере № 12. Я и другие надзиратели до него совершенно не касались, так как у камеры всегда стоял часовой из состава караула, с этим часовым он выпускался и на прогулку, отдельно от прочих арестантов. Чтобы кто-нибудь обижал Гайдиса, я не видал и не слыхал ни от него самого, ни от других. Видел часто, что он не ходил за обедом и ужином, и даже сам предлагал ему принести, но Гайдис отказывался и говорил, что любит больше чай и булку».

4) Опрошенный 18 ноября младший надзиратель Харбинского арестного дома рядовой Василий Алек-

сандрович *Капитан* дал такое же показание, как и ефрейтор Логачев.

5) Опрошенный 19 ноября санитарный городовой врач, заведующий больницей Харбинского арестного дома Николай Александрович *Желудков* показал: «Хозе Гайдис лежал в больнице очень долго, притворялся, что болят пятки ног, в медицинской помощи не нуждался. Жалоб от него никогда и ни на что я не получал, точно так же не слыхал, чтобы он кому-нибудь жаловался. Больше показать ничего не имею.

Подписал: Штабс-ротмистр Пономарев

Верно: За старшего адъютанта, поручик [неразборчиво]

ШТАБ
ВОЙСК ДАЛЬНЕГО
ВОСТОКА
УПРАВЛЕНИЕ
генерал-квартирмейстера
Отделение разведыват.
3 сентября 1906 г.
№ 5330
г.Харбин

В Главное управление
Генерального штаба

На № 278

Несмотря на тщательное наведение справок по делу английского подданного Иосифа Геддеса (он же Хозе Гайдис), восстановить истину и выяснить справедливость, или наоборот, ложность показаний этого лица не представляется возможным, как вследствие утери некоторых документов, так и по самой сущности обвинений о произведенных насилиях, по которым следов, если о них не было заявлено своевременно, не могло сохраниться.

Заявления Геддеса сводятся в общем к жалобам на дурное обращение с ним: I — в Мукдене и II — в Харбине.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.139 — 140 об.

I. В отношении первого его местопребывания из имеющейся переписки удалось только восстановить, что Геддес был отправлен из Тяньцзиня 12 декабря и прибыл в Мукден 14-го того же месяца, где был, вследствие просьбы нашего консула в Тяньцзине Лаптева, переданной чиновнику по дипломатической части при Главнокомандующем, помещен на Мукденском этапе, по-видимому под строгим надзором. Причины, вызвавшие принятие таких мер против него, указаны в прилагаемых в копиях двух письмах частного характера консула Лаптева.

Как в этих письмах, так и в последующей переписке, относящейся к июню и декабрю 1905 г., консул Лаптев считает его португальским подданным (что имеет значение, так как г-н Лаптев состоял также консулом Португальского правительства) и только в ответной депеше варшавского генерал-губернатора генерала *Скалона* 29 января с. г., сообщающей о последовавшем освобождении Гайдиса, он назван великобританским подданным. Когда произошла эта перемена и отчего Гайдис скрыл от Лаптева свое подданство, остается непонятным.

Упоминаемый Гайдисом в его заявлении доктор Персиц — лицо, действительно находившееся при нем в бытность его содержания в Мукдене. По наведенным справкам Персиц состоял на действительной службе в качестве рядового 4-го железнодорожного батальона (а не капитаном, как говорит Гайдис), именовал себя в то же время доктором философии, находился в Управлении транспортов при Главнокомандующем, где исполнял, по-видимому, поручения генерала Ухача-Огоровича по тайной разведке и поддерживал связь между армией и Тяньцзинем (консулом Лаптевым и полковником Огородниковым).

Опровергнуть или подтвердить жестокое обращение, которому по заявлению Гайдиса он подвергался в Мукдене, нет возможности, так как документальных следов по этим фактам нет, а допросить Персица, вследствие неизвестности места его нахождения, тоже нельзя.

Некоторые разъяснения, быть может, могли бы быть найдены в делах Управления транспортов, сданных в хранение, или получены от самого генерала Ухача-Огоровича.

Единственное, что вызывает сомнение в правдивости его заявлений, это то, что, находясь долгое время в Харбине и неоднократно обращаясь к коменданту города с просьбами разного характера и подавая прошения на имя ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Главного начальника тыла (в общем в числе семи прошений, в подлинном виде прилагаемых), он ни разу не заявил жалобы на допущенные над ним в Мукдене насилия.

II. В отношении его пребывания в Харбине можно восстановить только следующее:

Из Мукдена Гайдис был отправлен в Харбин после 7-го января 1905 г., прибыл туда в конце того же месяца и находился там до 15-го июня 1905 г., когда был отправлен этапным порядком в Иркутск для дальнейшего следования за границу.

В своем заявлении, поданном на английское министерство иностранных дел, он жалуется на то, что, несмотря на его болезненное состояние и на заявление врача о необходимости отправить его в госпиталь, его заключили в уголовную тюрьму. Между тем в сохранившихся у коменданта города и при сем прилагаемых письмах Гайдис свидетельствует о своем пребывании в госпитале (письмо от 31-го января), это же подтвердило и дознание, произведенное в конце прошлого года, которое устанавливает, что Гайдис по прибытии в арестный дом был помещен в тюремную больницу. Из вышеупомянутых писем выясняется, что к нему относились внимательно. Комендант города снабжал его табаком, гильзами, книгами и чаем. Правда, он и в письмах жалуется не раз на дурную пищу и холод, вследствие чего комендант имел в виду снабдить его тюфяком. Было ли исполнено это намерение — неизвестно.

Других, более точных данных о продолжительности пребывания его в больнице и в одиночном заключении восстановить нельзя, так как книга об арестованных оказалась потерянной.

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Копия шифров телеграммы консула в Тяньцзине надв. сов. Лаптева 2-го декабря 1904 г. за № 5360, 2) копия с его телеграммы от 6-го июня 1905 г. за № 3987, 3) копия письма консула

Лаптева от 12 декабря 1904 г., 4) копия с его же письма от 25 декабря 1904 г. и 5) копия рапорта штаба тыла войск Дальнего Востока от 5-го июля № 21665 с семью подлинными прошениями Гайдиса на английском языке и с копией допроса Гайдиса 16 января 1905 г.

Подписал: И.д. начальника штаба,
генерал-майор Орановский

Скрепил: Вр.и.д. генерал-квартирмейстера,
Генерального штаба, подполковник Вальдер
Верно: Генерального штаба, подполковник Березин

ПИСЬМО ГИДИСА КОМЕНДАНТУ ХАРБИНА*

(На английском языке)
Госпиталь, 31 января 1905 г.

Ваше Превосходительство.

Могу ли я почтительнейше просить Ваше Превосходительство позволить мне написать в Тяньцзинь, чтобы мне выслали немного денег? Если нет, то могу ли я позволить себе просить Ваше Превосходительство дать мне несколько центов для покупки табака. Надеюсь, что Ваше Превосходительство будете благосклонны ко мне, а также благодарю Ваше Превосходительство за разрешение отправиться в госпиталь.

Остаюсь покорным слугой Вашего
Превосходительства.

Хосе Гидис

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.111. Здесь и далее перевод с английского И.В.Деревянко.

ПИСЬМО ГИДИСА КОМЕНДАНТУ ХАРБИНА*

(На английском языке) 8 февраля 1905 г.

Его Превосходительству коменданту Харбина.

Ваше Превосходительство были так добры сказать мне, чтобы я написал, если мне будет нужен табак. Не могли бы Вы дать мне немного, поскольку я уже выкурил все, что Ваше Превосходительство принесли мне. Не буду ли я слишком бесцеремонен, если попрошу Ваше Превосходительство дать мне немного книг и бумаги для письма?

Благодарю Ваше Превосходительство за ответ.

Остаюсь покорным слугой Вашего Превосходительства.

Хосе Гидис

ПИСЬМО ГИДИСА КОМЕНДАНТУ ХАРБИНА**

(На английском языке)

Харбинский госпиталь. 8 февраля 1905 г.

Его Превосходительству коменданту Харбина.

Я почтительно прошу Ваше Превосходительство прочитать мою петицию. Я нахожусь в заключении как шпион, хотя я в этом совершенно невиновен. Я привожу здесь несколько доказательств, что я не шпион, а верный слуга русских.

Доказательство № 1. Я очень бедный человек, и когда русский консул передал через меня японцу 75000 $, чтобы купить корабль, то если бы я был шпион, я бы рассказал японцам об этом и сберег бы эти деньги для себя, что было бы большой-большой удачей для такого бедняка, как я, но я не выдал тайны.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.110.

** ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.109 — 109 об.

Доказательство № 2. Консул доверил мне несколько сот ящиков с амуницией, я мог продать эти ящики и разбогатеть, но я не сделал этого, потому что я предан русским.

Доказательство № 3. Я никогда не был в Порт-Артуре и знаю о нем только то, что было напечатано в шанхайских газетах «Ежедневные новости Северного Китая» и «Эхо Китая» в июне или июле месяце.

Доказательство № 4. Я потратил много времени и сил, чтобы добыть для русских копии японских телеграмм, что я и сделал наконец.

Доказательство № 5. Я поручил моему двоюродному брату, который работал на почте, достать для полковника Огородникова письма из Тяньцзиня в Ньючванг. Мой брат сделал это, был разоблачен и уволен с почты.

Доказательство № 6. Я добыл для полковника Огородникова много ценных сведений, одно из которых было причиной того, что японцы потеряли несколько транспортов и много солдат и орудий[8] [л.109 об.] Ваше Превосходительство на основе этих доказательств может видеть, что я являюсь верным слугой русских, а не японским шпионом или агентом. Я умоляю Ваше Превосходительство попросить Генеральный штаб отпустить меня на волю. Если Генеральный штаб хочет, чтобы я продолжал работать на русских, я буду очень счастлив, но если они не хотят этого, то я, если позволит Генеральный штаб, уеду в Шанхай к своему отцу, который уже во многих письмах звал меня. Я готов дать надежные гарантии Генеральному штабу, что я всегда буду верен русским, а если использовать меня в работе, то я могу дать массу хороших сведений, которые могу получить у майора Ми-гара.

Благодарю Ваше Превосходительство за то, что Вы потрудились прочесть мое письмо, и надеюсь получить благоприятный ответ.

Остаюсь покорным слугой Вашего
Превосходительства.

Хосе Гидис

ПИСЬМО ГИДИСА КОМЕНДАНТУ ХАРБИНА*

(На английском языке)
20 февраля 1905 г.

Его Превосходительству коменданту Харбина.

Я благодарю Ваше Превосходительство за то, что Вы были так добры дать мне табак и немного бумаги. У меня есть возможность рассказать Вашему Превосходительству то, что я не могу написать, но если Ваше Превосходительство придете ко мне или пришлете офицера, я могу рассказать то, что будет очень полезно Вашему Превосходительству, а также армии.

Позвольте мне, Ваше Превосходительство, иметь матрас и одеяло. Сейчас очень холодно спать без одеяла.

Я умоляю Ваше Превосходительство позволить мне есть то, что давали в госпитале, поскольку у меня мало сил, я очень слаб для того, чтобы есть ту пищу, которую получаю теперь. Я уверен, что Ваше Превосходительство поймет, что такая пища — это страдания для слабого мальчика.

Еще раз благодарю Ваше Превосходительство за доброту, я надеюсь, что буду в состоянии сослужить хорошую службу Вашему Превосходительству.

Остаюсь покорным слугой Вашего
Превосходительства.

Хосе Гидис

ПИСЬМО ГИДИСА НАЧАЛЬНИКУ ТЫЛА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛУ НАДАРОВУ**

(На английском языке)

Харбин, 20 мая 1905 г.

Не будет ли угодно Вашему Превосходительству прочитать петицию слуги Вашего Превосходительства Хосе Мария Гидиса, 20 лет от роду.

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.112.
** ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.113.

10 декабря русский консул попросил меня съездить из Тяньцзиня в Мукден. Я получил от полковника Огородникова военный паспорт и проследовал в Мукден в компании с русским офицером. По прибытии я был взят под стражу по обвинению в передаче планов Порт-Артура японцам, в чем я невиновен, так как никогда не бывал в Порт-Артуре и не имел сношений с японцами.

Во время моего пребывания в Тяньцзине я был в очень хороших отношениях с русскими, и японцы подозревали, что я русский агент. Я почтительно прошу Ваше Превосходительство позволить мне вернуться домой, я невиновен и длительное время нахожусь в тюрьме.

Надеюсь, что Ваше Превосходительство благосклонно отнесетесь к моей петиции, и желаю Вам благоденствия.

Остаюсь покорным слугой Вашего
Превосходительства.

Хосе Мария Гидис

ПРОШЕНИЕ ГИДИСА РУССКОМУ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II*

(На английском языке)

[дата не установлена]

Не будет ли угодно Вашему Императорскому Величеству прочитать петицию слуги Вашего Величества Джозефа Мария Гидиса, британского подданного, 20 лет от роду.

12 декабря 1904 г. представитель Вашего Императорского Величества в Тяньцзине консул Лаптев просил меня съездить в Мукден. Я получил русский военный паспорт и выехал из Тяньцзиня в Мукден. По прибытии я был встречен офицером, который сказал, что мне гарантированы какие-то дела в Порт-Артуре.

Офицер спросил, был ли я когда-нибудь в Порт-Артуре и хорошо ли я знаю этот город. Я ответил, что никогда там не был и ничего не знаю об этом месте кроме того, что видел на военной карте. Офицер спросил, могу ли я нарисовать то, что вижу. Я ответил «да»,

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29085. Л.115.

и нарисовал ему эту карту. Спустя несколько минут я был арестован и посажен в тюрьму по обвинению в продаже японцам планов Порт-Артура, в чем я абсолютно не виновен, и кроме того, я никогда не имел сношений с японцами.

Я покорнейше прошу Ваше Императорское Величество освободить меня из тюрьмы.

Благодарю Ваше Императорское Величество
и желаю Вам счастья, здоровья и успеха.
Покорный слуга Вашего Императорского
Величества.

Хосе Мария Гидис

РАЗДЕЛ III

ДНЕВНИК ЯПОНСКОГО РАЗВЕДЧИКА

Как правило, разведчики не ведут дневников, но в данном случае мы имеем дело с исключением. Предлагаем вниманию читателей дневник японского разведчика подполковника Юкока. В феврале 1904 г. он, вместе с капитаном Оки и четырьмя японскими студентами, был послан из Пекина в тыл к русским с заданием совершить диверсию на железной дороге в районе от Хинганского перевала до станции Цицикарь. Под видом китайских купцов они совершили очень тяжелый сорокадневный переход через Монголию, но не успели выполнить задания. 30 марта по старому стилю (а по новому — 12 апреля) оба офицера были захвачены русским разъездом у станции Турчиха и приговорены к смертной казни. Четверо студентов, которым на этот раз удалось скрыться, спустя некоторое время были убиты монголами.

Следует отметить, что эти разведчики отправились в путь, будучи совершенно неподготовленными. Они никогда не были кавалеристами и плохо управлялись с лошадьми. Застигнутые русским разъездом, японцы даже не пытались сопротивляться, однако это не помешало им в дальнейшем так же мужественно встретить смерть, как стоически они перенесли все невзгоды своего путешествия*. Помимо дневника, в разделе содержится ряд других документов, рассказывающих об аресте и казни подполковника Юкока и капитана Оки, а также о гибели других членов группы.

И.В. Деревянко

---

* См. ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Ч.1. Л.170 об. (Рапорт полковника Огиевского).

ДНЕВНИК ЯПОНСКОГО РАЗВЕДЧИКА*

С 21 ФЕВРАЛЯ ПО 12 АПРЕЛЯ (н.ст.) 1904 г.

21 февраля /н././8 ф. с.ст./. Вчера спали только один час, и уже в 5 часов утра я встал, а в 6 ч. утра начал будить остальных; я, вместе с господами Нарасаки, Кавасаки и другими, позавтракав в 7 ч. 15 м., отправились в путь. Я думал, что господину Вакабаяси и другим очень трудно рано вставать, так как они также очень мало спали, но, напротив, они были более веселы, чем обыкновенно; среди веселых разговоров мы кончали завтрак и вместе с господином Оки (Иоки), втроем, рядом, вышли из ворот Ань-дин-мынь (пекинские ворота). Когда мы вышли из ворот, то проходящие китайцы остановились, а рабочие, бросив работу, провожали нас удивленными и подозрительными взглядами, и мы чувствовали себя в это время не особенно хорошо. Вчера мы смело и свободно могли сказать каждому, что мы японцы, но прошла одна ночь, и мы не можем сказать, кто мы — это похоже на роман. Когда мы немного отошли от ворот Ань-дин-мынь, то впереди увидели китайца, который ехал верхом; я не обратил внимания на этого китайца и обогнал его, но потом оказалось, что это был не китаец, а госп. Марита; когда у господина Марита спросили, где остальные его трое спутников, то он отвечал, что г.г.Накаяма и Маэда потеряли лошадей и разбили свои седла.

При выходе из ворот Ду-шу-мынь я упал с лошади, и в это время со стороны восточной дороги к нам подошли 6 человек. Совсем оставили мы Пекин только в 12 часов дня, и в три часа дня мы были уже в 15 верстах от Пекина.

22 февраля в 5 часов утра вышли из Шунь-хау-тунь и около 11 часов дня прибыли в Шу-лань-шань-пу,

---

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29291. Л.197 — 201а. В дневнике японца-разведчика все даты даются по новому стилю. — *И.Д.*

пройдя 27 1/2 верст. В 5 часов вечера прибыли в Миюань-сянь, пройдя 25 верст.

23 февраля в 4 1/2 часа утра отправились из Миюань-сянь и без 10 м. 9 часов утра прибыли в Чао-дучуан, пройдя 25 верст; в 11 ч. утра вышли из Чао-дучуан и прибыли, в 4 ч. 10 м. вечера, в Гу-бэй-кау.

24 февр. 6 ч. ут. отправились из Гу-бэй-кау и в 12 ч. дня прибыли в И-шу-гау, пройдя 25 верст; в 2 ч. дня вышли из И-шу-гау и в 5 1/2 ч. вечера прибыли в Шань-дао-лян, пройдя 20 верст.

25 февр. в 4 1/2 ч. утра выступили из Шань-дао-лян и в 10 ч. утра прибыли к реке Луань-хэ, а в 11 ч. 40 м. отправились далее и в 5 ч. 20 м. вечера прибыли в Жохэ, пройдя 20 верст.

26 февр. 6 ч. утра отправились и в 11 ч. дня прибыли в Гао-су-хэ, пройдя 25 верст; в 5 1/2 ч. вечера прибыли в Лянь-цзя.

27 февр. 4 1/2 ч. утра вышли из Лянь-цзя и в 11 ч. 40 м. утра прибыли в Да-мяо, а во втором часу дня вышли из Да-мяо и в 10 1/2 ч. веч. прибыли в Ло-то-шань-цзы.

28 февр. в 6 ч. утра вышли и в 8 ч. 25 м. утра прибыли в Ван-е-дянь; в 11 часов выехали и в 5 ч. 25 м. веч. прибыли в Да-си-гау, где и остановились в школе Шиу-чжи-у. При школе Шиу-чжи-у находится 6 японцев, один из них по имени Ан-до в отделении военном, а остальные 5 в отделении земледельческом, а именно: г.г.Кусахара, Накаяма, Нарасаки, Ивата и Сисюку, которые все кончали университет в Японии, по естественному факультету.

К югу от Да-си-гау находится местность Шан-ва-фан в 5-ти верстах от Калацин-ван-фу, а Калацин-ван-фу от Да-си-гау в 4-х верстах; к востоку от Да-си-гау находится, в 4-х верстах, местность Ся-ва-фан. Около 6 ч. веч. отправились в Ван-фу ужинать и в 9 ч. 25 м. вернулись обратно.

29 февр. Ночевали в Да-си-гау и пробыли целый день. После обеда г.г.Итао, Иосивара, Ёкогава и Ваки отправились в Ван-фу повидаться с господином Ван-е; вечером у нас было совещание.

1 марта стояли в Да-си-гау; после обеда г.г.Ваки, Вакахара, Итао, Иосивара и Оки отправились в Ван-фу. С сегодняшнего дня я начал изучать монгольский язык.

2 марта. Хотя мы сегодня хотели ехать дальше, но опять остались.

3 марта в 8 ч. 40 м. утра выехали из школы Шиучжи-у и в полдень прибыли в Гун-вэй-фу, пройдя 25 верст; в 2 1/2 ч. дня выехали и в 5 1/2 ч. в. прибыли в Му-цзя-ин-цзы, пройдя 15 верст.

4-го марта в 7 1/2 ч. утра вышли и в 11 ч. утра прибыли в Янгун; в 2 ч. дня вышли и в 5 1/2 ч. вечера прибыли в Чи-фын, где и ночевали в гостинице Ванчэнь-дянь; ужинали в ресторане Юэ-лай.

5-го марта дневка в Чи-фын.

6-го марта в 7 ч. 20 м. утра вышли из Чи-фына и в 11 ч. 10 м. дня остановились, пройдя 20 верст; в 5 часов вечера прибыли в Чжан-цзя-ва-пу, пройдя 12 1/2 верст; в Чжан-цзя-ва-пу мы ночевали.

7-го марта в 7 ч. 20 м. вышли и в 12 ч. дня прибыли в Хуа-ху-тунь, пройдя 20 верст; в 2 ч. дня вышли и в 6 часов прибыли в Му-цзя-дянь, пройдя 40 верст; в Му-цзя-дяне ночевали.

8 марта около 8-ми ч. утра вышли из Му-цзя-дяня и, 12 ч. прибыли в У-дан-чэн, пройдя 20 верст; здесь мы ночевали.

9 марта в 10 1/2 ч. утра вышли и в 5 ч. дня прибыли в И-гэ-коу-шу, пройдя 25 верст; сегодня разделились на две партии.

10 марта. После завтрака, в 10 1/2 ч. утра, вышли; идти было очень тяжело, так как шли против ветра, и только в 3 1/2 ч. дня пришли в Чахантара.

11 марта в 9 1/2 ч. утра вышли из Чахантара и в 4 1/2 ч. вечера прибыли в Хармот, пройдя 35 верст; в Хармоте ночевали у монголов. Г.Накаяма занимался разговорами с молодой 17-ти летней монголкой, а г.Мацузаки пошел прогуливаться, где на него напали, со страшным лаем, большие монгольские собаки. Ночью было очень холодно, и мы не могли уснуть, так как отверстие для дыму было открыто.

12 марта в 9 1/2 ч. утра вышли и в 3 ч. 45 м. прибыли в Тарусинцзу.

13 марта в 8 ч. 25 м. утра вышли из Тарусинцзы и около 3 1/2 ч. дня прибыли в Чаханмот, пройдя 30 верст; в эту ночь, около часу, у нас украли 5 лошадей; через некоторое время после первой кражи опять явились 2 вора, но были схвачены нами и допрошены. Схваченные

нами люди вернули обратно наших лошадей и показали, что они хотели украсть лошадей у китайских купцов, которые остановились ночевать в соседней с нами фанзе, но по ошибке украли у нас.

14 марта дневка в Чаханмоте. В 2 1/2 ч. дня г.Ёкогава с китайцем Ли и с проводником пошли в Байлин-ван-фу, а остальные остались дома. В этот день купили верблюда.

15 марта в 10-ом часу утра партия г.Ёкогава вернулась обратно. Так как сегодня устраивали вьючное седло для верблюда, то этот день также оставались в Чаханмоте.

16 марта в 9 1/2 ч. утра вышли и в 2 ч. дня прибыли в Сабартай, пройдя 25 верст. В Сабартае остановились в китайской фанзе.

17 марта в 9 ч. 10 м. утра вышли; всю дорогу шел снег. В 3 ч. дня прибыли в Ханосте, где и остановились на ночевку.

18 марта в 10 ч. утра вышли и в 4 ч. дня прибыли в Тарабатка, пройдя 40 верст. Первый раз остановились в палатках.

19 марта в 9 ч. утра вышли и в 5 ч. прибыли в Сайходону, пройдя 40 верст; здесь остановились ночевать.

20 марта в 6 ч. утра вышли и в 3 1/2 ч. дня прибыли в Хергэнтай. В Хергэнтае имеется большая кумирня, которая называется кумирней 400 лам.

21 марта в 9 1/2 ч. утра вышли и в 3 1/2 ч. дня прибыли в Томихоцио; прибыв в Томихоцио, пошли осматривать реку Утимиру, которая течет с запада на ночь; около реки находится кумирня Таботайтэ.

22 марта в 9 ч. утра вышли и в 3 1/2 ч. дня прибыли в Хастэгара.

23 марта в 9 1/2 ч. утра вышли и в 5 1/2 ч. дня прибыли в Барсюнери, где имеется кумирня Ган-цзю-ри; на дороге в Барсюнери нам встретились 3 высоких горы.

24 марта в 10 ч. утра вышли и в 6 ч. вечера прибыли в Танэрин-горо; по дороге в Танэрин-горо встретили горы с обрывистыми склонами.

25 марта в 9 1/2 ч. утра вышли и в 3 1/2 ч. дня прибыли в Харцин-горо (это название значит «Черная река») и остановились в китайской фанзе.

26 марта в 8 1/2 ч. утра вышли и в 5 1/2 ч. вечера прибыли в Чёрган-горо; здесь имеется река Люцор (Тюцор).

27 марта в 9 часов утра вышли и в 5 часов прибыли в Хэнсири, где находится разрушенная кумирня.

28 марта в 9 ч. утра вышли, в 3 1/2 ч. дня прибыли в Обуру-хан-тара.

29 марта около 9 ч. утра вышли и в 2 1/2 ч. дня прибыли в Тетемото.

30 марта около 10 ч. утра вышли и около 7 ч. вечера прибыли в Орангасия.

31 марта в 8 ч. утра вышли и в 4 ч. дня прибыли в Хам-ча; по пути в Хам-ча у нас сломалась телега.

1 апреля в 9 1/2 ч. утра вышли и в 7 ч. вечера прибыли в Магуратэ.

2 апреля в 11 ч. утра вышли и в 5 ч. 15 м. вечера прибыли в Гуйрэру. Сегодня утром кто-то напугал из посторонних нашего переводчика.

3 апреля прибыли на реку Тору.

4 апреля прибыли на реку Хори. Сегодня вечером отпустили переводчика и установили дежурства.

5 апреля в 9 ч. утра стояли в палатках. В 8 ч. вечера прибыли на реку Чоли.

6 апреля около 7 ч. утра вышли и около 6 ч. вечера прибыли в местность, находящуюся в 10 верстах от Ван-фу (Дзяр-до-ван-фу), где и остановились в палатках.

7 апреля в 6-м часу утра вышли и в 9-м часу утра прибыли в Бай-мяо.

8 апреля метель — принуждены дневать.

9 апреля метель — стоим там же.

10 апреля — метель — стоим там же; бросили лошадей.

11 апреля в 11 ч. утра, хотя и шел снег, но мы вышли и в 7 часов вечера прибыли в местность, которая находилась в 180 [неразборчиво] к северу от реки Ялу. Здесь мы остановились в палатках.

12 апреля (30 марта) в 7-м часу утра вышли и в 7 1/2 ч. утра в первый раз увидели вдали железнодорожную станцию. В 9 ч. 40 м. утра, позавтракав около реки*...

Переводил господин Д.М.Тихай
Корректировал и транскрибировал китайские иероглифы прикомандированный к полевому штабу капитан Афанасьев

---

* Вскоре после этого оба офицера были захвачены русским разъездом. — *И.Д.*

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПО ДЕЛУ О ЯПОНСКИХ ПОДДАННЫХ ШЯЗО ЮКОКА И ТЕЙСКО ОКИ*

30 марта 1904 г. в 20 верстах к юго-западу от станции Турчиха Китайской Восточной железной дороги разъезд 26 сотни Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи усмотрел бивуак каких-то всадников. При всадниках было еще пять лошадей с вьючными мулами. Двух всадников разъезду удалось задержать, остальные же ускакали. Один из задержанных, говорящий по-английски, объяснил, что они офицеры японской службы Юкока и Оки, посланные японским правительством для порчи русской железной дороги и телеграфа. При задержанных были найдены 1,5 пуда пироксилина, бикфордовы шнуры с запалами к ним, ружье, палка-кинжал, литографированная инструкция подрывного дела, записные книжки, карты, приспособления для порчи телеграфа, привязные китайские косы и прочее. Оба задержанные были одеты в монгольские костюмы.

Все изложенное могут подтвердить участвовавшие в задержании ниженазванных японцев рядовые Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи Павел Чежин и Иван Прокопов. При расследовании настоящего дела первый из задержанных объяснил, что он полковник японской пехоты, высшей военной школы Шязо Юкока, получивший от своего генерала приказ проникнуть через Монголию к Китайской Восточной железной дороге и попортить мост и телеграф. Для этой цели генерал снабдил его инструментами и взрывчатыми веществами. Отправляя его, генерал объяснил, что на родину он может вернуться только в том случае, если исполнит возложенное на него поручение или если исполнение окажется совершенно невозмож-

* ЦГВИА СССР. Ф. 15123. Оп.3. Д.1. Л.2 — 3.

ным. Как старший, он вел партию. Партия эта, кроме него, состояла из капитана Оки и четырех студентов, из числа обучавшихся в Пекине китайскому языку. Так как идти по Монголии в японской военной форме было невозможно, он оделся в костюм тибетского ламы. Военной формы он с собой не взял, чтобы не увеличивать своего багажа. 10 апреля (по новому стилю) его партия остановилась обедать. В это время к ним подъехало пять человек русских солдат и стали что-то говорить по-русски. Затем солдаты осмотрели их багажи, нашли взрывчатые вещества и инструменты для порчи дороги и телеграфа и арестовали его и Оки. Студентов же и китайскую прислугу отпустили, так как в багаже их не оказалось ничего особенного. Привязные китайские косы принадлежат этим студентам и были взяты ими потому, что в Монголии трудно найти парикмахеров: когда одна коса приходила в негодность, ее бросали и заменяли новой.

Другой задержанный показал, что он капитан японской пехоты Тейско Оки, подчиненный полковника Юкока и находящийся в его распоряжении. Военную форму он с собой не брал, так как идти в ней по Китаю, соблюдающему нейтралитет, не представлялось возможным. Кроме того, приняв поручение, он знал, что идет почти на верную смерть, и не надеялся вернуться. Когда русские солдаты задержали его и Юкока, четыре студента, бывшие в их партии, тоже хотели идти за ними, но он сказал им: «Если русские солдаты не берут вас, то зачем же вам идти? Вы можете быть свободны». Он знает, что ему грозит смерть. Когда русские его захватили, он хотел лишить себя жизни, но не имел, чем это сделать. Если бы он теперь вернулся на родину, то потерял бы свою честь, так как задача их осталась неисполненной. Теперь ему очень стыдно быть подсудимым, и он просит поскорее кончить дело.

На основании всего вышеизложенного, японские подданные Юкока и Оки подлежат обвинению:

В том, что, принадлежа к составу японской действующей против России армии и имея намерения в целях содействия успехам своей армии разрушить или повредить русские железнодорожные и телеграфные сооружения, они, Юкока и Оки, запаслись пирокси-

лином и иными принадлежностями для порчи вышеупомянутых сооружений, проникли тайно в пределы Маньчжурии, где и были задержаны русским разъездом в 20 верстах к юго-западу от станции Турчиха Китайской Восточной железной дороги, одетыми в монгольские одежды, в которые они облеклись для сокрытия своей национальности и принадлежности к японской армии. Деяние это предусмотрено 271 статьей XXII книги Свода Военных Постановлений 1869 г., изд.3, и за него, согласно 260 и 262 статьям XXIV книги Свода Военных Постановлений 1869 г., изд.3, японские подданные Юкока и Оки подлежат преданию Временному Военному Суду Северной Маньчжурии.
6 апреля 1904 г., г.Харбин

Исполняющий Военно-Прокурорские обязанности,
полковник Микашин

РЕЗОЛЮЦИЯ ВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО СУДА В Г. ХАРБИНЕ*

7 апреля 1904 г.

1904 г. апреля 7 дня по указу Его Императорского Величества Временный Военный Суд в городе Харбине в составе:

Председательствующий — Военный судья полковник Афанасьев.

Временные члены: 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка подполковник Карибчевский и Амурского казачьего полка войсковой старшина Плотников.

Выслушав дело о японских подданных Шязо Юкока 44-х лет и Тейско Оки 31-го года, именующих себя первый — подполковником, а второй — капитаном японской армии, признал их виновными в преступлении, предусмотренным 2 частью 271 статьи XXII книги

* ЦГВИА СССР. Ф. 15123. Оп.3. Д.1. Л.6.

СВП* 1869 г. издание 3-е и на основании 10 и 12 ст. той же книги; 253 и 254 статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных и 3 пункта 910, 1 пункта 915, 916, 2 пункта 1409 примечаний к XXIV книге того же свода.

ПРИГОВОРИЛ: 1) Названных подсудимых за означенное преступление подвергнуть лишению всех прав состояния и смертной казни через повешенье. 2) С вещественными по делу доказательствами поступить согласно 323 ст. Устава о предупреждении и пресечении преступлений и 3) Приговор по сему делу в окончательной форме представить на усмотрение командующего Маньчжурской армией.

Полковник Афанасьев
Подполковник Карибчевский
Войсковой старшина Плотников

М.В.
Исполняющий Военно-Прокурорские обязанности
при Временном Военном Суде
Северной Маньчжурии
14 апреля 1904 г.
№ 0402

г.Харбин

Временному Военному Суду**

г.Харбин

Приговор суда по делу японских подданных Юкока и Оки в исполнение приведен.

Исполняющий Военно-Прокурорские обязанности,
полковник Микашин

---

*Свод Военных Постановлений. — *И.Д.*
**ЦГВИА СССР. Ф. 15123. Оп.3. Д.1. Л.9.

ОКРУЖНОЙ ШТАБ
ВОЕННО-ОКРУЖНЫХ
УПРАВЛЕНИЙ
МАНЬЧЖУРСКОЙ
АРМИИ
Отд. разведыват.
19 мая 1904 г.
№ 4372

Генерал-квартирмейстеру
полевого штаба Маньчжурской
армии

РАПОРТ*

2-го мая с. г. военным Комиссаром Хейлунцзянской провинции получены заслуживающие доверие известия: 12-го апреля четыре японца из состава того разъезда, к которому принадлежали захваченные близ Турчихи два офицера, приехали в дер.Улан-ан, 80 ли южнее ставки Джалайдвана и там были убиты монголами, которые донесли об этом в ямынь Джалайдвана. Помощник его Банда потребовал их в ямынь, но они отказались придти, тогда Банда послал арестовать их. Джалайдван всегда был противником России, а теперь очевидный сторонник Японии.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству.

За и.д. Начальника штаба,подполковник
[неразборчиво]
За Старшего адъютанта,подполковник
[неразборчиво]

* ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29291. Л.218.

КОММЕНТАРИИ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. *Чернышев, Александр Иванович* (1786 — 1857) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Получил домашнее воспитание, после чего был принят камер-пажом к императорскому двору. Затем служил в кавалергардском полку, участвовал в сражении при Аустерлице и в кампании 1807 г. Накануне войны 1812 г. находился в Париже в качестве военного агента. С 1832 по 1852 г. занимал пост военного министра. В 1848 г. назначен председателем Государственного Совета.
2. *Паскевич, Иван Федорович* (1782 — 1856) — граф Эриванский, князь Варшавский. Закончил Пажеский корпус, служил в Преображенском полку, участвовал в русско-турецкой войне 1806 — 1812 гг., во время войны с Наполеоном командовал 26-й пехотной дивизией и участвовал во многих битвах, вплоть до взятия Парижа. В 1826 г. направлен на Кавказ вместе с генералом Ермоловым и произведен в чин генерала от инфантерии. На Кавказе Паскевич разбил под Елисаветополем Аббас-Мирзу, в 1827 г. захватил Эривань и был назначен главнокомандующим вместо Ермолова. Паскевич отличился во время русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг., был произведен в генерал-фельдмаршалы и вплоть до 1838 г. оставался на Кавказе. Затем участвовал в подавлении польского восстания в 1831 г., в подавлении Венгерской революции 1848 — 1849 гг, а также в крымской войне 1853 — 1856гг.
3. Разведка была одной из обязанностей сотрудников отчетных отделений. Разведывательные отделения в штабах военных округов создавались только на время войны. Такое положение в значительной степени затрудняло работу по сбору разведывательной информации в мирное время. Только в 1906 г. при штабах военных округов создаются постоянные разведывательные отделения, независимые от отчетных.
4. По данным на 1909 г. сферы разведдеятельности военных округов распределялись следующим образом: Петербургский в.о. вел разведку в Швеции, Дании, Норвегии, Англии и Финляндии; Виленский в.о. в Восточной Германии и Англии; Варшавский в.о. — в Германии и части Австро-Венгрии, прилегающей к Варшавскому в.о.; Киевский в.о. — в Австро-Венгрии; Одесский — в Румынии, Балканских странах и Европейской Турции; Кавказский — в Азиатской Турции и Персии к западу от меридиана Амур-Ада; Туркестанский — в Афганистане, Индии, За-

* Подготовлены составителем И.В.Деревянко.

падном Китае, Кашгарии, Белуджистане и восточной части Персии; Омский — в Западной Монголии и частично в Китае; Иркутский — в Восточной Монголии, Маньчжурии и Северном Китае; Приамурский — в Японии, Корее и части Маньчжурии, примыкающей к границам округа.

5. Все данные о военном потенциале иностранных государств до 1 марта 1903 г. должны были поступать в статистическое отделение генерал-квартирмейстерской части Главного штаба, а затем (после реконструкции Главного штаба) в 7-е отделение военно-статистического отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. В функции отделения входили сбор, обработка и издание военно-статистических материалов по иностранным государствам, переписка по военно-агентурной части, командирование офицеров с заданиями разведывательного характера и рассмотрение важнейших изобретений по военному делу. Дальневосточными государствами (Японией, Кореей и Китаем) занимался 6-й стол 7-го отделения.
6. До войны с Японией Главному штабу по 6-й смете на «негласные расходы по разведке» ежегодно отчислялась сумма в 56000 рублей, распределявшаяся между военными округами от 4 до 12 тысяч рублей на каждый. Военно-статистическому отделу на нужды разведки выделялось около 1000 рублей в год. Исключение представлял Кавказский военный округ, которому в персональном порядке ежегодно выделялась сумма в 56890 рублей для ведения разведки и содержания тайной агентуры в Азиатской Турции (ЦГВИА СССР. Ф. 487. Оп.1. Д.231. Л.1). Между тем Япония, готовясь к войне с Россией, затратила на подготовку военной агентуры около 12 млн. рублей золотом. Проблемы финансов продолжали стоять перед разведывательными организациями и после русско-японской войны, несмотря на некоторую тенденцию к улучшению. Только накануне 1-й мировой войны правительство, памятуя о печальном опыте русско-японской войны, значительно увеличивает финансовые ассигнования западным военным округам.
7. *Витте, Сергей Юльевич* (1849 — 1915) — русский государственный деятель. Родился в семье крупного чиновника. В 1870 г. окончил физико-математический факультет Новороссийского университета. Затем около 20 лет работал в частных железнодорожных обществах. С 1889 г. — директор департамента железных дорог министерства. С 1892 г. — министр путей сообщения. С 1893 по 1903 — министр финансов. Являлся инициатором значительного сокращения военного бюджета. В 1905 г. возглавлял делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор с Японией, за что получил титул графа. В 1905 — 1906 гг. возглавлял Совет министров.
8. В данном случае весьма характерно донесение военного агента из Японии от 21 марта 1898 г.: «...Китайские идеографы составляют самую серьезную преграду для деятельности военного агента, направленной к изучению военного устройства этой страны (Японии). Не говоря уже о том, что эта тарабарская грамота исключает возможность пользоваться какими-либо случайно попавшими в руки негласными источниками, она ставит военного агента в полную и грустную зависимость от добросовестности... японца-переводчика. Положение военного агента может быть по-

истине трагикомическим. Представьте себе, что Вам предлагают приобрести весьма важные и ценные сведения, заключающиеся в японской рукописи и что для Вас нет другого средства узнать содержание этой рукописи, при условии сохранения необходимой тайны, как послать рукопись в Петербург, где проживает единственный наш соотечественник, знающий настолько письменный японский язык, чтобы быть в состоянии раскрыть содержание японского манускрипта. Поэтому для военного агента остается лишь один исход — совершенно и категорически отказаться от приобретения всяких guasi* секретных письменных данных, тем более, что в большинстве случаев предложение подобных сведений со стороны японцев будет лишь ловушкой» (цит. по: Русско-японская война 1904 — 1905 гг. — Спб., 1910. Т.1. — С.156 — 157).

9. *Цы Си* (1835 — 1908) — маньчжурская императрица, стоявшая у власти в Китае с 1861 по 1908 г. Была наложницей императора Сянь фына, а после рождения сына — наследника престола — стала его второй женой. Регентша с 1861 по 1873 и с 1875 по 1889 г. В 1898 г. в результате дворцового переворота сосредоточила всю власть в своих руках. Отличалась жестокостью и хитростью.
10. *Пажеский корпус* — привилегированное военно-учебное заведение в дореволюционной России для подготовки к военной и государственной службе детей высшей дворянской знати. Окончившие Пажеский корпус пользовались преимущественным правом службы в гвардии, получали чин поручика (в кавалерии — корнета), неспособные к воинской службе — гражданские чины 10, 12 и 14-го классов.
11. *Куропаткин, Алексей Николаевич* (1848 — 1925) — русский военный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. и завоевания Средней Азии. Накануне русско-японской войны — военный министр. 7 февраля-13 октября 1904 г. — командующий Маньчжурской армией. С 13 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г. — главнокомандующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. С 8 марта 1905 г. — командующий 1-й Маньчжурской армией. Затем — член Государственного Совета. В годы 1-й мировой войны — командующий Северным фронтом. В 1916 — 1917 гг. — туркестанский генерал-губернатор.
12. В 1903 — 1905 гг. наместником императора на Дальнем Востоке был адмирал Е.И.Алексеев, внебрачный сын Александра II, пользовавшийся большим влиянием при дворе. Одной из его функций в мирное время было руководство деятельностью русских военных агентов в дальневосточных государствах. В начале войны он был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке, но, после ряда военных неудач, в октябре 1904 г. отозван в Петербург. Главнокомандующим вместо него стал командующий Маньчжурской армией генерал от инфантерии А.Н.Куропаткин. Е.А.Алексеев продолжал формально считаться наместником вплоть до июня 1905 г., когда должность наместника была окончательно упразднена.

---

* Квази (псевдо).

13. Имеется в виду генерал *Владимир Викторович Сахаров*, брат военного министра, начальник штаба у А.Н.Куропаткина.
14. Сражение под Мукденом продолжалось с 6 по 25 февраля 1905 г. и являлось одним из крупнейших сражений времен русско-японской войны. С обеих сторон участвовало около 300 000 чел. Закончилось поражением и отступлением русских войск. Однако японцы, несмотря на свою победу, не сумели довершить поражения русских войск из-за недостатка сил, особенно для преследования. Неудача под Мукденом вызвала огромный резонанс в России. А.Н.Куропаткин был смещен с поста главнокомандующего и заменен генералом от инфантерии Н.П.Линевичем.
15. «Войсковая разведка», в отличие от тайной, производилась без использования агентуры. Ее функции возлагались в основном на конницу и охотничьи команды, которые впоследствии были преобразованы в разведроты. К «войсковой разведке» относились также сведения наблюдателей, разведка боем и воздушная разведка (посредством привязных шаров и аэростатов). Кроме того, в ходе русско-японской войны были сформированы так называемые «партизанские отряды» численностью до 200 человек в каждом. Личный состав комплектовался из числа солдат и офицеров регулярной армии. В обязательном порядке изучалось подрывное дело. По данным на 1 июля 1905 г. в Южно-Уссурийском крае существовало 4 «партизанских отряда», подчиненных разведотделению 4 управления генерал-квартирмейстера Приамурского военного округа. Предполагалось, что в случае вторжения японцев в пределы Приморской области эти отряды станут ядром партизанского движения в крае, а пока они действовали в тылу противника в качестве разведывательно-диверсионных подразделений (ЦГВИА СССР. Ф.487. Оп.1. Д.432. ЛЛ.5, 9, 10, 69).
16. См. Отчет № 2 (разведотделения штаба Главнокомандующего), раздел V.
17. Следует отметить, что из опыта русско-японской войны руководители военного ведомства России сделали определенные выводы. В послевоенные годы предпринимается ряд мер по усовершенствованию организации агентурной разведки. Как известно, работа разведки делится на 2 основных этапа: сбор сведений и их обработку. После русско-японской войны они были резко разграничены и вверены каждый специальному органу. Централизованным руководством, вербовкой агентуры и контролем за ее деятельностью занималось «особое» (или разведывательное) делопроизводство Главного управления Генерального штаба. Обработка и систематизация получаемой информации были поручены специальным «статистическим делопроизводствам». В 1906 г. при штабах военных округов были созданы разведывательные отделения, независимые от отчетных. Разведка велась теперь по единой программе и под общим руководством Главного управления Генерального штаба. Для более успешного согласования работы центральных и местных разведорганов в 1908 и 1910 гг. проводились съезды старших адъютантов разведывательных отделений штабов военных округов. На этих съездах был выработан ряд методологических и организационных принципов работы разведорганов. Значительно активизировалась деятельность русской агентуры как на западном, так и на восточном направлениях.

18. После окончания русско-японской войны были предприняты меры по коренному улучшению организации контрразведывательной службы. Было усилено взаимодействие офицеров Генерального штаба с охранными отделениями. Последние выделили в распоряжение Генштаба своих агентов. В 1908 г. во время киевского съезда старших адъютантов разведывательных отделений была выработана общая система организации военной контрразведки в мирное время. Согласно этой системы, контрразведкой должны были заниматься чины отдельного корпуса жандармов, пограничной стражи под общим руководством старших адъютантов разведывательных отделений штабов военных округов. Их деятельность в свою очередь координировало 5-е делопроизводство Главного управления Генерального штаба. Был установлен тайный контроль за всеми иностранными гражданами, проживающими на территории военных округов. В 1909 г. была собрана специальная межведомственная комиссия под председательством директора департамента полиции. На заседании комиссии было решено привлечь к делу контрразведки особых жандармских офицеров. Комиссия также решила вопросы о взаимодействии жандармерии и штабов военных округов, о применении к приезжающим в Россию иностранцам особых правил надзора, о подсудности дел по шпионажу специальному суду и т.д. МВД и Министерство финансов (которому подчинялись пограничная и таможенная стража) вменили в неуклонную обязанность подведомственным им частям борьбу со шпионажем. Результаты не замедлили сказаться. Значительно увеличилось количество разоблаченных иностранных агентов. Так, например, в 1911 г. охранным отделением г.Петербурга была наконец пресечена деятельность некоего Рафаила Поваже, бывшего матроса, служившего в типографии морского министерства. Он беспрепятственно «трудился» на ниве предательства начиная с 1893 г., и продавал иностранным разведкам секретную информацию, проходившую через его руки.

В период 1-й мировой войны при штабах Верховного командования, фронтов и армий формируются специальные контрразведывательные отделения, которые разворачивают активную деятельность по выявлению и уничтожению вражеской агентуры. Следует сказать, что в это время русская контрразведка добилась немалых успехов. Помимо разоблачения многих вражеских разведчиков, она постепенно выяснила личные составы разведывательных бюро Германии и Австро-Венгрии, имена их руководителей, адреса бюро и конспиративных квартир, местонахождение разведывательных школ и способы подготовки агентов, методы вербовки, фамилии многих агентов и т.д. Однако была и оборотная сторона медали. В это время Россию захлестнула волна шпиономании, жертвами которой становились подчас невинные люди. Одним из наиболее крупных дел, сфабрикованных контрразведкой, было обвинение военного министра В.А.Сухомлинова в шпионаже в пользу Германии. Нелепость предъявленных ему обвинений была настолько очевидна, что правительство не решилось казнить Сухомлинова, и, освобожденный Февральской революцией, он закончил свои дни в эмиграции.

РАЗДЕЛ I

1. Имеются в виду лица, завербованные летом 1903 г. военным агентом в Корее подполковником Л.Р.фон Раабеном. В начале 1903 г. он заменил на посту военного агента полковника И.И.Стрельбицкого, деятельностью которого были крайне недовольны в Главном штабе. Памятуя о печальной участи своего предшественника, Л.Р.фон Раабен попытался развить активную деятельность в области агентурной разведки. В июне 1903 г. он сообщал рапортом в Главный штаб: «...В последнее время удалось организовать сбор сведений в Корее. Наняты переводчики и имеются сотрудники европейцы из находящихся на корейской службе. Постоянные агенты из корейцев находятся по одному в Генсане, Фузане, Чинампо и два в И-чжю... Сведения о корейских властях, японском гарнизоне, о деятельности японцев и прочее получаются также от дворцового адъютанта (вроде флигель-адъютанта), от начальника юнкерского училища (единственного сколько-нибудь образованного корейского генерала) и от начальника военной канцелярии императора Кореи» (ЦГВИА СССР. Ф.400. Оп.4. Д.319. Л.41).
2. Сражение под Тюренченом состоялось 18 апреля 1904 г. Это был первый бой на суше между Восточным отрядом русской Маньчжурской армии под командованием генерала М.П.Засулича и 1-й японской армией под командованием генерала Т.Куроки. Восточный отряд (19 тыс. чел., 62 орудия и 8 пулеметов), развернувшись на правом берегу реки Ялу южнее и севернее Тюренчена, перекрыл дорогу, ведущую из Кореи на Ляодунский полуостров и через Фынхуанчен в Маньчжурию. Общий резерв отряда (до 5,5 батальона и артиллерийская батарея) находился у деревни Тензы. Отряд имел задачу затруднить противнику форсирование Ялу и дальнейшее продвижение, а также выяснить силы, состав и намерения противника. 18 апреля 1904 г. 1-я японская армия (34 тыс. чел., 128 орудий и 18 пулеметов) при поддержке артиллерии переправилась через Ялу в районе Тюренчена выше расположения русских войск. В результате подавляющего превосходства в живой силе и технике японцам удалось захватить русские позиции. Победа в этом сражении создала благоприятные условия для высадки 2-й и 4-й японских армий на Ляодунский полуостров, развертывания наступления в глубь Маньчжурии и блокады Порт-Артура.
3. *Линевич, Николай Петрович* (1838/39 — 1908) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. В начале войны, до прибытия А.Н.Куропаткина на Дальний Восток, временно исполнял обязанности командующего Маньчжурской армией. После разделения в октябре 1904 г. маньчжурских войск на три армии был назначен командующим 1-й Маньчжурской армией. 3 марта 1905 г., после поражения под Мукденом и опалы Куропаткина, был назначен командующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке.
4. В отличие от японской наша пресса не отличалась подобной сдержанностью. Приведем выдержки из отчета разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 3-й Маньчжурской армии: «...Печать с каким-то непонятным увлечением торопилась объявить все, что касалось наших вооружен-

ных сил... не говоря уже о неофициальных органах, даже специальная военная газета «Русский инвалид» считала возможным помещать на своих страницах все распоряжения военного министра. Каждое новое формирование возвещалось с указанием срока его начала и конца. Все развертывания наших резервных частей, перемещение второстепенных (формирований) вместо полевых, ушедших на Дальний Восток, печаталось в «Русском инвалиде». Внимательное наблюдение за нашей прессой приводило даже иностранные газеты к верным выводам, — надо думать, что японский Генеральный штаб... делал по сведениям прессы ценнейшие заключения о нашей армии» (цит. по кн.: Рябиков. Разведывательная служба в мирное время и тайная агентура в мирное и военное время. — М., 1923. Ч.1. С.62 — 63).

5. *Хунхузами* называли обычно банды разбойников, терроризировавших местное население на Квантунском полуострове и в Маньчжурии. Кроме того, хунхузами называли отряды китайских феодалов, которые тайно финансировались правительством императрицы Цы си и японским командованием. Эти отряды вступали в столкновения с русскими оккупационными войсками, устраивали провокации на КВЖД и т.д., что, впрочем, не мешало им также грабить местное население. Таким образом, хунхузов можно разделить на просто бандитов и бандитов с политической окраской. Последние располагали хорошим оружием, пехотой и конницей и пополняли свои ряды даже из состава местной китайской милиции. Многие отряды по своей численности соперничали с регулярными воинскими подразделениями. Так, газета «Русский инвалид» писала в 1904 г.: «...В окрестностях Нигуты появилась значительная, свыше 500 человек, партия хунхузов, наводящая страх на окрестных жителей. Предводитель ее, некто Я-бин-тень, называет себя «владеющим полнебом» и уверяет, что он неуязвим для пуль. Вокруг него собираются все большие и большие толпы хунхузов» (Русский инвалид. 1904. № 28. С.3).
6. Разоблачения переодетых японских военнослужащих имели в основном случайный характер. Например, два японских офицера, переодевшись китайскими крестьянами и привязав для большего сходства искусственные косы, пробрались через сторожевую линию и почти на 20 верст углубились в расположения русских войск. Ни у кого не вызывая подозрения, они благополучно добрались до деревни Тайсухе. Разоблачили их лишь по чистой случайности. Один из русских солдат шутки ради дернул одного из них за косу, которая, к его великому удивлению, осталась у него в руках.
7. *Богдыхан* (или богдохин) — монгольское название, под которым в России был известен китайский император.
8. *Далай-Лама* — глава наиболее влиятельной в Тибете буддийской секты «гелугна», основанной в 14 веке. В 17 веке Далай-Лама при поддержке монгольского Гуши-хана захватил светскую власть над Тибетом. Его права были затем признаны Маньчжурской династией, утвердившейся в Пекине в 1644 г. Начиная с 1700 г. пекинский двор начал постепенно ограничивать власть Далай-Лам. Тринадцатый по счету Далай-Лама, о котором идет здесь речь, родился в 1876 г. Был известен как строгий, но просвещенный и справедливый правитель. В 1904 г., после вторже-

ния в Тибет английских войск, бежал в Монголию, рассчитывая на помощь России. Лишь в 1908 г. по совету России помирился с Пекином и вернулся в Тибет с ограниченными полномочиями. Бесчинства китайских войск скоро заставили его бежать в Индию, откуда он вновь вернулся в Лхасу только в начале 1913 г. и, воспользовавшись политическими переменами в Китае, объявил Тибет независимым государством.

9. Сражение на реке *Шахэ* продолжалось с 22 сентября по 4 октября 1904 г. (по старому стилю). В середине сентября А.Н.Куропаткин по требованию императора решил предпринять наступление против японцев с целью помочь осажденному Порт-Артуру. Русская армия под командованием А.Н.Куропаткина насчитывала в это время около 200000 человек., из которых в сражении участвовала только половина, а остальные находились в резерве. Японская армия под командованием маршала Ояма имела около 170000 человек. Боевые действия шли с переменным успехом. 5 октября обе стороны, понеся большие потери и не добившись решающего перевеса, прекратили атаки и приступили к укреплению занимаемых позиций. Установился 60-километровый позиционный фронт.
10. Японцы активно пользовались этим. Они создали целый ряд бюро, занимавшихся фабрикацией фальшивых «вещественных доказательств», которые затем разбрасывались в тылу японских расположений с целью ввести в заблуждение русскую разведку.
11. Имеется в виду участие русских войск в подавлении восстания ихэтуаней в Китае (1898 — 1901 гг.), или, как их называли европейцы, «боксеров». Инициатором восстания было тайное религиозное общество «Ихэцюань», что в переводе означает «Кулак во имя справедливости». Повстанцы, тайно поддержанные цинским правительством, выдвинули лозунг борьбы против иностранного засилья и громили иностранные миссии. Действия правительственных войск против повстанцев оказались безрезультатными. В 1900 г., в момент наибольшего подъема восстания, объединенные войска России, Германии, Англии, Австро-Венгрии, Франции, США, Японии и Италии предприняли совместную интервенцию и разгромили повстанцев, однако отдельные очаги сопротивления продолжали борьбу вплоть до осени 1901 г.
12. Помимо организации глубокой разведки по всему фронту, на генерал-майора В.А.Косаговского возложили еще командование Сибирской казачьей дивизией. Предполагалось, что эта дивизия будет служить ему подспорьем при ведении разведки. Сам В.А.Косаговский вначале отнесся к этому безо всякого энтузиазма и записал в своем дневнике следующее: «...У Куропаткина явилась мысль назначить меня заведующим разведкой, дать мне в полное распоряжение мою собственную конницу, которой я самолично мог бы производить разведки по моему собственному почину, восполняя и проверяя полученные со всех сторон сведения... Это теоретическое решение было едва ли выполнимо: ни один из крупных начальников боевых участков не допустил бы меня хозяйничать у него. Да и самый фронт армии, растянувшийся от моря до моря без железных дорог, телефонов, организации вообще, не мог допустить меня сводить все сведения воедино и своевременно... предоставить главнокомандующему... Я

сам понимал несовместимость подобного командования строевой частью одновременно с ведением разведки на всем фронте, а потому, по первому же разу отказался от принятия Сибирской казачьей дивизии, начальник которой генерал-лейтенант Симонов внезапно заболел грыжею. Но потом, видя, что Харкевич лишил меня всякой возможности вести разведку, я, дабы не упускать и строевое назначение, снова явился к Куропаткину, дабы заявить ему, что я готов вести разведку и одновременно принять Сибирскую казачью дивизию (ЦГВИА СССР. Ф.76. Оп.1. Д.7. ЛЛ.293 об. — 294).

13. В данном случае сказывались давние и тесные торговые связи Японии с Маньчжурией, а также хитрая дипломатическая игра японского командования, которое внушало местному населению, что защищает его от «варваров севера».
14. Однако русское командование в период русско-японской войны из гуманных соображений так и не ввело эту меру в повседневную практику разведывательной службы. Налицо были лишь очень редкие исключения.
15. Имеется в виду тайный агент.
16. См. раздел II «Агент-двойник» (дело Хосе Гидиса).
17. См. раздел III «Дневник японского разведчика».

РАЗДЕЛ II

1. А.А.Игнатьев писал в своих мемуарах следующее: «...Уже зимой следующего (1905) года я получил через штаб письмо, посланное японским штабом и доставленное по китайской почте в Мукден. Это было предсмертное послание Гидиса, написанное в ночь перед казнью. »Уважаемый капитан, — писал мне Гидис по-английски, — я сохранил о Вас добрые воспоминания и хотел перед смертью рассказать Вам кратко, что со мной случилось. Я родом португалец, родителей своих никогда не знал, ни братьев, ни сестер не имел. Мальчишкой я устроился юнгой на английский торговый пароход, отходивший из моей страны на Кубу во время испано-американской войны. Я понравился испанскому командованию и был послан агентом в американские линии. Американцы в свою очередь обрадовались моему хорошему знанию английского языка, дали мне поручение в испанские линии, и вот таким образом я ознакомился с моим новым ремеслом и полюбил его. К сожалению, когда я в последний раз был в Вашем штабе, Вас заменил другой русский офицер, который дал мне новые и довольно подробные сведения о вашей армии. Они казались на первый взгляд очень интересными, но японское командование сразу открыло их полное несоответствие с действительностью, арестовало меня и, обвинив в шпионаже в вашу пользу, приговорило к смерти». Я сохранил это письмо...» (См. Игнатьев А.А. 50 лет в строю. Петрозаводск, 1963. Т.1. С.218 — 219).
2. Имеется в виду взятие Порт-Артура, тогда еще китайской крепости, в 1894 г. японцами во время японо-китайской войны. Город штурмовала 18-тысячная армия под командованием маршала Ояма. Сопротивление продолжалось всего 6 часов. Китайский гарнизон численностью в 12000 человек частично разбежался, а

частично был перебит. Японцы потеряли при этом 15 человек убитыми и 200 ранеными.

3. На самом деле японцы потеряли под Порт-Артуром свыше 100000 человек убитыми и ранеными.
4. *Детко Коллинс* — русский тайный агент, разоблаченный японцами. Русское командование подозревало, что его выдал Гидис.
5. *Персиц, Иван Федорович* — до и после русско-японской войны работал в московской сыскной полиции. Владел иностранными языками. В начале войны был призван на службу в качестве рядового в 4-й Заамурский железнодорожный батальон. В начале 1905 г. Персица, учитывая его полицейский опыт, решили привлечь к работе в контрразведке и передали в распоряжение подполковника Шершова. Ему поручили розыск иностранных шпионов, преимущественно из числа европейцев, и негласный надзор за ними. Персиц не любил афишировать свое звание рядового и именовал себя «доктором философии Персицем», а иногда утверждал, что он офицер. На организацию и ведение контрразведки ему ассигновалось через посредство подполковника Шершова 1000 рублей в месяц. Однако вся эта затея окончилась неудачей. В отчете разведотделения штаба Главнокомандующего данное обстоятельство объяснялось тем, что «Персиц оказался нравственно несостоятельным и не сумел подыскать хороших сыскных агентов» (см. ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д.29090. Л.31).
6. Здесь Гидис явно лжет. Из публикуемых в конце раздела писем Гидиса коменданту Харбина видно, что в госпитале он все же был и вообще пользовался немалыми для заключенного поблажками.
7. См. письма Гидиса коменданту Харбина в конце раздела.
8. По-видимому, он имеет в виду транспорты, потопленные русскими крейсерами в 1904 г.

ТАЙНЫ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Редактор *Т.В. Хордина*
Мл. редактор *К.В. Иорданская*
Редактор-оператор *Л.Ю. Шанина*
Художник *В.Ю. Новиков*
Художественный редактор *В.К. Кузнецов*
Технический редактор *А.М. Токер*

Подписано в печать 30. 11. 92. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 18,06. Усл.кр.от. 18,27 . Уч. изд.л. 17,26.
Тираж 10000 экз. Изд. №48512. С 001.
Зак. 1739.

Издание подготовлено на микроЭВМ
с помощью программы «Вентура Паблишер»

АО Издательская группа «Прогресс»
«Прогресс-Академия»
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Московская типография № 7
Министерства печати и информации
Российской Федерации
121019, Москва, пер. Аксакова, 13